

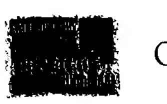
КНИГА 1

ТОМ 1

Е. АЛЬБОВСКИЙ

ХАРЬКОВСКИЕ КАЗАКИ

КНИГА 1 ТОМ 1

Харьков — 2009

УДК 94 (477.54)
ББК 63.3 (4 Укр. – 4 Хар.) 46

Книга издана при финансовой поддержке
Евгении Владимировны Брыковой

АЛЬБОВСКИЙ Евгений Александрович

ХАРЬКОВСКИЕ КАЗАКИ

I-я книга I-го тома

Эта книга является переизданием работы (1914 г.) известного историка Евгения Альбовского. В увлекательной форме, с использованием огромного количества архивного материала автор знакомит читателя с проблемами заселения Слободской Украины, возникновения Харькова, историей Харьковского слободского казачьего полка, живо воссоздает картины быта и взаимоотношений между казаками, казацкой старшиной и царским правительством, исследует вопросы социально-политических отношений в слободских полках во второй половине XVII в.

Книга будет полезна всем, кто интересуется историческим прошлым Харькова и Слободской Украины.

ISBN 966-8246-22-5

(О Евгении Альбовском и его книге «Харьковские казаки»)

Евгений Александрович Альбовский – один из наиболее известных историков Слободской Украины. Его перу принадлежат несколько работ: «История Харьковского слободского казачьего полка 1651–1765» (1895), «Валки, украинный город Московского государства» (1905)[1], «Харьковские казаки вторая половина XVII столетия» (1914)[2] и многие другие исторические исследования, журнальные заметки, воспоминания.

Судьба и жизнь Альбовского остаются большой загадкой, темой для исследования будущих историографов. Единственные проверенные данные – происхождение и предки историка. Собственно говоря, труды Альбовского по истории Слобожанщины связывались с его генеалогией, основной канвой исторической памяти провинциального дворянства. С другой стороны, Альбовский зависим от армейской службы и военной истории, историк был профессиональным военным и служил в Харьковском уланском полку. История этого воинского подразделения, истоки формирования и боевой путь, создание музея полка, кажется, были основными направлениями деятельности Евгения Александровича.

Родоначальником рода Альбовских считается Федор Григорьевич Альбоский. Документы об этом сотнике помещены в «Харьковских казаках...». Мы можем только немного уточнить и расширить эти данные. Альбоский (Григорьев) Федор Григорьевич – в 1690 г. «сотник села Люботина полковых козаков» Харьковского слободского казачьего полка. В этом же году он получает разрешение на строи-

[1] Смотри репринтное переиздание к 350-летию Валок: Альбовский Евгений. Валки, украинный город Московского государства. – Харьков: Фолио, 1993.

[2] Полное название книги: Харьковские казаки вторая половина XVII столетия (по архивным источникам). 1-я книга 1-го тома Истории Харьковского полка. Издание музея 4-го уланского Харьковского полка. – Санкт-Петербург, 1914.

тельство мельницы «без перешкоды» и владение землей по обычаю «заимки». Значительно позже, в 1783 г., во время проверки законности земельных владений Харьковским верхним земским судом, потомки сотника представили основные документы: «сотника Гаврилы Альбоского селцо Альбовка... состоит в дачах села Люботина владеет по данному деду его сотнику Федору Гаврилову за службы от харьковского полковника Григория Донца уряловому письму в 1690 году»[3] Как видим, сама история, сохранение документов служили целям не интеллектуальной потребности, не общественной памяти, а, прежде всего, были средством легитимизации владений.

Известно, благодаря все тем же документам, сохраненным Альбовскими и опубликованным в «Харьковских казаках...», что в 1704 г. Федор Альбоский судился с пасынками Яковом и Петром Дмитренками, в связи с чем взял в полковой харьковской ратуше «листа», который подтверждал его владения. Как раз он основал сельцо Альбошевку (Альбовку) в окрестностях Люботина. По межевым документам 1785 г.: «Сельцо Альбошевка, владение сотника Гаврилы Васильева сына Альбоского... Оное сельцо положение имеет на речке Люботинке на левой стороне, дом господской деревяной, при нем сад с плодовитыми деревьями, яблонями, грушами, дулями, вишнями, сливами, кустами красной и черной смородины, с коих плоды собирают для господского обиходу»[4]. Как видим, сельцо – образец патриархальной простоты, мелкопоместное владение (в этом же документе: количество подданых – 30 мужчин и 32 женщины крестьян)[5].

Род Альбоских быстро расширялся, поместья было мало для обеспечения собственных потребностей. Мы без особого труда можем воссоздать генеалогию историка по мужской линии. Дети сотника Федора Альбоского, Василий и Даниил, продолжили службу в Харьковском слободском полку подпрапорными. Сын Василия, Гавриил, после ликвидации казацкой слободской автономии в 1765 г. ушел в отставку сотником и жил в Альбошевке, занимаясь сельским хозяйством. Его сын Григорий сделал довольно успешную карьеру, дослужившись до штаб-капитана. Наверняка у Гавриила Васильевича Альбоского был еще один сын – Иван. Ветвь Ивана Альбовского, Гавриила Ивановича Альбовского (1825 года рождения), корнета кирасирского Ее императорского Высочества цесаревны Марии Александровны полка, мы встречаем в «Родословной книге дворянства Харьковской губернии»[6].

У Григория Гавриловича Альбоского (жена Александра) были дети Александр (1817 г. р.), Николай (1828). Григорий (1831), Мария (1819), Надежда (1821), Екатерина (1822). 31 марта 1870 г. в дворянскую родословную книгу Харьковской губернии были причислены сыны Александра Ипполит, Анатолий, Евгений[7]. Это первое известное нам упоминание об историке. Интересный факт изменения фамилии Альбоский на Альбовский – это работа специалистов по исторической ономастике. Евгений Альбовский и его творчество – это скорее масса вопросов без ответа, начатый труд, поиски пока без находок.

Дата рождения историка нам неизвестна. Единственную, более менее полную биографию Е. Альбовского без ссылок написал современный харьковский исследователь С. Потрашков[8]. Известно, что Евгений Альбовский начал военную карьеру и заинтересовался историей Харьковского полка. Этот интерес был не только эмоциональным порывом, но и четко вкладывается в отклик возрастания заинтересованности общества военной историей после реформ армии 60-

[3] Центр. государственный исторический архив Украины в г. Киеве. – Ф. 1892, д. 297. – Лл. 49.

[4] Государственный архив Харьковской области. – Ф. 24, оп. 3, д. 4. – Лл. 96.

[5] Кроме этого, у нас есть данные о владениях сотника Гаврилы Альбоского 1783 г. Ему принадлежали: сельцо Альбошевка 233 десятины, 35 подданых (мужчин), пустоши: Куземовская (17 десятин), Альбоская (9 дес.), пуст. Мерчик (17 дес.). Все свои владения он подтвердил в 1770 г. (Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. – Ф. 1892, д. 297. – Лл. 49 и об.). См. также о пустошах Куземовской и Альбоской сотника Гаврилы Альбоского, обрабатываемой наемными людьми (Государственный архив Харьковской области. – Ф. 24, оп. 3, д. 4. – Лл. 89, 93 об.)

[6] Государственный архив Харьковской области. – Ф. 14, оп. 11, д. 2. – Лл. 77 об.

[7] Там же - Ф. 14, оп. 11, д. 3. – Лл. 33 об.

[8] Потрашков С. В. Слово об авторе/ Альбовский Евгений. Валки, украинный город Московского государства. - Харьков. Фолио. 1993. – С. 3 – 5.

70-х гг. XIX вв., русско-турецкой войны 1877–1878 гг., новой системы взаимоотношений в армейской среде и усиленной модернизации российских вооруженных сил. Однако труд Альбовского существенно отличается от многих других подобных произведений историчностью, вниманием к источнику, художественным стилем, мастерством писателя в отступлениях, неожиданностью освещаемых проблем и их решений.

Известно о сотрудничестве Альбовского с историком Дмитрием Багалеем в Харькове, о работе в архиве Харьковского историко-филологического общества и в Московском архиве главного штаба в Москве. Благодаря многим усилиям в 1895 г. в Харькове вышел первый целостный труд Альбовского по истории Харьковского казачьего слободского полка (в 1990 г. это произведение переведено на украинский язык и сокращенно напечатано в журнале «Прапор»[9]). Однако, несмотря на умелые замечания, широту мышления и удачную попытку исследования истории отдельного слободского казачьего полка, эта работа Евгения Альбовского довольно компилятивна (много выводов и заимствований у других историков: П. Головинского и Д. Багалея), она скорее интересна как попытка, начинание, путь, первый опыт научной критики. Особенность этого исследования – не только первый опыт систематизации истории Харьковского казачьего полка, но и характерная для Альбовского меткость высказываний, позже используемая историками Слободской Украины, в том числе и мной[10].

С 90-х гг. XIX в. по 1905 г. историк по долгу службы Евгений Альбовский пребывал в Белоруссии и Литве. Можем утверждать, что довольно часто он ездил для архивных разысканий в Москву, много писал и печатался. Он написал историю Харьковского полка до конца XIX в. (Минск, 1897), историю Иркутского драгунского полка, где служил ротмистром, оставил записки об усмирении латышей в 1905 г. «6 месяцев в Курляндии». С 1905 по 1914 гг. он жил в Альбошевке. Интересно, что жителями хутора интересовалось Харьковское жандармское управление в 1915 г.[11] В дальнейшем в судьбе Евгения Альбовского еще больше загадок. «Последнее известие о нем датируется по письмам маем 1917 г. Дальнейшая судьба его неизвестна»[12]. Историк пытается избежать домыслов, но проблема Евгения Александровича Альбовского после мая 1917 г. значительно шире, чем трагедии отдельных историков времен революции. Пытаясь понять Альбовского по его произведениям, мы сталкиваемся с вопросом о «растерянных личностях». Альбовский – яркий пример лояльности и служения Российской империи (произведение «Харьковские казаки» посвящено государю Алексею Михайловичу), но в то же время у историка очень ярко

[9] Альбовський Євген. Історія Харківського слобідського козацького полку// Прапор. – 1990. – № 7. – С. 100 – 147; № 8. – С. 87. – 127; № 9. – С. 84 – 118; № 10. – С. 126 – 134; Особое внимание по стилистике и интересным мыслям по происхождению *фамилии Альбоских и вообще истории* Слобожанщины следует обратить на предисловие к этому переводу Владимира Кравченка (Кравченко В. Передмова // *Прапор*. – 1990. – 7. – С.97 – 100.), где также имеются без ссылок данные с биографии Евгения Альбовского.

[10] См. например: Овчаренко Є. *Земельна власність* у Слобідській Україні XVII–XVIII в. Її походження і форми // Записки історико-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук. – К., 1928. – Т. XVII. – С. 73, ссылка 6 (о реформах слободских полков кн. Шаховского: «Альбовський так влучно схарактеризував ці реформи: в царствование *императрицы Анны Иоанновны в слободские полки* обрушился целый ряд реформ и других бедствий»); Журавльов Д. В. Військова справа в слобідських козацьких полках у другій половині XVII – першій половині XVIII ст. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. – Харків 2002. – С. 124 (*о событиях Северной* войны 1700 – 1702 гг.: «Подібну роль слобожан чесно визнає Є. Альбовський, зауважуючи, щоправда, що «приказание было отдано Шереметевым; козаки только являлись ревностными исполнителями его и детьми своего века, который иного способа ведения войны и не знал.»»); Маслійчук В. Радикальна реформа та «*старий звичай*» (Князь Олексій Шаховський і реформування слобідських полків 1733 – 1735 рр.) // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. –Харків, 2004. – Т. 10. – С. 37 (о событиях после реформ Шаховского: «Існування великої кількості керівних інстанцій перетворювало полковника, за виразом Є.Альбовського, на «цапа-відбувайла», що не мав реальної влади в полку, а *лише головував* у полковій канцелярії»).

[11] Центральный государственный исторический архив Украины *в г. Киеве*. – Ф. 307, оп. 1, д. 106.

[12] Потрашков С. Б. Слово об авторе. – С. 5.

проявляются украинские («малороссийские») симпатии, о чем можно судить по отношению к гетману Петру Дорошенко в той же книге. Украинскую стихию историк воспринимает эмоционально, что видно по поэтическим отступлениям. Он осуждает знатное происхождение слободских казацких старшин, хотя сам был наследником казацко-старшинского рода, чем отрицает свое собственное происхождение от «шляхетных» предков. Отношение к казацкой элите у Альбовского тоже довольно своеобразное и изложено преимущественно не в светлых тонах. Посмотрим, например, как он характеризует старшинскую геральдику, основу выделения знатности в «Харьковских казаках»: «В полку была «гербовая полковничья печать», считавшаяся полковою. Интересно бы знать, что из себя изображал «герб», например, полковника Ахтырского полка Ивана Перекрестова – «Перехреста». Что нибудь из иерусалимской герольдии?[13] Хорош полковой «клейнод» (драгоценность, святыня – знамя, пернач, печать)! Сомневаемся, чтобы и у харьковского полковника «Грицка» Донца был свой герб. После, когда под конец он сделался стольником, когда потомки его обратились к «Захаржевским», может быть, герб и был сфабрикован». Какой путь избрал этот историк, если остался жив в 1917-1919 гг.? Догадки и предположения неуместны. Этот путь был печален и трагичен.

Предлагаемая книга – часть проекта по истории Харьковского полка, задуманного Евгением Альбовским. Эта первая часть – наиболее тщательная и самая богатая на гипотезы из-за особенности источников. Основа источниковой базы – документы Белгородского стола Разряда (структуры, управлявшей вооруженными силами Московского государства), хранившиеся в то время в Московском отделении архива Министерства юстиции. В связи с широким доступом к источникам в этой работе Евгений Альбовский критически относится к предыдущей историографии (и к своим прежним работам в том числе), зачастую избегая изложения по проблематике вопроса.

Работу над книгой, сбор материала, обобщение и первые статьи историк начал во время пребывания в Белоруссии, продолжая исследования по истории Харьковского полка. Первая из известных нам статей – «Первая в г. Харькове казнь и возникновение слободского козачьего полка», вышедшая в Белостоке в 1903 г. Это небольшая десятистраничная брошюра. Много материала и размышлений для будущей книги Альбовский опубликовал в своей работе «Валки, украинный город...» в 16-ом томе Сборника Харьковского историко-филологического общества в 1905 г. Однако можно заметить, что книга не анонсировалась большим количеством статей и заметок.

«Харьковские казаки» вышли небольшим тиражом и за пределами Украины. Ко всему, затянувшаяся война, социально-экономический кризис не содействовали интенсивному обсуждению вопросов местной истории, затронутых Альбовским. Однако книгу заметили; молодой историк, а в будущем – академик и ведущий знаток славянской истории, Владимир Пичета опубликовал небольшую положительную рецензию на эту работу[14].

Несмотря на все, эта работа Альбовского стала библиографической редкостью. Книга была в Харькове в 20-х гг. XX века, ее использовал историк Евгений Овчаренко. К сожалению, после Второй мировой войны в харьковских библиотеках книги не стало и местные историки были лишены возможности использовать этот очень нужный и важный труд. Еще один экземпляр находился в Киеве в библиотеке Всеукраинской Академии наук, сейчас в Национальной библиотеке Украины им. В. Вернадского.

Переиздание этой книги сыграет важную роль. Архивная эвристика Альбовского, блестящая логика и легкий стиль помогут лучше осознать прошлое Харькова и Харьковщины, позволят избежать массы ничем не обоснованных измышлений и легенд об основании Харькова,

---

[13] На самом деле и герб Перехрестова и герб Захаржевских существовали и до этого времени являются одними из ярчайших памятников слободскоукраинской геральдики. См.: Маслійчук В. Прагнення «шляхетськості» козацької старшини Слобожанщини (друга половина XVII – XVIII ст.) // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). – К., 2004. – Вип.4. – С. 265 – 278. Герб Перекрестова: Степовик Д. Українська графіка XVI – XVIII ст. – К., 1982. – С.220.

[14] Пічета В. (Рецензія) Альбовський Е. Харьковскіе козаки. – СПб., 1914 // Український науковий збірник: видання Українського наукового товариства у Київі. – Вип. 2. – М., 1916. – С. 121–123.

первых годах существования города, о Балаклейском казацком полке, о будничной жизни и политических симпатиях населения Слобожанщины во второй половине XVII века.

Историческая наука не стоит на месте. Многие утверждения Альбовского действительно можно подтвердить, но некоторые выводы следует подвергнуть критике.

Уже во вступлении сам историк критикует свою предыдущую работу по истории Харьковского полка (1895). Главное для Альбовского – архивный материал. Исследователь, работая с московскими архивами, оказался далеким от источников местного происхождения, особенно от сохранившейся переписки чугуевских воевод, отсюда некоторые погрешности. Во многом с Альбовским следует согласиться: в сложности отношений между украинскими переселенцами и российскими воеводами, что ярко видим на примерах Харькова и Чугуева, в особой роли отдельных личностей (например, Якова Черниговца) в колонизации края. Я целиком разделяю мнение историка о первом харьковском «осадчем» Иване Крывошлыке. Отдельные утверждения Евгения Альбовского патриотичны, но сомнительны, например: «И малороссы пьянствовали, это несомненно; но, во всяком случае, уступали пальму первенства «москалям»», или же: «Идеал малоросса был – не сабля, пика, рушница, а «и ставок, и млынок, и вишневый садок»». В то же время историки взаимоотношений казацких автономий и Московского государства в XVII–XVIII вв. могут уверенно использовать в качестве эпиграфа мысль Альбовского: «Наметив себе какую-нибудь цель, Москва систематически, неуклонно шла к ней, упорно преодолевая препятствия. Неудачи не отбивали охоты. Выждав удобное время, она повторяла усилия и достигала желаемого, не особенно церемонясь в выборе средств и не останавливаясь перед устранением стоявшего на дороге». Можно подискутировать об уровне зависимости украинских переселенцев на Слобожанщину (Альбовский, на мой взгляд, тенденциозно в связи с особым видом источников отрицает наличие у «черкас» свобод и независимости поведения), но это не уменьшает значение выводов автора.

Интуиция Альбовского во многом подтверждается последующими исследованиями других историков. Например, данные о начале Харьковского полка, возникновение которого историк датирует 1659–1661 гг.[15], вопрос о месте рождения и полковничестве Ивана Сирко в Харькове[16]. Можем утверждать, что историку не были знакомы современные ему исторические исследования В. Данилевича[17] и новые издания документов и работы Д. Багалея по истории Харькова в XVII в.[18] Не тщательно использовал Альбовский и известный ему труд преосв. Филарета «Историко-статистическое описание Харьковской епархии» (1857–1859). Отсюда повторы, «открытия», уже сделанные другими историками, и публикация документов (челобитная харьковчан 1667 г.) уже известных и опубликованных. Предположение Альбовского о мифичности полковника Федора Репки следует опровергнуть, этот харьковский казацкий старшина действительно существовал[19]. В целом же «картина истории» Харьковского полка Евгения Альбовского настолько полна, настолько насыщенна ярким архивным материалом, что до этого времени не превзойдена последующими исследованиями.

---

[15] Сравни: Юркевич В. Харківський перепис р. 1660 // Записки історико-філологічного відділу Всеукр. Академії наук. – К., 1928. – Кн. XX. – С. 130 – 133.

[16] См. Маслійчук В. ALTERA PATRIA: Нотатки про діяльність Івана Сірка на Слобідській Україні. – Харків: Харківський приватний музей міської садиби; Торсінг, 2004. – С. 24, 36.

[17] Данилевич В. Е. Время образования слободских черкасских полков // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому, его 30-летнему юбилею профессорской деятельности в Московском университете. – М., 1909. – С.632–639; Данилевич В. Из истории управления Слободской Украины в XVII ст.(К биографии Острогожского черкаского полковника И.С. Саса). – Б. м., б. г.; Данилевич В. Нові дані для біографії І. Сірка // Записки Українського наукового товариства в Києві. – К., 1908. – Кн. 3. – С. 140–148.

[18] Багалей Д. И., Миллер Д. П. История города Харькова за 250 лет его существования (1655–1905). – Харьков, 1905. – Т. 1; Багалей Д. И. Материалы для истории города Харькова в XVII в. – Харьков, 1905.

[19] Юркевич В. Еміграція на Схід і залюднення Слобожанщини за Богдана Хмельницького. – К.: Вид-во ВУАН, 1932. – С. 44; Юркевич В. Харківський *перепис р.* 1660. – С.132, 145; Данилевич В. Нові дані для біографії І. Сірка. – С. 144.

Эта работа имела, к сожалению, очень слабый отклик в историографии. Много данных из книги Альбовского использовал Дмитрий Багалей для создания популярной «Історії Слободської України» в 1918 г. Как уже отмечалось, использовал исследование Альбовского харьковский историк землевладения Евгений Овчаренко, знал о нем киевлянин Виктор Юркевич.

Очень важно отметить, что Евгений Альбовский написал продолжение «Харьковских казаков», вторую часть первого тома «Истории Харьковского полка» – «Харьковские казаки первая половина XVIII столетия». Книга была аннотирована[20] и, возможно, вышла очень маленьким тиражом в Санкт-Петрограде в 1915 г.[21] До этого времени поиски этой книги или ее рукописи не принесли результата. Возможно, в дальнейшем это произведение удастся отыскать.

О «Харьковских казаках второй половины XVII столетия» без преувеличения следует сказать – это классика историографии, написанная человеком не с профессиональным образованием, а офицером-любителем, классика, не нашедшая достойных последователей и оставшаяся единственной в своем роде. Сколько историков – столько историй. Исторические произведения и исследование жизни Альбовского – истории без продолжений?

Владимир Маслийчук

[20] См. библиографию книг по истории Украины 1914 - 1916 гг. в журнале «Наше минуле». - 1918. - №1. - С. 196.

[21] Историк Евгений Овчаренко первый обратил внимание на существование этой книги, но в харьковских библиотеках он ее не нашел (Овчаренко Є. Земельна власність у Слобідській Україні XVII–XVIII в. - С. 91.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1895 году вышла «История Харьковского Слободского Козачьего полка». В основу её были вложены немногие сочинения по истории *«одного из наиболее тёмных отделов южнорусской истории – Слободской Украины»*. За исключеиием строго научных трудов проф. Д. И. Багалея (изданных до 1893 г.) и отчасти труда преосвященного Филарета («Ист.-стат. описание Харьковской епархии»), старые сочинения по истории Слободской Украины далеко не исчерпывают предмета, архивный же материал ими совсем не был затронут. Поэтому сообщённые в них сведения скудны, отрывочны и иногда явно ошибочны, а, главное, многие стороны изложены в освещении не вполне верном. Отчасти это можно сказать и об официальных документах XVIII ст., приводящих сведения о зарождении «Черкасских» (Слободских) полков (напр. «Экстракт о Слободских полках).

В «Истории Харьковского Слободского Козачьего полка» автор внёс некоторый архивный материал, извлечённый им из «Харьковского исторического архива» (при Харьковском университете), но документы, хранящиеся в нём по истории Слободской Украины, начинаются лишь с 1736 г. («Дела полковых канцелярий слободских полков»); более ранних документов в архивах нет, по крайней мере так было в 1893 г., когда автор работал в нём.

После издания названной книги автор продолжал собирать материалы по интересовавшему его вопросу за вторую половину XVII ст. Изучение их показало, что первоначальный его компилятивный труд грешит также многими неточностями и пробелами. Всё это и заставило его написать новое исследование иа основании уже исключительно архивиого материала, как он его понимает.

В распоряжении автора при этом имелись из печатных источников *только*: две книги «Материалов»[1] и «Труды Харьковской комиссии по устройству XIII арх. съезда в Екатеринославе» (Харьков, 1905 г.), в которых напечатаны точные копии арх. документов за вторую половину XVII ст. Какими-либо другими печатными источниками автор на этот раз не пользовался, так как для него по личным условиям трудность разыскания этих источников, составляющих по большей части библиографическую редкость, граничила с полной невозможностью, и если в примечаниях в настоящем труде автор ссылается на некоторые сочинения, то эти ссылки взяты из прежней работы, когда он пользовался литературой предмета[2] в течение месяца, благодаря редкой любезиости и доброте глубокоуважаемого Дмитрия Ивановича Багалея, которому он много обязан и ещё раз приносит искреннюю благодарность.

Конечно, и выпуская настоящий труд, автор не претендует на полноту изложения и вообще непогрешимость, ему лишь хотелось бы по мере сил и разумения загладить свои прежние грехи, насколько они обусловливались неполнотой бывшего в его распоряжении архивного материала.

Петроковская губ.
1912 г.

---

[1] Д. И. Багалей «Материалы для истории и быта степной окраины Московского государства», Харьков, 1886 г. и «Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний», Харьков, 1890 г.

[2] Список её приведён в «Истории Харьковского Слободского Казачьего полка», Харьков, 1895 г. и СПб, 1914 г.

«Народы сменяли народы,
Лицо изменяла земля».

Смена народов в южно-русской равнине. – Борьба русских князей с кочевниками. – Нашествие татар. – Судьба страны. – Доисторическая и современная картина края.

Обширная южно-русская равннна с незапамятных времён служила ареной борьбы между сменявшимися народами. Впервые описанная Геродотом, страна эта называлась Скифией (у римлян – Сарматией). Как долго жили здесь «доители коров» (скифы – имя собирательное) и кто они именно были такие, не выяснено точно.

Их заменили пришедшие с севера готы, покорившие почти всю теперешнюю Европейскую Россию. И они промелькнули только: в 375 г., перейдя Дон, пронеслись ураганом гунны, разгромили сильное королевство Германариха и заняли равнину от Волги до Дуная. Но могущественное царство свирепого Атиллы скоро распалось.

После вековой борьбы с арабамн (со второй половины VII в.), вытесненные с нижней Волги и западных берегов Каспийского моря хазары заняли восточные берега Чёрного, распространили свои владення до рр. Десны, Сейма, Суллы и Сожи и покорили жившие там славянские племена. У хазар стала развиваться торговля с азиатским востоком при посредстве арабов и с западом Европы. Норманны, открыв водные пути, завязали торговлю с греками, цветущими колониями которых усеяны были тогда западные берега Чёрного моря. В перекрестные сношения этих предприимчнвых народов начали было втягиваться и славяне, платавшие пустую дань хазарам («по беле с дыма») и жившие, по-видимому, недурно, если свои поселения в этот период далеко продвннули на юг, поближе к победителям. Святослав нанёс жестокое поражение хазарам, и хазарское царство пало. Как появился этот народ на историческом поприще, так и сошёл с него без остатка как-то загадочно.

В IX и X вв. в южных степях, также сменяя друг друга, начали появляться орды диких кочевников. Пришли печенеги и отбросили на запад унгров и др., обрушились на славянские княжества, начавшие было развиваться. Стоявшие во главе нх норманны вступили в борьбу с печенегамн. Кровавая борьба закипела. Полвека ушло на неё. Половцы – лихие наездники – вытеснили родственных нм печенегов, торков и заняли нх места. Городов они не строили, хотя в земле их и упоминается Шарукань, Сутров и Чешуев. Торки спаслись в русские пределы. Русские князья образовали из них военные поселения по Суле и Росси. «Между обоими враждебными племенами образовалась широкая нейтральная полоса, совершенно пустынная» (до рр. Самары и Орели, Донца и Оскола). Князья с переменным счастьем вели с половцами войны, предпринимали походы вглубь степей, в Придонецкий край. Весь XII в. уходит на борьбу с этими народами. Северское княжество вело оборонительную войну, сооружало укреплённые линии по Пслу, Ворскле и Коломаку, а после по Северскому Донцу. Отступлением от этого

был поход Игоря Святославовича (1185 г.), имевший печальные последствия и полный разгром укреплений. Княжество Переяславское вело наступательные войны и обессилело в них. Половцы, отбросив славян к северу, внедрились между Ворсклой и Сулой. После этого начинается некоторое умиротворение, борьба затихает. Страшная участь готовится и половцам, и Руси. Из глубины Азии, выкинувшей столько номадов, надвигается новая туча свирепых разрушителей - татар. Часть половцев отхлынула в русские пределы; оседлое население отодвинулось ещё далее на север; и упомянутая полоса делается ещё более широкой и пустынной.

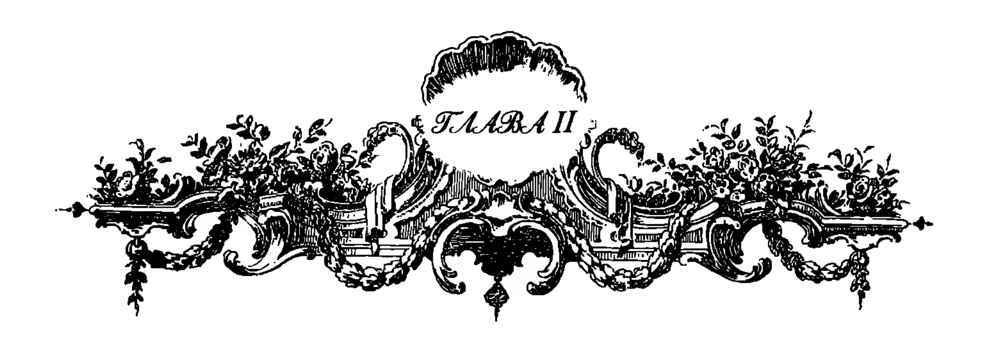
Татары уничтожили в крае всё; погибли зачатки нарождавшейся было культуры, города исчезли. Жители погибли под их развалинами или искали спасения на севере (Орловская, Тульская, Рязанская губ.), где, хотя и тяготело ужасное иго, но всё же не так. Оставшиеся на местах затерялись среди кочевья покорённых половцев и грозных победителей и растворились в их массе. В южных степях татары запрещали возобновлять разрушенные города, преследуя тем свои цели. Даже Киев, где сидел «могучий» Олег, заставлявший трепетать Царьград, был разрушен до основания и уже никогда не мог возобновить своего былого величия. Когда Даниил Галицкий отстроил некоторые города, появился сподвижник Батыя Бурундай и потребовал их разрушения; то же было в Суздальской и Рязанской землях.

И край, благодатный край, запустел и превратился в дикие, безлюдные степи. Даже Клио на своих скрижалях надолго перестала о нём говорить.

«Народы сменяли народы, лицо изменяла земля». В этой краткой поэтической формуле – вся история страны. Профессор Краснов говорит, что в доисторические для этого края времена природа Придонецкой области была совсем иная. Реки струились, постоянно занимая всё пространство их теперешних поёмных долин, следовательно, ширина их мерилась верстами. Левым берегом их была теперешняя область песков, тогда обильно поросшая лесами, сплошной полосой тянувшимися до Дона. Междуречные чернoземные пространства изобиловали озёрами и болотами. Южная же равнина и тогда представляла степь. Об этом свидетельствуют все историки, начиная с Геродота. Неверность же утверждения некоторых, что покрывавшие будто бы их леса были истреблены кочевниками, доказана.

Количество вод стало давно уже уменьшаться; за это говорят все данные; страна усыхает, ей грозит участь превратиться в пустыню. Нетечь и Немышль, напр., перестали быть харьковскими реками на глазах его жителей. Рр. Лопань и Харьков прежде были очень полноводны и широки, а теперь почти совсем пересыхают летом. Большие реки страны неуклонно мелеют и суживаются, озёра бесследно исчезают. Из восьми, например, больших и глубоких прудов на р. Люботинке (Валковского уезда) в течение 50 лет, прожитых автором, остались только два, из них один тоже высыхающий, а на месте другого видна грязная лужа.

Южные степи. – Курганы, каменные бабы, городища. – Зимняя картина края. – Севрюки. – Придонецкий край. – Безлюдность степей. – Описание Маслова. – Шляхи, Муравский шлях. – Сторожевая служба. – Стоялые острожки – Г. Царево-Борисов. – Черкассы. – Судьба г. Царево-Борисова.

Прошло более трёх столетий со времени нашествия татар. На рубеже Московского государства пограничными городами были: Мценск, Алатырь, Новгород-Северск, Путивль и др. Вот как далеко была отброшена Русь.

На юг от них к самому Чёрному морю шли привольные степи, прорезанные только в некоторых местах цепями небольших возвышенностей. Южные степи носили тогда даже официально поэтическое название «диких полей». Оседлости в них не было никакой – ни признака. Удивительное впечатление производили они на человека, в первый раз попавшего в них, своей чарующей красотой. Это было безбрежное зелёное море, цветущее, благоухающее. Таинственная, синеющая даль манила к себе. Таинственность увеличивалась ещё видом разбросанных то группами, то по одному «высоких могил» – курганов со стоящими на них каменными загадочными истуканами. Это были степные нимфы, происхождение которых не выяснили знатоки мифологии; может быть, это боги-покровители какого-то народа.

В степи на равнине открытой курган одинокий стоит,
Под ним богатырь знаменитый в минувшие веки зарыт.

И сколько неведомых нам витязей легло под эти курганы, не оставив по себе никаких преданий! Непробудный их сон охраняли только эти «бабы», а нарушали татары, въезжая на них иногда, что бы высмотреть, нет ли добычи. Но «бабы» не устерегли спящих в могилах, да и самих себя. В недрах копаются теперь археологи, пытаясь разгадать, какой народ и когда насыпал эти курганы, вытесал нимф, свезенных теперь в музеи.

Нередко попадаются также остатки каких-то земляных насыпей, рвов – это остатки городов, где жили люди и под развалинами которых последние из них сложили свои головы. Но развалин самих нет и следа, сохранились только земляные валы, поросшие буквально не только «травою забвенья», но и вековым дубом. Это – городища. Много их. В одной Харьковской губ. профессор Д. И. Багалей насчитал 37[3], но больше их, верно; если автору даже известны пропущенные одно очень большое и одно меньшее (Валковский уезд) городища.

Дикие поля были не только таинственны, но и грозны теми опасностями, которые мог на каждом шагу встретить путник. В степях водились хищники, подстерегавшие человека. Полная безлюдность только казалась. Бродившие добычники опасались даже друг друга и старательно скрывали своё пребывание. И сколько кровавых драм разыгрывалось в прекрасных долинах, оживлённых журчанием чистых, полноводных рек и бесчисленных ручейков. О былом суще-

[3] Труды XII Археол. Съезда, т. 1.

ствовании их свидетельствуют теперь старинные документы да пересохшие «балки», сохранившие их названия.

В общем, страну можно назвать бесконечной равниной, но вид её в частности далеко не однообразный – в ней и тучные луга по берегам рек, текущих иногда в глубоких долинах, были и большие леса, поросшие по живописным урочищам. И по всему по этому такой был климат, такая по плодородию почва, какой немного на свете.

Зимой картина резко менялась. Край обращался в пустыню, укрыться от снежных метелей было негде. А они со страшной силой бушевали себе на широком просторе. Не видно нигде было столба поднимавшегося дыма, указывавшего на присутствие человека. Кое-где, впрочем, среди болот «по берегам Суллы и Псла, где существовали и скрывались остатки одного из древнейших туземных племен – Севрюки», ещё можно было наткнуться на жильё.

Западная часть равнины, между Днепром и Днестром, в XVII в. чаще посещалась людьми – через степи тянулись караваны турецких, татарских и армянских купцов, в Польшу, Литву и Москву.

Попадались нередко отряды запорожцев, подстерегавших татар и оберегавших границы. Но восточная половина – не оживлялась всем этим. По ней только к русскому рубежу пробирались татары, да углублялись на юг станичники собирать «крымские и ногайские вести». Но татары с изумительной быстротой только проносились через степи, в них не жили. А если со своими стадами и кочевали, то ближе к Чёрному морю. И степи оставались пустынны. Придонецкий край не был обитаем, что красноречиво доказывают нижеприводимые свидетельства.

В 1626 г. запорожский полковник Алексей Шафран с тремя казаками ехал с Дона в Киев и заблудился в придонецких пустынях. «А ехать де было (надо) им на Торна, на урочище на Самару» (левый приток Днепра). Целых 12 дней, нигде не задерживаясь, блуждали они «на вдачу», «смотря на конь-звезду», эту единственную ночную путеводительницу в степях. И за всё это время казаки не встретили ни души, ни малейшего признака оседлого человека. Раз наехали только «на шлях татарской новой», т. е. увидели по траве свежий след «только (что) пред ними переехали татаровя». Казаки поспешили спрятаться в лес – Шафран уже не раз испытал тяжесть басурманской неволи, протомившись шесть лет «на каторге». Немного пообождав, казаки пошли «степью три дня и три ночи ни шляхом, ни дорогою, на вдачу чрез болота и чрез лес, ни рассматривая ничего». Наконец, после долгого блуждания они услышали пушечные выстрелы и направились на них, «чтобы наехать на город и людей, чтоб и досталь не заблудить». И «наехали» город… Валуйки»![4]

Вот как пустынны и «безлюдны» были в то время эти «дикие», «вольные» степи, как в донесениях называли их порубежные воеводы.

В 1646 г. белгородец Ив. Маслов и подьячий Гер. Жулнпов составили описание[5] местности по течению рр. Коломака и Мжи, т. е. Валковского уезда. Подробно описывая все урочища, они, как на ориентировочные пункты, указывают только на городища, речки, небольшие среди лесов поляны, на остатки старинных укреплений и пр., но не упоминают *ни об одном жилье* человека. Даже о таком незначительном, как хутор. Следовательно, на довольно обширном пространстве, осмотренном ими, никакой оседлости тогда не было.

Но если страна не была обитаема, зато, повторяем, посещаема была часто и русским станичниками, и, главное, татарами, и разными «воровскими людьми». Татары протоптали через степи нечто в роде дороги. Такими в юго-восточных – были шляхи Калмиусский (р. Калмиус, Миус, историческая Калка), Изюмский и Муравский. Во время своих набегов татары старались обходить трудные переправы через реки, глубокие овраги, леса. Задержки для них были неудобны на обратном пути, когда, обременённые добычей, они спешили уйти от преследования. Поэтому и Муравский шлях, как и другие, шёл, изгибаясь, между верховьями рек, по водоразделу бассейнов С. Донца и Днепра.

[4] Н. Кулиш. Материалы, документ № XIX.

[5] Арх. Мин. юст. Белг. стол. столбец 268, листы 66–77.

Кто из жителей окраин, подверженных набегам, не знал тогда об этом шляхе и не содрогался от ужаса, услыхав одно его название! Сколько тысяч жертв прошло по этому, печальной памяти, пути, орошая его слезами и оглашая раздиравшими душу стонами!.. «Тяжёлая неволя турецкая» так глубоко запечатлелась в народной памяти, что не изгладилась до сих пор, когда всё это, к счастью, отошло в вечность.

Муравский шлях был известен, но кто мог знать его извороты. Он собственно и не был дорогой, а направлением, по которому ходили татары. Это была широкая, местами суживавшаяся полоса, в зависимости от трудно проходимых мест, и ведшая от Крымской Переконы к г. Туле. Было известно, где пролегал шлях, но никто не мог знать, где именно по нём будут пробираться татары, на какой пойдут «перелаз». Особенно это относилось к небольшим чамбулам.

В описании Маслова упоминаются урочища, лежавшие на перпендикулярно пересекавшей Муравский шлях линии и отстоявшие один от другого на 5 и более верст[6], *как находившиеся на шляху.*

А потому под шляхом нужно понимать только направление, придерживаясь которого, шли татарские загоны. И шляхи не могли быть «до черна битые» как говорил де Пуле (педагог-писатель 1822–1865 гг.), по крайней мере, в первой половине XVII в.

В «Книге Большого Чертежа» приведено подробное описание Муравской «сакмы». Из него видно, что даже недалеко от г. Тулы, т. е. в местности уже сравнительно заселённой, шлях всё-таки не имел определённой линии, а пролегал между реками более или менее широкой полосой.

Название «Муравский» одни производят от слова мурава, другие с этим не соглашаются. Трава всюду росла по степям, шляхов было несколько, но только один назывался Муравским. При заселении Украины возникли слободы: Марефа или Мерефа, Мурафа или Мурахва, лежащие недалеко от Муравского шляха. Чувствуется сродство этих названий, но не от «мурава», – не вернее ли называть «Мурафский шлях».

Открытые, не защищённые природой южные границы, внезапность татарских набегов понудили Москву ещё в XV в. завести сторожевую службу. Устав (уложение) для неё написан был кн. Воротынским, где собраны были правила для станичников. Пограничные города высылали разъезды (станицы), обязанные зорко следить за тем, что делалось в степях, и предупреждать воевод о приближении неприятеля. Служба была до крайности трудной. «А стояти сторожем на сторожах, с коней не сседая, переменяясь; и ездили по урочищам, переменяясь же, направо и налево по два человека по наказам, каковы им наказы дадут воеводы. А станов им не делали, а огни класти ни в одном месте, коли каши сварити, и тогда огня в одном месте не класти дважды; а в коем месте кто полдневал, а в том месте не ночевали, а в лесах им не ставиться... и того беречи накрепко, на которые государевы Украины воинские люди пойдут... а которые сторожи, не дождався себе обмены, со сторожи сойдут... и тем... бытии казнённым смертью»[7].

От сторожей требовалась: неутомимость, внимание и тонкое знание степной жизни. Малейшие признаки служили предзнаменованием появления татар: крики птиц и зверей, убегавших перед ними, уже были явными предвестниками; но были ещё и более тонкие признаки, понимать которые давалось лишь долгой практикой.

Татары, особенно их небольшие загоны, ходили и не шляхом. Они всюду шныряли по степи, оставляя по себе такой же след, как в море запорожский байдак: примятая трава поднималась и все признаки, которых опасались грабители, исчезали.

Но всё же татарам приходилось пробираться лесами, болотами, переходить реки. Такие места характерно назывались «перелазами». Около них «в крепких местах» ставились иногда и сторожи – небольшие посты силою 4–8 человек, выдвинутые от городов верст на 50–60 и державшие между собой связь. Станицы (разъезды) высылались ещё далее за сторожи вглубь степей для наблюдения за порученным пространством, иногда очень обширным. В особенно важных пунктах сторожи располагались в небольших приспособленных к обороне «стоялых острож-

[6] Там же.

[7] Беляев. О сторожевой, станич. и полк. службе, стр. 12–18.

ках», в которых уже помещалось более значительное число ратных людей. Такие острожки, хотя их защитники и переменялись, можно, пожалуй, назвать первыми населёнными пунктами «за чертой». Во всяком случае, они были предвестниками скорого появления жилого города и служили защитой пасек, ставших ютиться в укромных уголках.

Хотя Московское государство и отвлекалось событиями на запад, раздиралось бунтами, а, главное, было бедно населением и казной, всё-таки оно неуклонно стремилось укрепить и заселить свои пустынные окраины. Борис Годунов, ещё как правитель при слабом Фёдоре Ивановиче, хотел ввести в них какой-то порядок; некоторые из окраин почти что номинальио тогда принадлежали Москве. Толчком к более энергичному старанию укрепить южные границы послужили набеги хана Кази-Гирея на самое сердце государства – Москву (1591 и 1592 гг.). Это вызвало необходимость уже в следующем году построить: Ливны, Кромы, Воронеж, Оскол, Валуйки, Белгород и возобновить древний Курск.

Граница, таким образом, значительно отодвннулась на юг, отодвинулись и сторожи. В расписании их упоминаются уже реки и урочища интересующего нас Придонецкого края. Пока же он, прилегавший к русскому рубежу, не принадлежал Москве, не принадлежал он, собственно, никому, хотя постоянное шатание по нем татар делало его как бы татарским.

После постройки указанных городов Борис старался отодвинуть границы ещё далее на юг.

В 1599 г. был задуман и осуществлён в ту сторону смелый шаг. Так как это относится к городу, после возобновлённому казаками и вошедшему в состав Харьковского полка, то о постройке его скажем подробнее. Место для него было выбрано на р. «Бахтин Колодезь», в 8 вер. от впадения его в С. Донец, от Белгорода в 160 вер[8]. Строить город приказано было Б. Бельскому и С. Алфёрову. Их снабдили подробнейшей инструкцией. Это своего рода глава из полевого устава: как охранять себя во время похода, где останавливаться на ночлеги и пр. С воеводами послан был отряд войск: «дворяне, дети боярские, головы станичные и станичники, вожжи (проводники), стрельцы, казацкие сотники и казаки, литва и немцы, черкасы, днепровские казаки, донские атаманы и казаки и всякие люди». Сборным пунктом был г. Ливны. Из Оскола отряд углубился уже в пустынные места. Пешие люди и тяжести везлись на судах, конная рать шла берегом, охраняя плывших. По окончании укрепления, к зиме, часть отряда должна была быть распущена по домам.

В отряде были *черкасы*. Какие это черкасы? Переселений их из Польши тогда ещё не было, по крайней мере, мы не знаем о них. А если и были, то одиночные, в расчёт их брать нельзя. Черкассами тогда вообще называли малороссов, подданных Речи Посполитой. Называли их ещё и литовцами, по принадлежности края прежде Литве. Разграничение земель между Москвой и Польшей произошло в 1638 г., и р. Коломак (Приток Ворсклы) составляла уже границу между этими государствами, находящимися почти в беспрерывной вражде. Установлен факт[9] переселения в XIV в. в Малороссию при литовском кн. Витовте из Пятигорска *черкесской* княгини с народом, именуемыми в наших актах «пятигорцами», «черкесами», но и *«черкасами»*. Этот народ построил на Днепре г. Черкассы; был он, верно, немногочисленный, призванный для военной колонизации. Он смешался с местным населением, растворился в нём, передав ему своё название.

Есть несколько версий этого рассказа. Баскак (в переводе душитель-сборщик дани, стоявший у татар выше князей и полководцев) Ахмет, курского княжения, призвал черкес из Бештау (Пятигорье) и населил ими слободы под именем «казаков». Выведенный из терпения их постоянными разбоями курский князь Олег разорил их жилища, многих избил. Остальные бежали в Канев к тамошнему баскаку и построили на отведённом месте г. Черкасы. Число переселенцев увеличивалось разным сбродом. Часть из них пошла вниз по Днепру и поселилась на острове Хортица. Татары их выгнали, они вернулись в Черкассы, завладели Каневом. Отсюда их выгнали литовцы. После этого они построили себе Чигирин и др. города. По разорению Чигирина турками злополучные черкесы снова ушли за пороги и положили будто-бы начало Сечи. Что из этого

---

[8] Д. И. Багалей. Материалы. I, документ № II.

[9] Труды XII Арх. съез. III, ст. 393.

правда – решить трудно. Но и эта версия подтверждает факт переселения черкас из Пятигорья. До сих пор не установлено происхождение запорожцев. Все черкесы исповедовали прежде, до переселения в Россию, христианскую веру; оставшиеся на месте уже после приняли магометанство. Объяснение происхождения «черкас» и города Черкассы, а также Сечи приводит А. Щекатов[10]. Бантыш-Каменский, 1-е издание книги которого[11] вышло в 1822 г., обо всём этом пишет тоже, но выдаёт за своё собственное мнение, которое и «предлагает». Его в этом предупредил Щекатов, не выдавая за своё, но и не указывая, откуда он это почерпнул.

Инструкция приказывала воеводам опасаться нападения татар – это понятно – они шныряли всюду. Особенно здесь. Ведь, ещё так недавно, по свидетельству Герберштейна (1486-1566), по С. Донцу были татарские пашни (просо). Но ещё приказывалось опасаться и «воров черкас». Какие же это были черкасы? Могли ими быть отбившиеся от Сечи запорожцы и украинские казаки, бежавшие из Польской Украины от преследований. Выбитые из колеи они «промышляли» в степях, подобно татарам. Но могли ими быть и настоящие *черкесы*. В одной инструкции 1688 г. даже разрешалось воеводе принимать приходивших «полоняников и *черкес*»[12]. Народец этот был разбойничий, он издавна ещё предпринимал ещё отдаленные набеги, грабил богатое побережье Чёрного моря и пр.

По окончании постройки города воеводы должны были созвать «атаманов и лучших донских казаков», поселения которых были недалеко отсюда, объявить, что г. Царево-Борисову Царь жалует обе рр. С. Донец и Оскол со всеми их притоками «безданно и безоброчно» с прилегающими угодьями, с условием служить за то «государеву службу», «на черкас ходить». Обещалось ещё «смотря по их службе», и жалование[13].

И укреплённый город – Царево-Борисов был построен.

Скоро и самого Царя Бориса не стало. В Московском государстве надолго воцарилась смута, едва его совсем не свалившая. Не до колонизации южных окраин было тогда! И выдвинутый так далеко вглубь безлюдных степей городок скоро запустел, и в актах 1644 г. говорится уже: «Царево-Городище», «Борисово-Городище», уже как указание на место, где стоял город, покинутый жителями. Вернее он был разграблен татарами, так как с юго-запада он был открыт и без поддержки не мог устоять.

Но Смутное время прошло. В Московском государстве, потрясённом до основания, стал постепенно водворяться порядок. Сменилась династия на благо России, но политика управителей по отношению окраин оставалась всё та же.

---

[10] Географ. словарь т. VII. стр. 88. изд. 1809 г.

[11] История Малой Рос. Изд. 4. стр. 64.

[12] Д. И. Багалей. Мат. I. док. № XXXVI («русских и иных людей и *черкес*).

[13] Там же. докум. № II.

Завоевание литовцев. – Положение русских в Литве. – Запорожская Сечь. – Энергичные постановления сеймов. – Украинские казаки. – Уния. – Гонения. – Восстания казаков. – Переселения. – Богдан Хмельницкий. – Успехи. – Поражение. – Чарнецкий. – Последствия восстаний для Польского королевства.

Разоренное и подверженное постоянным нападениям Киевское княжество не могло уже стоять во главе других. Великокняжеский стол перенесен был во Владимир. Самые земли княжества со всеми другими, лежащими по Днепру, в 1320 г. были покорены Ольгердом.

С удивительной быстротой небольшой литовский народ создал сильное государство. В состав его вошли многие русские княжества, следовательно, и русские люди. Литовцы дали энергичный отпор татарам. В покорённых странах они вводили мудрое правление, – не затрагивали национальных вопросов, предоставляли полную свободу вероисповедания; русский язык был принят государственным, на нём писались законы (Литовский статут). И русские, сделавшись литовскими гражданами, от того только выиграли. Свои князья, занятые междуусобицами, защитить их от угнетения были не способны. И сами литовцы на половину были уже православными.

К сожалению, одно обстоятельство помешало дальнейшему развитию Литвы. А она несомненно бы образовала одно сильное русское государство, сами же литовцы ещё с большим успехом обрусились бы, как после ополячились.

Южно-русские земли соединены были с Польшей, когда литовский кн. Ягелло был избран польским королём. Хотя, по договору, это была лишь федерация независимых государств, но на деле польская культура взяла верх.

Первое время не произошло во внутреннем строе каждого из них никаких перемен. Как литовские граждане, русские были равны во всех отношениях с поляками. С течением времени картина стала меняться. После славные Ягеллоны сошли со сцены, закончив собой блестящий период польской истории.

Меж тем стало быстро развиваться «славное Запорожское войско», сыгравшее в судьбах Польши и Крыма далеко не последнюю роль. Когда собственно зародилось оно – неизвестно. Есть много на этот счёт предположений. Но недальновидность польских правителей и фанатическая их преданность католицизму сгустили ряды сечевиков.

Исследователи не согласны между собой в определении слова «сечь», «кош» и «казак»[14]. Последнее слово весьма распространённое – у многих народов имелось оно. В первый раз в актах появляется в 1516 г. Приблизительное его определение: свободный, воин-всадник, но вместе с тем и бродяга, а, следовательно, разбойник, грабитель. И это последнее определение как будто ближе подходит к правильному пониманию этого слова. «С XV в. это название давалось бродившим в степях татарам, нападавшим на караваны и делавшим набеги на земли Польши и Москвы.

[14] По малороссийскому выговору «козак», во всех совр. документах оно пишется через «о», по-польски «kozak».

Конные разбойники в Индии также назывались казаками. Киргизы (в переводе подлые мужики) сами себя называли «х(к)айсаками»[15]. До XVIII в. в наших актах они именовались «киргиз-казаками». Посланный в 1569 г. к ногаям Мальцев в своих отписках называет киргиз просто «казацкими ордами». Очень возможно, что слово это, проникнув и в Азию, было присвоено поселившемуся по окраинам народу, сложившемуся из разных сомнительных элементов и ведшему образ жизни не далеко ушедший от киргизкого, т. с. профессионально разбойничьего. Приднепровская и донская вольницы с XVI в. начали называться казаками. Последующим своим поведением запорожцы, так сказать облагородили это слово и сделали его для народа, видевшего в казаках своих защитников, славным и дорогим. Название «казаки» распространилось на всех малороссов. И в русских пограничных городах были также городовые казаки. Своим внутренним устройством запорожские казаки существенно отличались от других. Основною особенностью их было – строгое соблюдение безбрачия, что делало их похожими на полумонашеский рыцарский орден, а также общественное устройство, неимение собственности и пр. От запорожца требовалось: полное презрение к смерти, смелость, соединённая с хитростью, и крайняя подвижность, неутомимость. Сечевики принимали к себе всякого, кто приходил к ним. Испытав его мужество, записывали в члены товарищества, но при условии, чтобы это были люди «вольные» – шляхта, поповичи, будь то даже татарин; но «хлопов» они не принимали, разве за поручительством старых казаков, и то редко. Над пришельцем могло тяготеть преступление, этим никто не интересовался; главное, чтобы он был вольный, чтобы можно было петь: «Козак пана не знав з віка і зродився на степах, птаком стався з чиловіка, бо взріс в кінских стріменах».

Непременным условием приёма – православная вера. Жид мог быть казаком, но «перехрест»; хотя собственно к вере запорожцы относились легкомысленно. Пётр Могила всенародно обзывал их неверующими, поляки именовали «religionis nullius»; в Москве говорили, что у иих «совсем нет страха Божьего». Церковь в Сечи появилась только в XVII в.

Все искавшие свободы находили пристанище в Сечи. И казацкая община («кравчина») росла. Поляки первое время поощряли это, видя в них защитников границ, но после переменили взгляд свой иа запорожцев. Казаки, нападая на турецкие владения, забираясь для грабежа даже в Анатолию, создавали бесконечиые «пограничные инциденты». Турки требовали смирить запорожских рыцарей; польские короли слали запрещения, но казаки пропускали их мимо ушей и продолжали своё. С полнейшим равнодушием сечевики относились и к весьма энергичным постановлениям сейма. В 1613 г. был обнародован закон об уничтожении казаков; коронным гетманам предоставлено было право поступать с ними как с государствениыми преступниками. Но в трудные минуты королевство не гнушалось просить помощи у тех же самых казаков (Конашевич–Сагайдачный).

В 1638 г. сеймом было решено: «запорожские казаки за поднятие восстания утрачивают навсегда свои права, привилегии, старшину, доходы и пр. преимущества и обращаются в хлопов». Но всё это был звук лишь пустой. Запорожцы к этому времени достигли такой внушительной силы, что с ними ие могли справиться турки и татары, хотя Сечь и стояла им поперёк горла. Казаки выходили победителями на своих утлых «чайках» даже в схватках с турецким флотом, а татары были для них ничтожным врагом, с которым, между прочим, Речь Посполитая не могла справиться. Чтобы хоть на время отдохнуть от их опустошительных набегов, поляки давали Крыму подарки – замаскированная дань «поганцам», не свободна от того же была и Москва.

Если поляки не могли обуздать запорожских казаков, в сущности своих номииальных подданных, то этого сказать нельзя об украинских. Ещё Баторий начал сокращать число их, предвидя от них опасность государству. Делая это осторожно, он учредил реестровых казаков – шесть тысяч. Остальным приходилось подчиниться власти помещиков.

Наконец, введена была уния, главная цель которой – подчинение православной церкви власти папы. Католичество мобилизировало свои силы, появились иезуиты. И началось преследование противившихся принять унию.

---

[15] Многочисленные дела оренбургских и сибирских правителей, хранящиеся в Моск. отд. арх. Гл. Штаба. - Альбовский. История Иркутского полка.

В каком беззащитном состоянии находился народ, видно, что отдавая свои обширные латифундии на Украине в аренду, ясновельможный передавал жиду-арендатору и своё право казнить крестьян смертью без суда (Vitae i nesis). С землёй поступают в аренду и церкви, из чего жид извлекал большую выгоду. Поп без «квитка» не имел права совершать треб, без предварительной уплаты за них арендатору. Доступ в церковь был возможен только с разрешения жида-паразита, сосавшего народную кровь – ключи от храма Божьего хранились у заклятого врага христианства. И все эти правила ввели христиане же, только несколько иначе творящие крестное знамение, да верующие, что Дух Святой исходит и от Сына (Filioque)? Говоря об этом, мы не сгущаем красок, действительность была и хуже. Обо всём этом много есть согласных свидетельств, даже самих поляков. Неизвестный автор в четырёх строчках представил верную картину тогдашней Польши. Стихи писаны по-латыни и конечно не кем-либо из терпевшего народа: «Славное польское царство – небо для знати, рай – для жидов и ад для крестьян[16]».

Нравственный и материальный гнёт вызвал целый ряд восстаний. Вначале они обыкновенно имели некоторый успех, но после поляки собрав достаточно силы, топили их в потоках крови. Во главе восставших становились, хотя и храбрые, но малоспособные люди; отсюда и неуспех. Репрессии в духе того жестокого времени усиливались (к тому же отнятие земель, разные поборы), росло и ожесточение. И взрывы народного негодования проявлялись в таких кровавых эпизодах, как «Тарасова ніч». Прежде всего, конечно, месть обрушивалась на жидов, и в неподдающихся описанию муках отходили они на лоно авраамово; не щадили и шляхту, в глазах которой казаки были «не люди, а сволочь».

Хотя запорожцы были не досягаемы для гонений, но тем не менее принимали участие в народном движении на Украине. Это поднимало их авторитет – они являлись уже защитниками веры, а не просто добычниками, каковыми на деле были до этого времени. Спасаясь от преследований, украинцы убегали в Сечь, чем и увеличивали её силу.

Рядом с этим народ, не видя выхода из своего тяжёлого положения, стал прибегать к переселению. По соседству простирались плодородные земли единоверной России, где беглецы были желанными и находили защиту. Пока эмиграция была слаба и несмела, но первые шаги были сделаны, обетованная в данном случае страна была открыта.

Наконец, терпение истощилось. Лавина народного гнева сорвалась от накопившейся тяжести и стремительно понеслась, оставляя за собой одну только «руину».

Восстание разразилось с небывалой силой. Вся Украина запылала. Во главе, побуждаемый, к сожалению, только личной местью, стал сотник казацкий Богдан Хмельницкий. Человек он был энергичный, способный, умный, хотя и не без многих отрицательных качеств. Но всё же это был простой казак, не рождённый для той крупной роли, которая выпала на его долю. Это ясно выразилось при ликвидации успехов. Он не сумел ими воспользоваться. А победы над поляками и самим королём он одержал блистательные. Речь Посполитая зашаталась и вынуждена была пойти на большие уступки. Заключенный договор (Зборовский) на деле был неисполним. Казаки требовали: «веди нас на ляхів, кінчай ляхів!»; Хмельницкий растерялся. В народе он заслужил такую память: «Бодай Хмеля – Хмельницкаго перва куля не мінула!» – плохую память вообще. Гетман Хмельницкий, возвеличенный, обласканный королём, забыл о народе; за исключением 40 тыс. реестровых, отдал его снова шляхте и жидам.

Мир продолжался недолго – украинцы не могли подчиниться его условиям. И война вспыхнула снова. Но благоприятные обстоятельства были уже упущены. Грянул роковой Берестецкий бой (1651 г.); казаки понесли страшное поражение. По Белоцерковному договору число реестровых было уменьшено на половину. Народ остался в прежней зависимости, жиды

---

[16] «Clarum regnum Polonorum
Est coelum nobiliorum
Paradisum Iudeorum
Et infernum rusticorum».

снова получили право арендовать королевские частные поместья. Площадь поселения казаков ограничена была одним киевским округом. Запорожцев договор не касался, да они всё равно и не удостоили бы его вниманием.

Торжествуя победу, поляки двинулись на Украину. Мстя за прежние позорные поражения, они предавали всё огню и мечу. Войска расположились на зимние квартиры и предались всевозможным неистовствам. Началась свирепая партизанская война. Поляки позволили татарам довершить разорение и набирать пленных (1653 г.). Этим Стефан Чарнецкий покрыл позором своё прославленное в Шведской войне имя, в которой он, при общей измене королю, спасая от нашествия неприятеля свою родину, так славно поработал.

Казацкие восстания имели для поляков роковые последствия, они расшатали государство и положили начало упадку Польши. Деятельными факторами того же были и слишком усердные слуги «наместника» Христа – ксёндзы, монахи. Забывая, что они прежде всего сыны своего отечества и подданные своего государя, они преследовали только цели Римской церкви, стремящейся к светской власти, к порабощению народов, и, работая в этом направлении, вносили, да и вносят до наших дней лишь вражду. Всё это ясно. Одни только поляки не хотят понять, кому, кроме самих себя, они обязаны гибелью своего некогда могущественного и славного государства.

Истощив силы в бесплодной борьбе, залившей кровью многострадательную Украину, народ понял, что не добиться ему собственными силами свободы, и, не надеясь уже более на своего гетмана, видел спасание только в эмиграции. И вот потянул он целыми толпами искать нового отечества, где не было бы ни панов, ни жидов, ни ксёндзов с их ехидно задуманной унией.

Первое переселение. – Гетман Яков Остранин. – Восстание против поляков. – «Запорожское войско» его. – Поселение на Чугуеве. – Надел землей. – Церкви. – Затруднения переселенцев. – *Жалобы Царю.* – Поиск над татарами. – Краденые дети. – Побеги. – Бунт в Чугуеве. – Обратное бегство за рубеж. – Характеристика. – Роспись станиц. – Чугуевская переписка.

Автор одного капитального труда[17] говорит, что в 1617 г. десять тысяч казаков вышли из Польши и «отошли» к С. Донцу, но что «иные из них» потом снова возвратились обратно. Если обратно ушли только «иные из них», то на С. Донце должно было остаться из десяти тысяч довольно много. Где же они делись? Ведь это целое переселеиие (кроме семейств 10 т. одних казаков) народа, при тогдашнем притом малолюдстве!

Мы пересмотрели по описи белгородского стола (архив Мин. юстиции) за указаиный и ближайшие к нему годы все дела – они подробно описаны – но иичего подобного не нашли. Еслн приход одной только тысячи казаков туда же в 1638 г. вызвал обширную, сохранившуюся переписку, то, конечно, и переселение 1617 г. сопровождалось бы тем же. Придонецкая область в то время была уже в ведении белгородского воеводы, и он не преминул бы донести Царю о появлеиии столь многочисленных и желанных переселенцев. Без царского указа он бы не мог позволить им поселиться. Оставляем это известие на ответственности автора, но в справедливости его сомневаемся.

Время указанного преос. Филаретом переселения относится к гетманству славного П. Конашевича-Сагайдачного, с которым очень поляки считались. Сколько известно, не было тогда понудительных причин для массового переселения в Россию.

Первое же значительное переселение относится к 1638 г., когда гетман Яков Остранин[18] (Остряница) с отрядом казаков *с разрешения* Москвы осел на Чугуевском городище (40 в. от Харькова). Остранин – один из многих казацких вождей, поднимавших оружие против Польши. Будучи нежинским полковником, он прииимал участие и в Восстании Павлюка (1637 г.)[19]. Неудача его

[17] Преосв. Филарет. Истор.-статист. описание Харьков. епархии. – Отд. 1, стр. 3.

[18] Есть свидетельство (Энц. сл. Брокгауза и Ефрона), что это только прозвище, а настоящая фамилия его была Искра, и что он, Остранин, положил начало «рус. дворянскому роду». Правда ли это только! Доверие подрывается неверным сообщением дальнейшей судьбы гетмана. У Якова Остранина действительио был сын, с ним он пришёл в Чугуев. По свидетельству В. Рудакова, сын его (Иван) – «предназначенный гетман» (какого гетманства?) в 1659 г. был убит. Внук Якова, Ив. Ив. Искра, полковник полтавский, казнён был Мазепой. В одном своём донесении (приводится нами) Яков о себе пишет так: «Я, гетман Яцко Остранин», но «Искрой» ни *он* себя, и никто его не называет во многих известных, современных документах.

[19] В. Рудаков – историк-археолог, поместивший много статей в Энц. словарь Брокгауза, под словом «Остранин» говорит, что в восстании Павлюка он был нежинским полк., а под «Нежин», что этот город –

загнала в Запорожье, где он и был якобы «выбран гетманом» (у запорожцев были кошевые атаманы, а гетманы у казаков украинских). Но так Остранина называют царские грамоты и пр., а также и он сам себя. Личность его вообще мало выяснена. Собственно и гетманство-то его довольно-таки призрачное. Восставшие казаки так называли своих старших – их целый ряд. Гетманский титул за ними никем признан не был – утверждался же он королём Польши. Вопрос о гетманах вообще не вполне выяснен исторической литературой; в числе их считаются в сущности никогда ими не бывшие.

Из Запорожья Остранин пошёл на Украину, одержал над Потоцким победы под Кременчугом и у Голтвы. Но, усиленный даже новым отрядом восставших казаков, у м. Жовиина понёс полное поражение. Дело казаков погубили внутренние раздоры. Видимо, Остранин не пользовался влиянием, что подтверждается и последующими событиями.

Бантыш-Каменский[20], ссылаясь на безобразнейший источник «Историю Руссов», говорит, что Остранин был предательски захвачен поляками и в числе 37 чел. старшин погиб в Варшаве в утончённых по своей жестокости муках. Почтенный историк Малороссии даже подробно описывает казнь; но Остранин никогда в Варшаве не был и лютой казни не подвергался. В данном случае, это клевета на поляков, напрасный упрёк в предательстве.

Дальнейшая судьба Остранина известна по несомненным источникам, подлинным и современным.

Из указа Царя Михаила Фёдоровича от 11 марта 1639 г. видно, что в 1638 г. Яков Остранин пришёл в Белгород с сыном и отрядом «запорожского войска» в составе: войсковой есаул – 1, войсковой дьяк – 1, сотников – 10, десятников – 102, пятидесятников – 18, рядовых – 887, «белорусский» поп – 1, всего с гетманом и сыном его 1 023 казака[21].

Если бы это были запорожские казаки, то почему они, понеся поражение, не ушли обратно в Сечь? Небольшое число запорожцев могло принимать участие в восстании Остранина, могли они, как заправилы, и провозгласить вождя его гетманом украинских казаков, но не запорожских. И сам Остранин не был запорожцем, а нежинским полковником и при том семейным. Впрочем, одна челобитная Царю называет переселенцев просто «черкасами»[22], а Остранина хотя и гетманом, но без прибавления «запорожский», а чугуевский воевода Щетинин и Остранина называет[23] просто «черкасским»; и другой[24] царский указ так называет его, а казаков гетманских «черкасами». Да и Головинский («Слободские козачьи полки»), кратко рассказывая о поселении на Чугуеве, ссылаясь на воронежские акты (I, 100–104), называет казаков «украинскими». Можно было бы привести и ещё доказательства, но довольно и этого. А потому можно сделать заключение, что пришедшие казаки были лжезапорожцы, притом они были до крайности плохо вооружены – оружие было не у всех – что не похоже на сечевиков.

Казаки пришли с женами, детьми, со скарбом; словом это были семейные люди – опять-таки не похоже на запорожцев с их безбрачием. Правда, в некоторых запорожских паланках (Орельской, Кодацкой, Самарской) в сёлах жили женатые казаки, платившие подати Сечи, но они не были членами товарищества. Да и восставать им против поляков, а тем более переселяться не было никакого основания.

Прибывшие на Чугуев казаки били челом Государю «Михаилу Фёдоровичу всея Руси» и просили принять их на «вечную службу». Говорили, что «они в *Литовской стороне* держали православную христианскую веру, и поляки-де и папежане, хотя их в неволю привести, в папежскую веру, учали их и жен их и детей побивать; и многие их братья, и жены их, и дети,

---

разрушенный древний Унеежин, что впервые после исчезновения встречается под 1625 г. стал центром полка; восстание же было ранее этого.

[20] «Ист. Мал. Рос.». Изд. 4, стр. 124.

[21] Белг. стол. столб. 108, лл. 253, 346 – 348.

[22] Там же. лл 132–134.

[23] Там же. лл. 162–165.

[24] Там же. лл. 162–165.

и всякие их родымцы побиты, и они, гетман и *черкасы*, от того смертного убойства и не хотя быть в папежской вере (унии) с жонами и детьми пришли в государеву сторону, и Государь бы их пожаловал – велел бы им быть в своей гос. Державе, в Московском государстве, и пожаловал бы Государь велел их устроить на вечное житьё на поле на Муравском шляху на Северском Донце, на Чугуеве городище»[25].

Точное указание места доказывает, что Остранин или знал раньше, или осмотрел его до прихода в Белгород.

Просьбу казаков исполнили, конечно, охотно; имевший возникнуть укреплённый пункт являлся бы новым этапом по намеченному уже пути колонизации южной окраины. Устройство переселенцев поручено было М. Ладыженскому, а общее руководство – белгородскому воеводе кн. Пожарскому.

Уже в феврале Ладыженский доносил, что он уже «острог ставит», а «черкасы строятся домами». Поселенцам отведены были земли «из дикого поля» – ближние и дальние с «лесными, бортовыми угожьями». При этом было приказано точно земли размежевать и «поставить межники». Гетман получил 180 дес., рядовые казаки по 30; прочие – сообразно своему положению в войске. Приказывалось землю весной распахать и засеять хлебом. Кроме прилегавших к Чугуеву земель, черкасам был дан ещё Салтовский юрт[26] (около 30 в. от Чугуева) со всеми угодьями. Об этом замечательном во многих отношениях месте – ниже. Часть казаков поселилась на нём. Юрт, как их владение, записан был в «строильные книги» Ладыженским. Воевода же Щетинин, прибыв в Чугуев, в силу претензии на него белгородца Маслова, запретил черкасам жить в нём, хотя они уже и завели хозяйство. Подана была Царю челобитная с просьбой «не отнимать» у них Салтовского юрта. Последовал соответствующий указ. С первых же шагов начались недоразумения между воеводой и черкасами.

В Чугуеве была разрешена беспошлинная торговля, что и было объявлено по соседним городам[27]. На С. Донце чугуевцы начали строить мельницы и тем затруднили судоходство, на что было обращено внимание[28].

Одновременно с городом чугуевцы построили себе и церковь, конечно, деревянную, очень скромных размеров, но назвали её «собором» Преображенским[29]. Настоятелем его был пришедший с казаками «белорусский» поп. В том же самом году в Чугуев пришёл и другой поп, Игнатий Якимов, и привёл с собой 50 человек черкас. Поселились они поближе к С. Донцу, под горой (вероятно, теперешняя Малиновка), образовав посад, и построили церковь Успения[30].

Несмотря на заботы Москвы, поселенцы на первых же порах встретили большое затруднение и разные невзгоды. Дошло даже до подачи челобитной Царю. В ней чугуевцы «всем миром» жаловались на белгородского воеводу, не исполнившего указа. Будучи «обнадёжены», что семена яровых хлебов будут им доставлены, казаки приготовили пашни, главным образом, под овёс, так необходимый измученным работой лошадям.

На усиленные просьбы кн. Пожарский только 17 мая распорядился прислать в Белгород (120 в.) самих казаков за зерном. Исполнить это чугуевцы и не хотели, и не могли – «семенная пора прошла» – и многие были «безлошадны». Имевшие их раньше «просли» (продали), а некоторые так и буквально «съели» своих лошадей. «А иные многие траву ели, и из той травы и от украинской болезни от цынги много нас померло»[31].

Невесёлая картина. Конечно, здесь несколько преувеличено, но только отчасти, в противном случае воевода запротестовал бы – на его ответственности лежало устройство казаков

---

[25] Д. И. Багалей. Мат. I, док. № IV.

[26] Юрт – становище прежних жителей страны. После этого название перешло на небольшие участки казацких земель.

[27] Белг. стол. столбец 110, лл. 349–352 и столб. 133, лл. 27–28. В Чугуеве построен был «двор для литовских торговых людей».

[28] Там же, столб. 133, л. 20.

[29] Там же, столб. 108, лл. 30, 32–34, 38.

и. следовательно, их благосостояние. Цынга, почему-то именуемая украинской болезнью, свидетельствует о плохой пище, недоедании.

Ну, а рыба в С. Донце – запорожцы ею, главным образом, только и питались; а неисчислимое количество водяной птицы и вообще дичи в нетронутых лесах? Можно было охотиться и питаться вкусной пищей, а не есть траву.

За недостатком лошадей и волов, говорит челобитная, чугуевцы пахать землю «наймали». Кого, своих товарищей? Следовательно, не все же были так бедны – одни рабочей силой, другие деньгами, а свою крайнюю бедность свидетельствовал «весь мир», т. е. поголовно все жители. Никаких аборигенов на Чугуевском городище и вблизи тогда не было, чтобы «наймать». Плохие это были пионеры Придонецкой Украины!

Изложив свои беды, чугуевцы, сказав, что распродали всё имущество, делали отдалённый намёк, что уйдут из построенного ими города, «где души свои пропитать». Нас, говорили казаки, воевода обнадёжил, что всё будет дано, мы-де и терпели в ожидании исполнения, трудились над постройкой города, построили острог, шесть башен. Осталось строить ещё три, что должны были сделать русские люди, но не сделали; мы же их «поставить не осилим»; а оставалось ещё копать ров н пр.

Было приказано дать пять пушек с припасами – не исполнено. Дали вестовую пушку, но «и та пушка дырява – стрелять не мочно». Может быть кн. Пожарский не дал хлеба, корысти ради, но пушки могли быть и ему необходимы – спрос на них тогда был большой.

В конце чугуевцы просят дать им хлеба, соли, пушек, литавры, барабаны и знамёна, так как «Твой, Государь, стольник... твоего указу не послушал». Всё это было обещано.

Посмотрим теперь, каково было это гетманское «запорожское войско», его боевые качества и дисциплина. Выясняет это донесение самого Остранина[32].

Вблизи Чугуева, по донесениям станичников, появился отряд татар (февраль 1639 г.). В поиск против них воевода выслал самого гетмана. Отойдя некоторое расстояние от города, Остранин остановил свой отряд, обратился к людям с речью, закончив нё словами: «Ну, панове, послужим Государю за такую его государскую милость к себе!» Как бы в ответ на это, три сотника и 50 казаков повернули коней и стали уходить «до дому». Гетман послал есаула Гордеева уговорить их вернуться, но «паны» не послушались. В этом отношении они подражали польским панам. Шляхта – малокультурная, разнузданная толпа – ставила себе в заслугу непослушание властям, королю даже, и кичилась этим. Они выдумали даже, по их мнению, лестный для себя афоризм «Polska nierądem stoi» (Польша держится беспорядком).

Ослабленный отряд пошёл себе дальше, но скоро сотник Гаврило Расоха и другой, носивший славное имя Богун Василий, тоже с 50 казаками пошли вслед за ушедшими товарищами. Гетман пытался их «унимать»: – «Вернитесь, видите, татаровя уже близко!» Но и эти паны, может быть, подгоняемые именно близостью неприятеля, ушли себе тоже до дому. Таяние отряда на этом не остановилось. Бывший судья Пётр «подбавил» ещё 20 казаков и ушёл. С Остраниным осталось человек 15, и самому гетману ничего не оставалось, как тоже вернуться в Чугуев. Своё донесение о результате «поиска» он заканчивает так: «и я за тем за татарами в поход не пошёл, что не с кем» и «впредь мне от их непослушания поиску над татарами учинить не уметь».

В Чугуеве и не одни казаки оказывали непослушание в исполнении своих прямых обязанностей. Напр., стрельцы отказались ходить в ночные сторóжи; их примеру последовали и «запорожцы»[33]. Их принудили, но из этого можно заключить, что в городе далеко не всё было благополучно. А татары рыскали по окрестностям, грабили; слухи о намерении поляков разрушить город все ходили; ловили их лазутчиков[34], есть даже смутное известие о видимо неудачном походе

[30] Там же, столб. 108, лл. 172, 338.

[31] Багалей. Матер. I, докум. № IV.

[32] Белг. стол. столб. 108, лл. 243–246.

[33] Там же, столб. 133, лл. 231–238.

[34] Там же, столб. 133, лл. 385–429.

«литовских людей» на Чугуев. Приказано было принять меры предосторожности (1639 г.) против этого похода[35]. Из Курска даже прислали русских для усиления Чугуевского гарнизона.

Ненадёжных казаков привёл с собой гетман, если судить по приведенному! Не мудрено, что восстание было неудачно. Причиной были именно несогласия, отсутствие порядка, дисциплины. У запорожцев, раз они выходили в поле, дисциплина строжайше соблюдалась, нарушение её каралось смертью. Виноват, конечно, был и вождь, не сумевший подчинить своей воле разнузданных казаков, среди которых, видио, не было восставших хлопов.

Остранин, построив город, поехал в Москву (это делали после обыкновенно многие, даже мелкие осадчики) с докладом в чаянии награды. Он действительно и получил «жалование» соболями, сукном. Принят он был, конечно, ласково для поощрения, в пример прочим, чтобы заохотить к переселению. К тому же Остранин был первый осадчик «диких полей» и при том гетман. Ему из «дворцов» давали «пить и есть довольно». Поездка в Москву относится к 1641 г.[36]

Ходили слухи, повторяем, о намерении поляков напасть на Чугуев для захвата Остранина. Весьма вероятно, что такое намерение было, чтобы наказать гетмана за поднятое восстание и отбить на будущее охоту к переселениям у других. Польше, как и Москве, было невыгодно ослабление и так редкого населения; да и всесильная шляхта требовала тогда закрепить казаков, нуждаясь в рабочих руках.

При своём переселении казаки Остранина силой увезли из-за рубежа трёх детей (девочек 15 и 8 лет и мальчика 8 лет). «Его королевской милости украинских городов остерегатель» некий Гульчевский обратился к Щетинину с требованием возвратить их родителям. О том же писал и коронный гетман. Щетинин требований не исполнил. Гульчевский написал другой «лист»[37]. В нём он вежливо, но настойчиво снова требовал и делал воеводе справедливый упрёк. Между прочим писал, что, согласно Поляновскому миру (1634 г.), он «для любви братской и покою» исполняет его условия – «воров сыскивает и наказывает». Приходили, мол, под Чугуев с польской стороны люди воровать, он их в Полтаве казнил, удовлетворяя справедливым требованиям Щетинина; тогда как чугуевцы «воровство великое делают – людей режут и грабят» и остаются безнаказанными. А он, Щетинин, детей не отсылает отцам их прямым и тем нарушает договор, создаёт повод к ссоре. «Я уверяю Богом, говорил Гульчевский, что не наш задор, а твой – всякому дети свои милы; в неволе держать христиан не повелось». В конце грозит, в случае неисполнения требования и на этот раз, задерживать в польских пределах всех приезжающих из московских. Ты, мол, «этих детей тогда и сам пришлёшь» и т. д.

После этого Щетинин шлёт Царю доклад[38] и прибавляет, что дети действительно были увезены и находятся в Чугуеве, но что «без указу» он отослать их не смеет. Указ последовал. Детей вернули «для доброго соседства», но с большим опозданием (1641 г.). Если бы, значит, не это, то дети так бы и остались.

Из Москвы прислали «образцовую грамоту», приказали воеводе списать с неё «лист» и отправить Гульчевскому, якобы от своего имени[39], не упоминая о её происхождении. В листе выражалось удовольствие, что он исполняет договор по отношению воров, но высказывался и упрёк: «к воеводам пишешь угрозой, угрозы твои непристойны, и ты бы вперёд так не делал, Великого Государя воевод тем не бесчестил… жил бы еси с нами в добром соседстве».

Неприятное впечатление оставляет сопоставление письма и ответа на него. С одной стороны сознание собственного достоинства и долга, забота правителя о своих подвластных, инициатива проявления власти, прямодушие; с другой – лукавство, изворотливость и полное бессердечие. Пустое дело, должное бы окончиться в несколько дней, тянулось годы, вызвало массу переписки и едва не создало «инцидента». Удивительные порядки были в Москве – эта ужаса-

---

[35] Там же, столб. 108, лл. 416–423.

[36] Ст. 133, л. 236.

[37] Там же.

[38] Там же, лл. 234–251.

[39] Там же, лл. 242, 244–247.

ющая централизация, отсутствие малейшей инициативы у исполнителей, рисковавших создать крупные осложнения, но не решавшихся ни на что «без указу». И это при тогдашних средствах сообщения, когда с запросом «отдать ли украденных детей» нужно было скакать в Москву, туда и обратно более полутора тысяч верст!

Побеги черкас обратно за рубеж начались скоро же после их поселения в Чугуеве. Жалуясь на это, воевода писал Царю, что «вывести их и унять никакими обычаями не мочно». Соблазном служила близость Полтавы (около 150 в.). Собственно, на запад от Чугуева в пределах Московского государства не было тогда ни одного населённого пункта. В Полтаву (Полтавский край попал в руки литовцев в 1331 г., отошёл к России по Андрусовскому миру в 1667 г.) «поспевали в два дня скорой ездой и меньше»; и от побегов туда удержать *силой* действительно было трудно. Воевода сообщал, что к нему приходили черкасы будто бы «всем войском» и жаловались, что «от них бегают дети, а холостые, подговоря их жен, тоже убегают в «иные города». И просили они, «кто вперёд побежит в Литву, казнить смертной казнью».

Воевода имел право по своему усмотрению пускать в ход жестокие пытки, но для смертной казни нужны были особые полномочия, которые давались воеводам отдалённых городов.

Едва ли вводимые крутые порядки могли прийтись по нраву переселившимся казакам. Прежде их угнетали поляки, жиды – это правда. Время от времени казаки расплачивались за это с процентами; но железная рука, которая систематически давила их здесь, могла показаться им и ещё тяжелее. Раздавались земли, разные льготы, жалование, а казаки всё-таки убегали – а известно: от хорошей жизни не убежишь...

Из Чугуева убежали два казака, Леско Плотник и Ивашка[40] Худой, похитив двух сабинянок – «Матрёшку да Марьицу»[41]. Муж первой, пятидесятник Дацков, подгоняемый ревностью, с данными ему воеводой 10 казаками пустился в погоню в сторону Полтавы – больше бежать было некуда. Проторенных дорог, конечно, тогда не было, можно было где спрятаться беглецам в глухой безлюдной местности. Но, к сожалению, две беглые парочки на р. Водолаге были настигнуты. Хотя силы были неравные, беглецы, зная, что ждёт их, защищались стойко. Леско был убит, остальные избиты, связаны и отведены обратно в ненавистный им Чугуев на страшные муки. После Матрёшка объясняла побег тем, что не могла «стерпеть» постоянных побоев мужа. Казаки, будучи не крепостными, свободными, отдались под власть Москвы, но не могли уже добровольно от неё отделаться. В Польше порядки были иные. Люди там, собственно, были свободны в передвижении, такой уход из города и не считался бы преступлением. Как смотрели на это тогда по ту сторону рубежа, можно заключить из упомянутого письма Гульчевского: «Там (в Чугуеве) детей по неволе завезли, а отсюду не токмо детей, но и старые, которые... похотят (куда) пойти – неволи нет, и не возбраняют (к крепостным это не относилось), о том и вам самим ведомо».

Ну, а по сю сторону рубежа было не то, «похотеть» люди не могли – без указу.

В сущности, состав преступления заключался в самовольном уходе, в желании покинуть пределы государства, на подданство которому переселенцы присягали. Факт был на лицо. Но Щетинин повернул дело иначе и принялся за беглецов «без всякой пощады». Он начал допытываться, не везли ли они за рубеж каких-либо грамот или словесных приказов и кто в Чугуеве знал об их намерении – «мысли их ведал» – убежать. Словом, заподозрил их в государственной измене.

На предварительном допросе порознь и на очной ставке обвиняемые показали одно – убежали-де и всё тут, а знать о том никто не знал, никаких грамот не везли, никаких измен и умыслов не имели. После этого начался уже настоящий допрос. Жестокий воевода всех троих стал пытать и «жечь огнём». И «у пытки» обвиняемые стояли на своём первом показании, не прибавив не слова. Пытки огнём было недостаточно; по правилам следовало ещё бить

[40] Люди «посредственного» и «низкого» происхождения во всех случаях назывались полуименами – Ивашка, Гришка, Федька – а по отношению к Царю все без изъятия, даже титулованные бояре в своих челобитных так себя именовали «холоп твой Гришка» (ст. 687, л. 672). Только в силу указа Петра В. от 30 дек. 1701 г. было запрещено употреблять эту унизительную форму, а велено писать полными именами, с отчеством и прозванием.

[41] Столб. 108, лл. 136–139, 162–170.

и кнутом. Донося об этом в Москву, воевода сокрушался, что проделать того не мог – в Чугуеве не было специалиста, искусство это достигалось подготовкой, нужно было предварительно пройти курсы заплечной науки. Жечь огнём – это было проще: развести костёр, взять обвиняемого, могшего оказаться и невиновным, за руки и за ноги и держать над огнём. Любители этого в Чугуеве нашлись, – и припекали Худяка и представительниц прекрасного пола, раздев их донага.

Казалось бы и конец на этом жестоком наказании, уже и так «превысившем меру содеянного», но нет! На донесение воеводы о расправе последовал указ: «и ты бы черкашенина расспросил у пытки *вдругие* (опять!) и пытать велел *крепкими* пытками, по чему он умышлению и для какого изменного дела с Чугуева в Литовскую сторону бежал, собою ли, или кто его и с каким изменным делом... к кому послал, и не приводить ли было ему к Чугуеву из Литовской стороны каких воровских людей для чугуевского разорения»[42].

Вот как далеко заподозрены были беглецы. Основания для того, впрочем, были; но прикосновенность в данном случае женщин, так сказать, амурная подкладка служила как бы доказательством неосновательности тяжких обвинений.

Но и повторные «крепкие» пытки ничего не выяснили. Худяк категорически отрицал обвинение «в изменном умысле». Хотя для него это было всё равно – тот же царский указ, не зная даже результата допроса, вперёд уже произнёс приговор: «черкашенина Ивашка Худяка, сказав ему его воровство и дав отца духовного, *повесить* от города в пол-версте по дороге, по которой... пойман, чтобы, на то смотря, не повадно было иным так воровать, за рубеж бегать. А беглых черкасских жонок за их воровство велеть кнутом бить»[43].

По всей вероятности, именно эти невероятные строгости могли быть причиной озлобления черкас. Всё это, ведь, окончилось поголовным их бегством из Чугуева обратно в Польшу. Они, значит, всё-таки предпочитали зарубежные порядки. Это было первое переселение, следовало бы Москве быть помягче со столь ценными для неё колонизаторами. Правда, воевода Щетинин своими просьбами наказаний и, конечно, своими действиями способствовал накоплению неудовольствия. Он доносил, что черкасы «всем городом» просили казнить беглецов смертью. Кто же были эти беглецы – братья, дети, жены. Плохо верится! Не все же казаки в Чугуеве ходили с известным украшением на головах. Могли просить только уязвлённые, это возможно, на что не способна ревность! Далее, какова была роль во всём этом гетмана! Он мог только идти об руку с воеводой. Для него возврата не было – стоило показаться за рубежом, и голова его слетела бы с плеч. Хотя и он ссорился со Щетининым, так как что-то вызвало указ ему «о послушании воеводе»[44].

Но просьба воеводы была уважена, последовал указ (1639 г.) «впредь беглых ловить и казнить смертью», а предварительно «пытать накрепко и огнём жечь»[45].

Приказано было объявить «гетману *черкасскому*» и всем: пришли-де они «на вечиую службу от гонения и от смертного убийства, от папежан»; жалея их, Царь велел устроить на Чугуеве, дать денежное и хлебное жалование и землю. Поэтому, видя такую заботу, они должны служить верно и следить за тем сами, чтобы побегов не было – «к папежанам и папежским советникам» – «для изменных дел».

Поймавшим Худяка Царь приказал для поощрения выдать пятидесятнику 3, а рядовому по 2 руб.

Но строгости не достигали цели, брожение между черкасами росло, они что-то затевали; побеги же продолжались. Убежал даже священник[46]; убежало сразу уже несколько казаков, угнав «конские и животинские стада»[47]. Убежали и русские люди. Что-то их гнало же.

---

[42] Там же, лл. 169–170.
[43] Там же, лл. 169–170.
[44] Там же, лл. 283–286.
[45] Там ж, лл. 162–165.
[46] Там же, лл. 262 – 267.
[47] Там же, лл. 130–131.

В следующем году Щетинин доносил[48], что к чугуевцам из-за рубежа постоянно приезжают родственники и посторонние, якобы для торговли. «На воз товару бочка дёгтю, или соли – на рубль, на два, а на одном возу 2–3 и более человека». По предположению воеводы не для торговли они приезжали, а для «рассматривания и лазутчества».

26 апреля 1641 года в Чугуеве вспыхнул бунт.

Черкасы начали с того, что подожгли посады, городскую баню, гетманский двор. Самого гетмана убили, вступили в драку с стрельцами, ранили их сотника. Русские воеводы заперлись в крепости и долго отстреливались. Черкасы убежали за рубеж[49], в пределы Польши, бросив на месте имущество, заведенное хозяйство, плоды трёхлетнего труда.

В начале бунта двое детей боярских «побежали» в Белгород дать о том знать. Полетели «отписки» через Оскол, Елец, Данков и т. д. «Вестовщики» добрались в Москву только 7 мая, но там уже знали о бунте каким-то иным путём и распорядились командировать из Оскола в Чугуев отряд русских людей в помощь Щетинину[50].

Вот всё, что достоверно известно о первом переселении черкас в пределы Московского государства. Этого мало для выяснения личности самого гетмана и приведенных им казаков. Но всё же до некоторой степени можно составить себе понятие об их нравах. Рисуются они народом довольно таки беспокойным. Хотя условия жизни, быть может, и были тяжелы, но всё же черкасы представляются нам не совсем с хорошей стороны, взяв в пример хотя бы их поведение во время поиска против татар. Этой буйной, недисциплинированной толпе трудно было сжиться с суровым и требовательным до мелочи воеводой. Им, видимо, сделался «нелюб» их гетман, которого они здесь не могли уже, сойдясь «в круг», лишить власти. После «гульбы» перед переселением черкасам несладко было заниматься мирным трудом – усиленно строить крепость, пахать, сеять, косить и т. д. Они и ушли, явилась как бы привычка к бродяжничеству. Чугуевцы жаловались на бедность – «до конца разорённые», а между тем из одной «росписи» видно, что они, по крайней мере, старательные из них, завелись неплохим хозяйством; было довольно много хлеба, скота. По 30 дес. прекрасной земли на казака – целое государство, только трудись! Более, чем достаточно для крестьянской семьи.

Хотя чугуевцы и не оправдали вложенных на них затрат и вообще возлагаемых на них надежд, но услугу Москве всё-таки оказали – город построили. Ввиду важного стратегического положения, после ухода черкас, его старательно поддерживали, заселяли русскими ратными людьми по мере возможности и не жалели денег. 200 человек сразу уже было поселено в нём. Они несли сторожевую службу. По росписи станиц 1650 г. таковых значилось 10, по 5 человек в каждой, с платой в год станичным головам по 8 р., ездокам по 5. Всего станичная служба в одном Чугуеве обходилась Москве в 280 р. В прежние годы плата была даже несколько больше. Станичники связаны были круговой порукой, должны были иметь по два коня или, в крайности, по одному, но «доброму мерину»[51].

После измены доверие к черкасам поколебалось. Приходивших после из-за рубежа стали принимать в Чугуев с большей осмотрительностью и за поручительством живших уже в нём. Одно такое письменное дошло до нас[52]. За некоего «новоприборного» казака Ивашку Гридина поручилось 10 полковых (строевых) казаков, что он, Ивашка, верно будет служить, не сбежит, не изменит, денежного и другого жалования не проворует, «в карты и зерн» играть не будет, никакого дурного «подвоху» не учинит, с государевыми недругами никакими воровскими грамотами сноситься не будет. В этом и пр. ручались десять казаков и говорили, что из «порутчиковы головы в его голову место» – отвечали за него своими головами.

---

[48] Там же. 133, лл. 234–251.

[49] Там же. 130, лл. 132–134.

[50] Там же. Столб. 130, лл. 186, 220–224.

[51] Багалей. Матер. II, док. № 14.

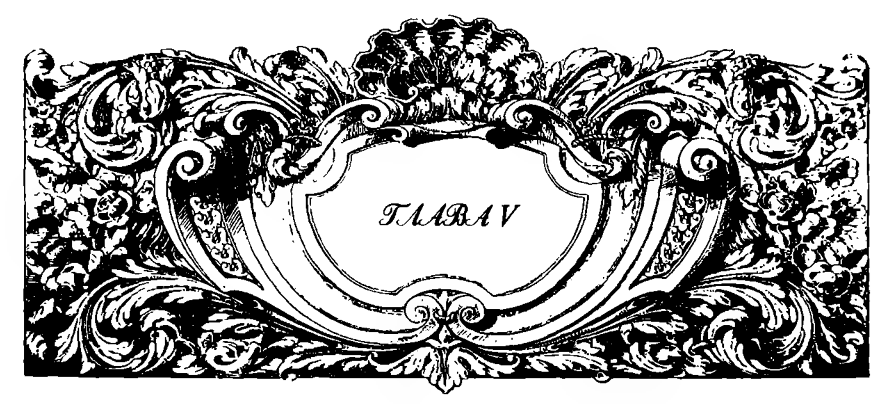
[52] Там же. док. № 5.

В состав Харьковского полка Чугуев со своим уездом после не вошёл, несмотря на то, что земли названного полка со всех сторон его окружали, и Чугуев был как бы островом среди обширных владений черкасских полков.

Умышленно остановились мы на этих всех подробностях потому, что Чугуев и скоро возникший Харьков тесно во многих отношениях были связаны. Последний первое время от него даже и зависел. Притом нельзя было обойти молчанием первое переселение черкас, проложивших дорогу и последующим.

В городе Змиёве была найдена «чугуевская переписка» – грамоты, указы, донесения воеводы со времени основания города. Ею у себя в кабинете пользовался преосв. Филарет, при составлении своего почтенного труда. После этого переписка бесследно исчезла. Автор «Стат описания Хар. епархии» мог её использовать только отчасти, сообразно своим целям. Поэтому последующие исследователи истории края сокрушались о её пропаже. Конечно, это большая потеря – документы, касавшиеся одного предмета, были собраны в одну «связку»; работавший в архиве знает, что это значит, что бы это была за находка. Но особенно уж сокрушаться нечего. Все посылавшиеся в Чугуев указы и пр. несомненно остались в «Разряде» в списках для справок; все донесения чугуевских воевод, имевшиеся в упомянутой переписке в черновиках, попадали в тот же Разряд. Канцелярщина на Руси, как исключение из общего правила, была в порядке. Дела же Разряда сохранились, стоит только нужные оттуда извлечь, хотя этот труд и не из лёгких.

Урочище Валки. – Донесение воеводы Тургенева. – Старинные укрепления. – Постройка русских городов. – Постройка г. Валки. – Одиночные переселения черкас. – Пасеки. – Отношение Москвы к переселенцам. – Острогожский казачий полк. – Возникновение полкового города Сум. – «Литовский» г. Ахтырка. – Заселение этих городов черкасами.

Со времеии исудачного водворсиия черкас за южным рубсжом, на Чугуев, переселеиия, вероятно, продолжались, так как условия, гнавшие иарод с родины, изменялись только к худшему. О пере селеииях мало что можно сказать. Равно иеизвестно, чтобы после этого и до 1651 г. был построси черкасами город или слобода в теперешией Харьковской губ.

Но Москва собствеииыми средствами ие переставала строить укреплёиные пункты.

Муравский шлях был предметом виимательного наблюдеиия пограничных воевод. Придонецкий край с давиих времён наблюдался станицами; в концс XVI в. было их 73 и между ними семь донецких, из которых первая иаходилась мсжду рр. Мжом и Коломаком. Станица эта была выдвинута очень далеко в степь от известных тогда городов – в четырёх днях пути от Рыльска и Путивля, иазванного древиим в «Слове о полку Игореве». После 1571 г. станица была снята – каневские черкасы часто приходили и громили сторожей.

И татарский перелаз, важиый потому, что его трудио было поблизости обойти, остался без наблюдеиия, его даже совсем упустили из виду. Позднее, изучая край, белгородский воевода стал усиливать иадзор за Муравской сакмой. Станицы высылались из Белгорода, южнее городов ие было. Царево-Борисов запустел, на Чугуевском городищс ещё не появлялся Остраиии. От Белгорода это было довольио далеко. Поэтому нужно было найти такое место, где бы можио было поставить небольшое хотя укреплсиие, поселить в иём (посмеино) ратных людей и уже оттуда следить за степью. Такое место, представлявшее все выгоды, имелось – *урочище* Валки.

Г. Н. Спасский, издавший (1864 г.) «Книгу Большого Чертежа», считает упоминаемые в ней Валки городом (стр. 300), возиикшим, следовательно, раиьше Белгорода и др., ио в этом он ошибается. Ближайшим доказательством того, что Валки были тогда не город, а урочище, служит одна грамота[53]. В ней точио указывается место, где иужио было срубить стоялый острожок: «по конец вала, *что словет* валки».

В 1636 г. воевода Тургенев доиосил[54], что на Муравском шляху есть татарский перелаз в урочище Валки.

«А те-де Валки учинены изстари, в крепких местах веден насыпиой вал через шлях от лесу до лесу, а лесе-де пришли ровии, большие; и меж-де тех лесов иасыпной вал 3 версты (соврем. верста – тысяча саженей), а введеиы-де те валки меж вершин польских рек Мжа и Ко-

[53] Белгор. стол, столб. 211, лл. 37–39.

[54] Там же.

ломака... Опричь-де того *урочища* мимо валок татарского проходу Муравским шляхом иного места нет».

В таком важном месте необходимо было построить острог.

Когда мог быть насыпан вал и вырыт ров? Точно ответить на этот вопрос мы не можем. Относится это, верно, ко времени весьма отдалённому и, во всяком случае, до Монгольского нашествия. Правда, в царствование Фёдора Ивановича было большое стремление обезопасить границы. Но если бы вал был насыпан в этот период, то Тургенев на вопрос Царя, «какими обычаи учинены Валки», ответил бы определённо, а не так: «те-де Валки учинены изстари», что вал «старой» – и только[55].

В окрестностях тогда были и другие «крепости старые» и два хорошо сохранившихся городища – Болгирское и Ордынское. И в те отдалённые времена жители должны были укреплять те же перелазы, защищая свои поселения от набегов наездников. Могли быть ими половцы, а, может быть, что даже вернее, и ещё более ранние обитатели степей. И ничего, никаких даже преданий не дошло до нас о строителях этого вала и крепости.

В Москве сильно заинтересовались сообщением воеводы «о той Валке». Отодвинуть рубеж далеко на юг и стать твёрдой ногой в таком «крепком» пункте на главном татарском пути было соблазнительно.

Но, по неизвестной причине, 10 лет проект постройки острога и города не приводился в исполнение. Может быть пример с Царево-Борисовом, показавший трудности поддержки города, так далеко выдвинутого в степь, заставил отказаться от постройки Валок до заселения более северных областей. И, действительно, с 1636 г. до 1646 г. появились города Тамбов, Усерд, Яблонов, Короча, Вольный, Хотмыжск и Костенск.

Толчком, ускорившим постройку Валок, мог послужить и опустошительный набег крымцев, именно зимой 1646 г., когда они сильно похозяйничали в Рыльском, Севском и Курском уездах.

В 1646 г. воевода кн. Хилков приказал поставить на Валках сторожевой пост из 300 человек для наблюдения и охраны от татарских набегов[56]. Летом того же года с большой быстротой был построен и укреплённый город Валки[57]. Следовательно, этот город чисто русской колонизации, черкасы заселили его несколько позднее, после чего он сделался сотенным городом Харьковского полка.

Если со времени возникновения Чугуева были переселения черкас, то одиночные, и направлялись они в порубежные города. Об этом говорит, напр., челобитная белгородского воеводы того же кн. Хилкова 1647 г. Из «литовской стороны» время от времени приходили «семьенистые» и «одиночные». Им выдавалось жалование по 4 чет первым и по 2 чет ржи последним *«против прежних»* приезжих черкас. Это свидетельствует, что переселения и до этого были и даже нередки, если установилась норма жалования хлебом и деньгами на постройку – 5 и 3 руб. Поселенцев водворяли в слободы и города – порубежные[58].

Но был ещё один своеобразный вид колонизации – это *пасеки* и отдельные хутора в лесах. На них, прятавшихся от татар, кроме леса, ещё в зарослях, в ярах и таилась кое-где жизнь, при полном, по-видимому, запустении края до его заселения; только неизвестно, с какого времени. Условия стали изменяться, и многие хутора как-то вдруг выросли в селения. Около них могли задерживаться и оседать выходцы из-за Днепра. Следовательно, пальма первенства колонизации принадлежит черкасам, отдельным переселенцам. Несмотря на то, что не было ни городов, ни сильных сторожевых пунктов, в лесах жили «литовские люди». Жизнь эта была полна тревог – вечное опасение, что укромная хатка будет открыта случайно заблудившимся татарином, и отшельники или убиты, или уведены в неволю. Говоря об этом, мы неголословны[59]: когда в уро-

[55] Там же. Ст. 61, лл. 334–342.

[56] Там же. Ст. 268, лл.1–6.

[57] Там же. Ст. 268, лл. 23–26.

[58] Багалей. Мат., т. II, док. № 8.

[59] Там же. Ст. 228, лл. 1–4, 6–7.

чище Валки приехал белгородский воевода кн. Хилков (1646 г.), к нему явилось несколько человек черкас, живших на пасеках по Мжу и др. рекам (много их было тогда в том месте). Они говорили, что в ближайших окрестностях строившегося острожка было до 150 пасек и что на каждой из них жило по 5–6, а то и по 10 человек черкас. А край считался пустынным, необитаемым! Они жаловались, что на них нападают «многие воры черкасы и их-де самих побивали», и, вероятно, просили покровительства. Черкассы говорили о пасеках, разбросанных по ближайшим к Валкам лесам. Но их было много тогда и по другим местам. Видно это из того, что год спустя (1647 г.) последовало запрещение литовским людям заводить пасеки по рр. Мерлу, Мерчику, Братинницы, против гг. Хотмыжска, Вольного, Лосицка, а также и вблизи Валок. Всех литовских пасечников за то, что они поселились самовольно, не приняв подданства, выселили за рубеж[60].

Подававшие такие надежды победы Хмельницкого приостановили переселения.

После же разочаровавшего казаков Белоцерковного договора, Богдан Хмельницкий «позволил утеснённому народу от ляхов вольно ходить из городов к Полтавщине и за границу в Великую Россию на житьё. И с того времени начали оседать: Сумы, Лебедин, Харьков, Ахтырка и иные слободские места, даже до р. Дону казацким народом». Так говорит «Летопись Самовидца» под 1651 годом (изд. 1878 г., стр. 234). Но эту летопись нельзя почитать за непреложную истину. Как это не странно, но современные событиям писатели особенно часто расходятся с истиной – им многое остаётся неизвестным, почему многое они и излагают в неверном освещении. Указываемый летописью год более-менее верен, верно ли только свидетельство о данном разрешении переселяться. Переселения эти, начавшиеся с 1651 г., продолжались беспрерывно до 1654 г. Польская Украина опустела, представляя из себя только развалины.

Москва очень охотно принимала черкас, селя их по белгородской черте и до этого ещё. Заселения же зарубежных земель она должна была встретить ещё более сочувственно.

Тотчас после Берестецкого сражения тысяча казаков под начальством Ив. Дзинковского, спасаясь от преследования, ушли в пограничные земли Москвы и просили позволения поселиться где-либо около Белгорода или Путивля.

Но так как земли теперешней Воронежской губ. были очень пустынны, а линия р. Тихой Сосны совсем не укреплена (на ней был только один укреплённый пункт – Верхососенск, основанный в 1637 г.), то этой значительной партии переселенцев было приказано поселиться на Острогожском городище. Царь даровал казакам право удержать свою военную организацию с полковником и пр. старшиной.

Таким образом, в 1651 г. возник первый черкасский (слободской) казачий полк из переселенцев – Острогожский (или Рыбинский).

Там, где волны Острогоши
В Сосну Тихую влились
Где дерев тенистых рощи
Над потоком разрослись,
Там, в стране благословенной
Потонул среди садов
Городок уединённый
Острогожских казаков.

Острогожский полк во многом отличался от других, скоро после него образовавшихся черкасских полков, и общего с ними почти ничего не имел. Приведенные Дзинковским черкасы нашли готовые дома, снабжённые хлебными запасами (если это только так было), прочие же так хорошо обставлены не были. Далее, поселение полка на белгородской черте делало жизнь его не такой тревожной, как прочих. Полк этот тяготел, благодаря своему положению, более к великорусским городам, так как находился в тесной связи с ними. Совместно с черкасами в Острогожске поселены были и русские.

---

[60] Там же. Ст. 224, л. 146; ст. 256, лл. 97–124; ст. 268, лл. 205–219.

Г. Сумы, ставший скоро полковым, построен был на «Суминои городище», лежавшем на высоком берегу Псла и впадавших в него р.р. *Сумы* и Сумки. Из челобитной воеводы Кир Арсеньева видно, что к 1653(7) г. город и довольно хорошая крепость уже были построены. Следовательно, строились они в 1652(3) г. Нет сведений, когда черкасы осели на городище, но, конечно, не раньше конца 1651(5) г. В ближайших окрестностях городища севрюки гнали дёготь и вели борговое хозяйство. Как аборигены, они считали землю своей «дидовщиной», брали с черкас оброк, грабили их, били. Уже в 1653 г. сумские черкасы обратились с просьбой освободить их от зависимости, в смысле пользования угодьями, и брать оброк с них на Царя[61], так как с его разрешения они и поселились здесь.

Об основании г. Сум в роде Кондратьевых (первый полковник) есть предание. Будто Гер. Кондратьев потерял в лесу сумку красного бархата, украшенную камнями. Сумкой он так дорожил, что дал обет Богу построить церковь там, где её найдёт. Сумка была найдена, и церковь построена (в пустынном крае!); около неё заселился город. Пресловутая сумка дала ему название «Сумин-город»; так первое время он называется действительно в актах. Конечно, предание более, чем вздорное, что ясно без доказательств. Но, что интересно, высокой исторической ценности сумка 250 лет хранилась в роде Кондратьевых и ныне пожертвована в музей Сумского гусарского полка в числе других предметов вооружения, принадлежавших Г. Кондратьеву. Описание их и приведенное предание попало в «Обозрение предметов военной старины» (выпуск 1, стр. 18). Беглый из Польши казак, пробыв долго на полковничестве, оставил своему роду, ныне совсем захудавшему, колоссальное богатство.

Ахтырка – полковой город – возникла ещё до переселения черкас. Вот о ней первое указание[62]. В 1642 г. поехали севрюки в свои угодья («Немировская вотчина») из г. Вольного. По дороге встретились с литовскими людьми. Между прочим, последние сообщили севрюкам, что литовцы на Ахтырском городище уже построили острожок, и прибавили: «что-де и вам (русским) теперь нужно ставить город напротив, на русской стороне». Воевода послал это известие проверить. На городище действительно стоял уже городок с башнями. Это было не на руку; пришлось строить городок в «лоситской волости», чтобы охранять рубеж от прихода литовских людей для промыслов.

В 1647 г. состоялся приём «на государеву сторону с литовской стороны отдаточных городов», в числе которых была и Ахтырка. Жители ушли из неё, вместо них были поселены русские служилые люди[63]. При общем переселении Ахтырку в 1651 – 1654 гг. заселили черкасы.

Город построен был (литовцами) по рр. Ахтырке и Гусинцу (притоки Ворсклы) и оз. Белому (всё это уже повысыхало) на ровном песчаном и частью болотистом месте.

Выбрано оно было неудачно, тогда как недалеко, на Ворскле, имеются прекрасные, возвышенные, живописные места.

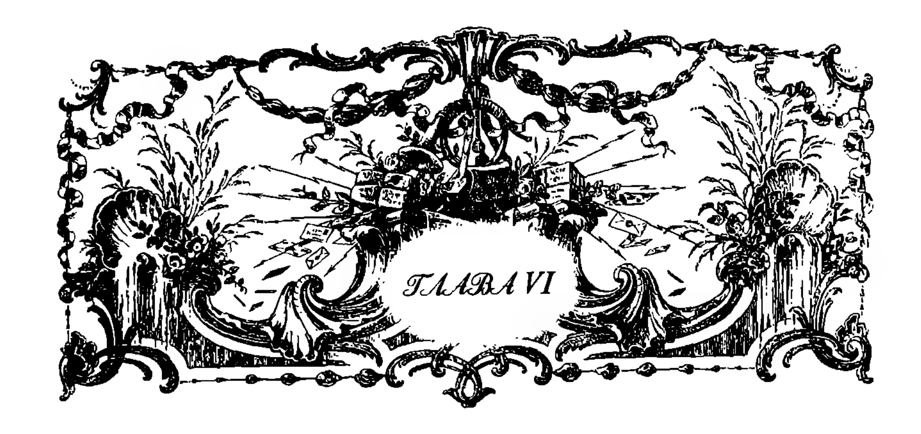
---

[61] Багалей. Матер. I, док. № 8.

[62] Белгор. стол, столб. 146, лл. 1-2.

[63] Там же. Столб. 263, лл. 357-363.

Городища. – Салтовское городище. – Заселение его черкасами. – Донецкое городище. – Придонецкая область. – Заселение Харьковского городища черкасами. – Время возникновения города. – Предания. – Мнение Н. Аристова. – 250-летний юбилей Харьковского полка. – Никольская вотчина. – Воинская организация. – Кто был осадчиком. – Хорошево, занятие его черкасами.

Известно, что многие города строились на городищах. Очень много городищ, подвергаясь влиянию времени и распахиванию, сгладились. Но довольно много сохранилось их и до нашего времени незастроенными, с высокими валами, глубокими рвами. Это места прежних городов, несмотря на скромные размеры некоторых. Это доказали раскопки; не вполне только выяснено, какому народу они принадлежали. Несомненно только, что отнести эти городища к одной какой-нибудь эпохе нельзя. Хотя названия их и могли бы быть, казалось, указанием на народ, но и это не совсем так. Напр., «Коганово» городище указывает на принадлежность стоявшего на нём города хазарам. Но хазары, вытеснив жителей страны, могли поселиться на нём, дать название, оставить для археологов даже следы своего пребывания в верхнем пласте «культурного» слоя земли, но не быть его строителями. Есть городища «Азацкое», «Ницахское», «Болгирское» и много других, носящих инородческие названия; есть и с чисто славянскими. Но имевшиеся в стране городища могли быть названы по своему славянами только при их заселении. Напр., «Круглое городище» несомненно названо славянами, по форме его. Остались городища и от княжеского периода. Можно только сказать, что все они созданы до татарского нашествия. Многие, по старинным свидетельствам, поросли по верху валов многовековым дубом. Есть городище «Кукулевское» с дубами в 8 арш. в обхвате. Слово это напоминает, как нам кажется, «Куку-Лели» – из славянской мифологии.

Едва ли не самым интересным из городищ является Салтовское (между Чугуевом и Белгородом). На правом берегу С. Донца, на скалистой горе стояла некогда сильная крепость. «Окружена она была громадным валом, за которым следовал глубокий и широкий ров. За ним была широкая насыпь, на которой вокруг крепости тянулась колоссальная *каменная* стена, состоявшая из нескольких толстых стенок, в промежутках забитых мелким камнем и залитых каким-то крепким цементом... в общем от реки стена имела около 3 саж. толщины. С восточной стороны к реке был устроен из камня подземный ход, на случай осадного положения; с противоположной стороны крепости имелись проезжие ворота, от которых шла большая дорога к знаменитому в то время колодцу... дорога и колодец сохранились до настоящего времени»[64].

Так Салтовское городище и называлось, «что был каменный город». Какой народ строил эту «неприступную» крепость, неизвестно. Здесь были хазары, печенеги, торки, половцы,

[64] Труды XII арх. съез. I, стр. 438.

по могли быть и более ранние народы – готы. В окрестностях Салтова есть урочище с сохранившимся и теперь названием, напоминающим этот народ – «Брусов Яр». В «Слове о полку Игореве» говорится, что *готские* девушки «звоня *русским* золотом, поют время Буссово, лелеют месть Шаруканю» – трудно разобраться в этом. У готов был предводитель Бусс, по свидетельству Иордана[65]. У половцев был хан Шарукань, город же Шарукань находился недалеко от Салтова. Был у них и хан Кобяка – в 4 вер. есть «Кобяков лес». Половецкие ханы у русских назывались салтанами. Был сильный хан Кончак, город его назывался Салтани. Салтов, верно, не более, как переделка этого слова. Здесь производили археологи раскопки, но так и не определили, какой народ строил Салтов.

Черкассы появились на «пустом Салтовском городище»[66] в 1659 г. Партию из 670 челов. привёл атаман Ив. Семёнов. Построили они город «собою» (без помощи), хотя и с ведома Москвы, и, что, удивительно, сами попросили себе воеводу, так как «таким степным местом бегать в Белгород и Чугуев далече». Салтов вошёл в состав Харьковского полка в качестве сотенного города.

К числу интересных, сохранившихся до наших дней относится и Донецкое городище, лежащее ниже впадения р. Лопань в Уды, в 7 вер. от Харькова. Оно является остатком древнего русского города, упоминаемого в XII в. Сюда из половецкого плена прибежал кн. Игорь. Странно, почему город, стоявший на р. Уды, назывался Донцом.

Находится городище на высоком и остром остроге местности, примыкая одним боком к реке, другим к пересохшей речке (Городясский Ярок). С напольной стороны глубокий ров и насыпь. Во время XII Археологического съезда были проведены на городище раскопки, в которых автор, в качестве члена съезда, принимал участие. Они показали, что на городище стояли дома, размерами 4 на 5 арш. – обычный тип древних жилищ; что город был сожжён, обнаружены следы пожара, жители перебиты, обугленные черепа носили следы поранений.

Донецкая область не была обитаема после завоевания России монголами. С другой стороны летописи свидетельствуют, что в X в. кн. Олег «нача ставити города по Востри (Ворскла) и по Трубежеви, и по Суле и по Студне». Следовательно. Область С. Донца не входила тогда в границы Киевского княжества. Она вошла при Святославе после победы его над хазарами. До XI в. в стране этой обитали кочевники, не имевшие городов. А потому, по мнению Самоквасова, высказанному на том же съезде, существование г. Донца может относиться к XI, XII и началу XIII в. По раскопкам нельзя с достаточной достоверностью заключить, что население города было славянское. Дело в том, что Северскую область населяли и не одни славяне. Черниговский князь, получивший в удел восточные части Северской области, жалуется, что там живут только «псари половцы», т. е. рабы и наёмники, которым поручалась защита южных границ. Словом, вопрос этот археологи не решили.

И вот на одном из таких городищ, носившем название «Харьковское», осели черкасы и положили начало городу. Население его и прилегавших к нему земель, довольно быстро стало расти. Скоро образовался сильный казачий полк с громадной территорией, занимавшей теперешние уезды: Харьковский, Валковский, Змиевской, Волчанский, отчасти Купянский и Изюмский – целое владетельное княжество.

Только когда именно и при каких обстоятельствах осели черкасы? Постараемся это до некоторой степени выяснить точно.

Прежние немногие исследователи этого вопроса не достигли желаемого результата по недостатку сведений. Они, собственно, были, но лежали похороненными в архивной пыли. К поискам в архивах прежде почему-то не прибегали, пробавляясь преданиями, сказаниями сторожил и пр. Происхождение г. Харькова забылось, и основательно.

Названием города воспользовались для воспроизведения имени основателя и постройку его стали приписывать казаку Харько (Харитон). Невероятного, конечно, в предании о Харькове нет ничего, принять его было бы можно, если бы ему не противоречили другие известия.

[65] Иорданес, иторик VI в., автор «De origine Getarum». История готов.

[66] Белгор. стол, столб. 408, лл. 218–221.

И мифический Харько долго почитался патриархом черкас, построивших город и назвавших его в честь атамана. В Харькове продавались портреты Харька. Оригинал, писанный масляными красками, изображающий бравого молодого казака на коне с копьём в руке, хранится в Музее изящных искусств (при Харьковском университете).

В «Книге Большого Чертежа» говорится[67]:

«А река Угрим пала в Уды, а Лопань пала в Харькову, а Харькова пала в Уды… А выше Донецкого городища с правой стороны впала в Уды р. Харькова от городища с версту, а в Харькову впала р. Лопина».

Итак этот древний документ не оставляет сомнения, что название р. Харкова было уже известно задолго до переселения черкас и, следовательно, постройки города. Для прежних летописцев Харькова приведенное из «Большого Чертежа» было неизвестно, а оно показало бы им неосновательность предания. А расписывали они его так подробно, правдиво, относя основание города к двадцатым годам XVII в.

Н. Я. Аристов (1834–1882), проф. Харьковского университета, магистр русской истории, в статье «О земле Половецкой» говорит, что г. Харьков был построен на месте древнего половецкого г. Шаруканя. Название города по его разрушении было присвоено реке. Явились казаки, построили город и назвали его именем реки, причём передали название по-своему, приняв во внимание «филологическую возможность перехода Ш. в Х». Если брать этот путь для объяснения названия города, то «Харьков» подходит ближе к «Каркач» (имя будто бы осадчика), чем к «Шарукань». «К» легче перейти в «Х». Каркач – Харкач звучат почти одинаково. Но это праздные соображения, – черкасы строили город в половине XVII в., а название реки «Харькова» было известно в XVI в. И Аристов не заглядывал в «Большой Чертёж». Г. Шарукань находился в близком расстоянии от Салтова[68], а не на рр. Харькове и Лопане. Следовательно, Аристов ошибается и в этом.

Об основании Харькова есть и ещё одно предание.

Некий Андрей Квитка, оставшись после смерти отца, умершего в тюрьме, на попечении верного слуги Агафона, был привезен в Киев. Попав в дом воеводы, Квитка влюбился в его дочь. Не надеясь на согласие отца на брак, влюблённая пара бежала и с немногими казаками поселилась вблизи Харьковского городища; хутор свой они назвали «Основой»[69]. По другую сторону городища, на берегу реки («Белгородская Криница») стоял другой хутор, очень понравившийся Квитке. Он начал зазывать сюда переселенцев, приходивших из Польши. Когда число их значительно увеличилось, стали строить город. Предание это разбивается уже тем, что «Основа» была куплена полковником Г. С. Квиткой в 1713 г. у Донцов, владевших ею до того времени[70].

Одновременно по всей теперешней Харьковской губ. начали возникать многие города: одни раньше, другие позже. Харьков ничем особенным от них не отличался, и основание его прошло незаметно. Предание относит его к 20-м годам XVII в., Квитка к 1646 г., «Летопись Самовидца» к 1651 г., неизвестный автор «Топографического описания Харьковского наместничества» к 1653 г. Определение последнего источника (изд. 1788 г.) может быть и правдиво, но голословно; к тому же, относительно других городов имеются очевидные неточности.

Почтенный проф. Д. И. Багалей, на основании научных изысканий, относит основание города к 1654 – 1655 годам[71].

В 1901 г. Харьковский уланский полк скромно отпраздновал свой знаменательный 250-летний юбилей. Казалось бы, что торжество должно было совпасть с празднованием г. Харькова того же события. *На каком основании полк выбрал 1901 г.?* На том, что на всех его знамёнах *и штандартах, жалованных от московских Царей и Императоров*, красовался в 1651 г., как ука-

---

[67] *Объяснительный текст к недошедшей до нас Генеральной карте Моск. гос., составленной «давно при прежних государях», писанный в 1627 г. Книга издана Г. Спасским 1846 г. Стр. 14 и 32.*

[68] Труды XII арх. съез. I, стр. 437.

[69] Г. Квитка. Основание Харькова. «Молодык». 1843 г., ч. 1.

[70] Пр. Филарет. Оп. Харьк. еп., отд. II, стр. 129.

[71] Энц. слов. Брок. и Ефр., кн. 43, стр. 112.

зание на время возникновения полка. Во всяком случае, полк «Харьковский» не мог зародиться раньше прихода черкас в городище, а Харьковский уланский - прямой потомок того же казачьего. Вопрос, с какого именно времени Цари стали жаловать черкасским полкам знамёна, более или менее верно выяснен ниже. Все надписи на знамёнах, дарованных позднее, переписывались всегда с предыдущих. На первом, по причине близости события, год мог быть указан верный Указание «Летописи Самовидца» согласуется с этим.

Харьковский воевода В.Селифонтов в своей челобитной[72] (1656 г.) говорит: «...видели татар на р. Берестовой... а те урочища от Харьковского (города) в верстах 20 мало больше промеж Валок и Змиёва по той дороге, которую дорогу *вновь* проложили Чугуевского уезду и Харьковского городища в 162 (1654) г., ездят на Тор по соль, и о той дороге я к Тебе, Государь, на перёд сего писал».

В ответ последовал указ[73]: «а на Харьково велел бы (кн. Ромодановский) послать и черкасам говорить, чтоб они... *вновь дорог не прокладывали*, чтоб теми дорогами татаровя не пошли и не повоевали». Из этого следует, что в 1654 г. харьковские черкасы проложили уже дорогу по Чугуевскому уезду; поэтому город уже был.

Но трудно допустить, чтобы, придя на городище, занявшись постройкой домов и острога – работой, которую едва ли можно было окончить в одно лето, черкасы тогда же могли проложить и дорогу. Поэтому можно утверждать, что в 1653 г. Харьков уже существовал. Это согласуется с известием «Топограф. опис. Харьк. наместничества».

Следующий документ ещё интереснее.

В Белгороде в 1597 г. построена была церковь «св. Николая Ратного». Вместо руги[74] – «на свечи и на ладан и на кормление» даны были ей вотчины по рр. Уды, С. Донцу и, что для нас особенно интересно, по рр.Харькову и Лопании со всеми угодьями. В то время южнее Белгорода населённых пунктов совсем не было, почему и жаловать было можно. Данные вотчины по названным рекам со всеми угодьями, без определёниых границ в сторону, являли собой обширнейшее владение, на котором живут и питаются сотни тысяч людей. И всё это получил причт церкви – 2-3 человека!

Построился Чугуев (130 вер. от Белгорода), часть Никольской вотчины – по рр. Уды и С. Донцу – отошла к этому новому городу («р. Уды, да по Доицу, Мартовет, да Озерки, да Опаковский лесок, да Становой затон»): Матровет – теперешияя сл. Мартовое на С. Донце, от Чугуева по прямой линии всего лишь в 20 вер. Вот куда простирались владения «бедиого богомольца!»

После этого у попа остались р.р. Харьков и Лопань, сливающиеся от Белгорода верстах в 75, с громадными лесами, с разными угодьями, сенными покосами.

Поп «Иванище» Анфимов в своей челобитиой[75] пишет: на Харьковском городище в 1654 г., а «в церковной остаточной вотчине по рекам Харькову и по Лопину *построились* дворами и *живут* черкасы, которые пришли из черкасских городов». Они просили было позволения, говорит поп, построиться в Чугуевском уезде, но построились на Харьковском городище и стали хозяйничать в поповой вотчине: – «запустошили, зверь бьют и рыбу ловят и дельные деревья секут». Поп тогда же подал Царю челобитиую, с просьбой запретить селиться. На жалобу эту, по словам попа, последовал указ, запрещавший это уже пришедшим черкасам и «которые впредь станут приходить», а позволялось селиться в Чугуевском уезде.

Указ *разрешал только жить* по рр. *Харькову и Лопани* 37 человекам, «*которые преж того пришли* из черкасских городов».

Это известие очень важное. Московское духовенство относилось недружелюбно к выходцам из Польши, считая их православие подозрительным. Недружелюбие это сквозит между

---

[72] Белг. ст., лл. 149-153.

[73] Там же.

[74] Отсыпной хлеб духовенству вместо жалования; после и определённое жалование – «ружные деньги»; вместо их давали и церквам и монастырям земли, – такие земли также назывались ружными.

[75] Белг. стол., ст. 504, лл. 201-203.

строк и в челобитной белгородского попа, подогретое к тому же злобой за потерю обширных латифундий. Приводимым сведениям нельзя не верить. Жаловался первый раз поп в 1654 г. (уже «построились и живут»); и вот он говорит, что кроме этих пришедших, «преж того» пришло 37 чел. (конечно, с семействами, почему партия числом была много больше). Обыкновенно в тогдашних переписках писалось установленными как бы выражениями (писало ограниченное число дьяков, подъячих): «а в нынешнем году», «а в прошлом». Сам поп 1654 г. называет «прошлым». В упоминании же о 37 чел. этих, так сказать, казённых фраз нет, а сказано «преж того». К какому же году надо отнести первое появление черкас на Харьковском городище? Не в 1653 г., иначе сказано было бы «а в прошлом» в применении к пришедшим в 1653–1654 гг. Мы склонны думать, не случилось ли это в 1651 году, в год эмиграционного потока – это согласовалось бы и с летописью и с надписью на знамёнах; в этом же году пришли и острогожские черкасы.

Хотя первая партия была и небольшая, но всё же год-то постройки первых домов, след., начало основания города и зарождения полка следует считать со времени первого поселения. Численность – это только относительное понятие.

С поселением второй партии, с потерей последней вотчины, попу уже не было чем «кормиться» – «вотчин, церковной земли и приходу нет». Поэтому он просил Царя, взамен прежних своих обширных владений, дать «на свечи и на ладан» в Белгороде торговые бани, с которых платилось в казну 8 р. 50 к. Поп Иван понимал, что черкас ради него не выселят, что, при начавшихся переселениях, новых вотчин ему, «богомольцу», не заполучить, поэтому он в смирении своём и мирился на торговых банях.

Итак, из приведенной челобитной следует, что на Харьковское городище в первый раз пришло 37 чел. На *уже построившихся* черкас поп в 1654 году принёс жалобу, спустя три года (1657 г.) – по крайней мере этим годом помечена резолюция из Москвы. Жалоба на первых переселенцев могла быть также с опозданием – поп мог попросту не скоро узнать о том: около 80 вер. от Белгорода – ни хуторов в вотчине, ни управляющих у него не было, край был пустым. Говорилось выше, что воевода г. Вольного прозевал постройку на рубеже целого укреплённого города – Ахтырки. Все эти обстоятельства склоняют нас отнести первое поселение черкас в Харькове к 1651 году.

Один документ свидетельствует[76] категорически, что уже в 1655 г. в Харькове жили 588 казаков-воинов, не считая старых, малых и женщин, и что казаки являли *правильную воинскую организацию*. Они, верно, с ней и пришли. Приготовляясь к переселению черкасы поставили во главе себя какого-нибудь вожака-атамана, последний и мог дать им подобное устройство. С этим делом казаки хорошо знакомы. Переселенцы уже в пути должны были быть готовыми встретиться с татарами и силой, в случае надобности, проложить себе дорогу, а, осев на месте, отбивать нападения. Поэтому черкасы не могли идти без атамана, без которого вообще и нельзя представить себе казаков. Из них, ведь, считается плохим тот, кто не стремится им сделаться.

Упомянутый документ – «Список Харьковским черкасам»[77]. Представлен он был, вероятно, чугуевским воеводой, который с самого начала «ведал» Харьковом, до назначения харьковским воеводой. В архиве за этот год имеются такие же списки черкас острогожских, змиевских, ахтырских и колонтаевских.

К великому сожалению, дошёл совершенно голый список без челобитной. Заключает он в себе с некоторыми подразделениями только одни имена и фамилии. Но тем не менее он весьма ценен для истории полка – кое-что выясняет. Прежде всего из него видно, что во главе харьковских черкас стоял атаман Иван, но не Каркач, а Кривошлык. В списке он назван по отчеству – «Васильевич». Это свидетельствует об известном уважении. Змиевской атаман назван проще: Якушко Почтовский. Сотники – все без отчества – Тимош, Костя, а рядовые ещё проще: Грицько, Левко, Амелько, Курилко и т. д., как тогда обыкновенно писалось. Кривошлык, конечно, был выбран черкасами из своей среды и ничем от них, кроме личных способностей, не отличался.

---

[76] Там же. столб. 392, лл. 205–214.

[77] Приложение IV.

Величание по отчеству, может быть, именно за то, что он привёл черкас и строил город. Атаман в то время был старшим среди харьковцев. Такой порядок продолжался долго.

Атаман и сотники - это те «начальные люди», с которыми воеводе приказывалось посоветоваться, приступая к постройке более основательного острога, взамен уже бывшего.

Итак, в 1655 г. харьковским атаманом был Ив. В. Кривошлык. Не его ли нужно считать осадчим. Мог им быть и Ив. Каркач, (два источника свидетельствуют об этом неархивные)[78]. Но только в то время его среди черкас не было. В списке есть один Каркачев – фамилия могла подвергнуться обруссению, но Яков. Это следует из одной челобитной, в которой говорится, что в числе посланных в Москву казаков был Грицько Каркач[79], последнего в списке тоже нет, но он мог появиться или вновь, или быть подросшим к этому времени сыном Якова (1661 г.). След., фамилия эта была среди харьковцев, но представители её были рядовыми казаками. Если бы город, допустим, пожелал почтить память своего основателя, то кому ставить памятник, Ивану ли Каркачу, личность которого далеко не доказана, или документальному И. В. Кривошлыку?

Все харьковские черкасы в списке разделены на 6 сотен, с сотниками во главе (в 1-й – Тимош Лавринов, в 1659 г. мы его уже видим атаманом, во 2-й – Логгин Ященко, в 3-й – Малей Федоренко, в 4-й – Семён Песоцкий, в 5-й – Каллиник Кушнер, в 6-й – Костя Слюсарь). В 1, 3, 4 и 5 сотнях было по 100 человек, во 2-й – 99, в 6-й – 82 чел. Сотни делились на десятки. Десятников – 52 чел. А всего казаков-воинов – 588.

Вполне правильная организация.

В данное время среди черкас было много однофамильцев, расписанных по разным сотням. Одних Мартыненко было 11 чел. Переселялись, значит, семьями, из одной какой-либо деревни. Все, за редкими исключениями, носили характерные малороссийские фамилии – Хміль, Стріха, Гриценко, Цыркун, Дурасенко и пр. На «...цкій» и «...скій» всего лишь 15: Веприцкий, Ценковский, Мыслицкий и пр. Но ни одной «шляхетской» фамилии. У некоторых казаков и совсем не было фамилии, так в списке они названы по именам, только с прибавкой: зять такого-то, числящегося в списке.

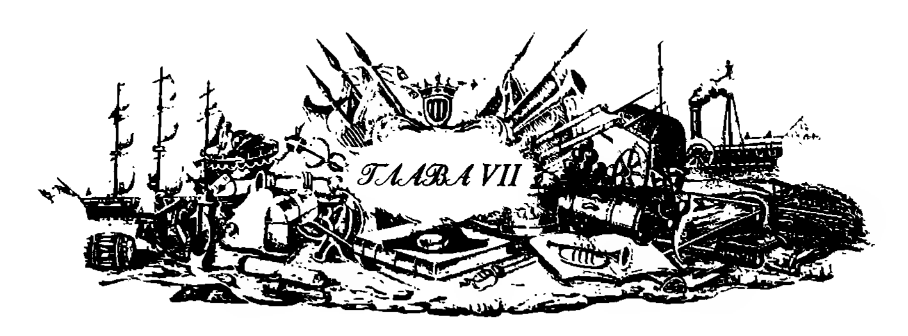
В конце списка сделана пометка. Из неё видно, что было тогда ещё одно небольшое поселение – на Хорошевском городище, где осело 50 черкас, «приписанных к Змиёву».

---

[78] «Хронологическое опис. Г. Харькова» (1767 г.) и «Описание г. Харькова», представленное в Екатеринославскую комиссию, вводившую преобразование в Слободской Украине (1765 г.).

[79] Белг. стол., ст. 440, лл. 24, 233–234.

Назначение в г. Харькове воеводы. – Воеводы и их обязанности. – Просьбы о назначении на воеводство. – Кому были подчинены черкасы.

Возникавшие одновременно с Харьковом города Змнёв, Махнач, Печенеги[80], а также Хорошево, подчинены были чугуевскому воеводе. Под его руководством (Гр. Спешнев) началась в Харькове постройка и острога, для которого он же и составил «чертёж» (530 саж. в окружности).

Но в 1656 г. в Харьков и Змиёв были назначены[81] особые воеводы (указ от 28 марта). Они, равные по власти, совместно с чугуевским, должны были («сопча за один») освещать степи, защищать «новые города» от татарских нападений. Они были подчинены белгородскому воеводе; по его приказанию предпринимали более или менее отдалённые поиски («быть в сходе»).

В том же году в Белгород[82] был назначен кн. Гр. Гр. Ромодановский, долго пробывший на этом воеводстве. Он был деятельным колонизатором порученной ему обширной области и начальником всех бывших в ней ратных сил, которые он много раз водил в походы.

Что в Харьков воевода был назначен в 1656, а не в 1655 году, свидетельствуют два документа[83]. В одном из них сам воевода Воин Селифонтов говорит: «164 (1656)... по указу велено мне... быть на службе в Харьковском и Хорошевском городищах». Одно же известие относит назначение к 1655 г. (извлечен он из церк. арх. Музея Киевской дух. акад.)[84]. Здесь, верно, какая-нибудь ошибка при переписке.

Во все города, где находились «ратные люди», обыкновенно назначались воеводы. Делились они на два класса – полковых (областных) и городовых (местных). Последние ведали почти всеми отраслями управления, следили даже за тем, чтобы духовенство исполняло свои обязанности, а прихожане посещали бы церковь и пр. Что касается судных дел, то в этом отношении была известная градация между местным и областным воеводами, хотя и не отличавшаяся точным разграничением власти. Все воеводы могли сноситься непосредственно с Москвой, не придерживаясь порядка подчинённости. Доказательств того множество. Воеводам отдалённых городов, как это мы видим на примере Чугуева, давалось иногда право даже казнить смертью. Городовые воеводы, верно, в виду их вечных злоупотреблений, назначались, чтобы не засиживаться, на очень короткий срок. Если об этом судить по Харькову, только на два года – от перво-го до их упразднения при Петре В. Из составленного списка[85] всех харьковских воевод видно, что этот порядок строго соблюдался – число в число. Воевода назначался заранее, приезжал, принимал город, и старый «отпускался», когда истекал срок, или совсем «к Москве», или на но-

[80] Змиёв построен был на «Змиевском кургане» (городище) при впадении р. Мжа в С. Донец; Махнач и Печенеги также на С. Донце – последний был в земляном укреплении под Крутой горой.

[81] Столб 404, лл. 12–14.

[82] Столб. 394.

[83] Столб 389, лл. 39–40 и столб 394, лл. 149–154.

[84] Д. И. Багалей. Мат. II, докум. № 16.

[85] Приложение III.

вое место служения. Напр., Ерем. Сибилев просил назначить его в Харьков («за раны и плен»). С просьбой он очень поспешил, подал челобитную, когда В. Сухотин не пробыл ещё и полного года. Резолюция: «назначить велено, когда В. Сухотину исполнится два года». И следующий воевода Тарбеев напросился в Харьков «за выбитый стрелою глаз и ради праздника Алексея Человека Божьего и для государского многолетнего здравия», так как-де «два года Сибилеву нетекают». Иногда и сами жители просили Царя оставить им любимого воеводу на второй срок (Тарбеев по такой просьбе пробыл с 1664 по 1668 г.). Иногда следовал отказ.

Первые воеводы все жаловались на харьковцев, а охотинков попасть к ним в город находилось немало.

Главной обязанностью воевод пограничных городов была охрана жителей от татарских нападений. Для этого они должны были «всеми способами» собирать «татарские вести». О появлении в степях хотя бы и небольшого числа татар они немедленно должны были доносить в Белгород.

Воевода следил за правильным исполнением караульной службы в самом городе. Караульщики стояли по башням, стенам, у ворот и пр. Последние на ночь запирались; ключи от них непременно должны были храниться у самого воеводы. Он заведовал «городовым строением», вёл «строительные» и др. книги, точную отчётность огнестрельным припасам («зелейная казна»). Следил за появлением в городе и окрестностях новых людей, проверял их право прихода, увольнял на промыслы, сам регистрировал паспорта, а сильно развитая тогда «паспортная система» угнетала жителей. Воевода вершил суд и расправу в «съезжей (приказной) избе». Смотря по величине города, в помощь ему назначался дьяк, подъячий. Воевода должен был быть грамотным. По крайней мере, по инструкции, некоторые бумаги приказывалось выдавать «за своею рукою, а не с печатью», которая, следовательно, у них имелась. Первое время воевода заведовал всеми жителями города – русскими служилыми людьми городовой службы, пашенными – это всецело, а также и казаками-черкасами, посылая их «по вестям» и ходя с ними в поиски. Казаки-черкасы подчинены были непосредственно своему атаману, ведавшему всеми их внутренними распорядками – «по их черкасской обыкности». Но списки им вёл воевода, принимал новых пришельцев, делал смотры оружию и конского состава. Воевода собирал оброки, вёл приходо-расходные книги, заведовал хлебными запасами. Далее, он должен был заботиться об исправном состоянии укреплений, держать город в постоянной и полной готовности на случай «осадного сидения». Наказ относительно черкас повеливал: «ласку и привет держать к ним добро, а обид и насильств, и налогов им никаких не делать[86], и если, для своего пожитку у черкас и у русских людей учнёт у кого от каких дел иметь посулы и поминки, а после про то сыщется… быть в великой опале». Но в этом то и вся суть. Приказано было иметь «ласку», а на деле же, конечно, за исключениями, воеводы, не выделяясь из тогдашнего общего уровня, были до крайности грубы, жестоки, несправедливы и – великие взяточники. Отменённое Грозным «кормление» процветало ещё всецело. Воеводы урывали с чего только было можно. Сбор таможенных и кабацких и др. денег, покупка хлебных запасов, раздача жалования – было их поле «бездельной корысти».

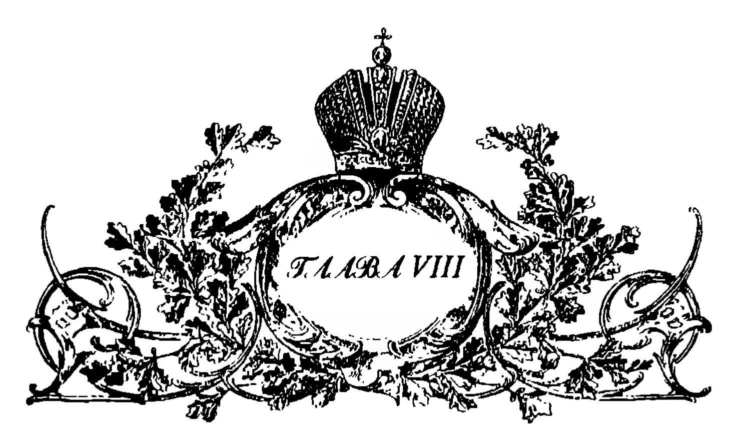
В Москве это хорошо знали, не доверяли им, контролировали, но такими же ненадёжными людьми. С воеводами не церемонились и жестоко расправлялись за всякое упущение. Так, напр., воевода змиевской С. Дурново был послан для наказания краснокутского воеводы *батогами* за «задержание почты»[87].

Но, несмотря на это, на воевод сыпались и сыпались жалобы.

---

[86] Белг. стол., столб. 33, лл. 733–751.

[87] Там же, столб. 1201, лл. 76–79.

Воевода Воин Селифонтов. – Недовольство его построенным острогом. – Несогласия с черкасами. – Отказ строить новый острог. – Затруднительное положение воеводы. – Вести о татарах. – Донесение о непослушании черкас. – Обвинения в пьянстве. – Резолюция Царя. – Новый воевода Офросимов. – Недоверие к черкасам. – Слухи об измене гетмана Выговского.

Первый харьковский воевода Воин Селифонтов был назначен «в Харьковское и Хорошевское городища для острожного строения». Указ не совсем правильно называет Харьков и Хорошево городищами, оба они уже (1656 г.) были тогда застроены; первое – сплошь, последнее, правда, только отчасти, так как размерами оно было далеко больше Харьковского. Оба, следовательно, обратились в города, окружённые тыном и укреплениями.

Строились черкасы первое время усердно, но поспешность отозвалась на том, что харьковские укрепления вышли слабы и к тому же не вполне были окончены. Селифонтов пришёл в Харьков с отрядом русских служилых людей (70 чел.). Постройкой острога он остался недоволен и сразу хотел приступить к возведению новых, более основательных. По указу он должен был *посоветоваться* о том «с черкасскими начальными людьми и рядовыми черкасами» (хорошевские должны были помогать харьковцам). Острог был низок и редок, 538 саж. в окружности. Но и эти скромные размеры показались Селифонтову большими (равнялись белгородским): «убавить-же»[88] их было нельзя, именно в виду того, что городище было уже застроено. Воевода был непрочь построить крепость и в другом месте, но подходящего для того не было: с трёх сторон были реки, болотистые долины, с четвёртой – сплошной лес на ровном месте. Размеры городища сами указали и размеры крепости. Селифонтов только мудрствовал лукаво.

«Сметя», сколько понадобится материала для достройки и поправки, он распределил рубку и свозку брёвен между черкасами и русскими людьми. Первые, и так уже не мало поработавшие, возроптали – не хотели «острожного дела» делать. Словом, с первых же дней пошли недоразумения, черкасы неохотно покорялись воеводе. «Учинились непослушны». К тому же ещё не хотели ездить «по вестям, на отъезжие сторожи», не захотели засекать проложенной, упомянутой выше дороги на Тор[89], не давали воеводе даже «деньщиков», сторожей в приказную избу и пр. Но из донесений Селифонтова можно усмотреть, что черкасы, собственно, не совсем отказывались перестроить острог, а только не такой основательный, как того хотел воевода, они желали окончить его так, как начали, причём это даже была и не их вина, а чугуевского воеводы, составившего чертёж. Селифонтов требовал, «чтобы делали острог, сплачивая острожины, в землю ставили и на иглицу б но средь острожин прибивали». Черкассы же говорили: «делать нам такой острог не вмочь

---

[88] Там же, столб. 389, лл. 39–40.

[89] Там же, столб. 394, лл. 149–153.

и всем-де нам от такого острожного дела разбрестись розно, потому, что мы-де людишки бедные, голодные, ещё пашни не распахали и хлебом не обзавелись и дворами не построились (это противоречит донесению самого воеводы же), а как мы-де хлебом обзаведёмся и дворами построимся, и мы-де против государева указу (как будет приказано) острог новый построим»[90].

По-своему черкасы были правы. Но и положение воеводы было трудное. Спешил он из боязни татарских нападений и ответственности перед Царём, если бы город был разграблен. Боялся и за себя – быть убитым, или уведенным в плен. А вести на этот счёт отовсюду шли «крутые». Из Чугуева сообщали, что многочисленные татарские загоны появились южнее этого города, побили и полонили многих. В Полтавском полку случилось то же. Пойманный татарин « спытки» показал, что, действительно, крымцы собираются напасть на «украинские городы». Из Змиёва писали, что видели татар в 20 вер. от Харькова всё на той же дороге, которую харьковцы отказались засекать.

Воевода приказал черкасам собраться на смотр[91]; многие не явились и, «не бив челом Тебе, Государю, и не явясь мне, холопу Твоему, многие из Харькова разъехались по разным городам», и в городе стало «малолюдио с того их черкасского непослушания». И воевода просил Царя учинить указ, «чтоб им впредь неповадно было воровать, Твоего государева указу ослушаться». У Селифонтова, видимо, чесались руки расправиться с ослушниками по-московски, и ему очень хотелось получить на то разрешение. Но Царь велел только (словесно!) уговорить харьковцев быть «в послушании». Недавний пример Чугуева не прошёл даром: в Москве решили, в виду непрочности ещё поселений, не ожесточать черкас расправой; хотя и там не прочь были бы пустить в ход «пристрастие». В 1661 г.[92] воевода Сухотин, также жаловавшийся на непослушание, доносил, что харьковцы «бегут, пометав свои дома», а «многие на подъёме – хотят бежать».

И тоже сетовал, что «наказать и в тюрьму сажать не может». Его жалобу не уважили, репрессий не последовало.

Жаловался Селифонтов на харьковцев ещё и за то, что они-де «постоянно и бражничают». Это обвинение несколько странно. На взгляд свежий, не привыкший видеть поголовного пьянства, пожалуй. Но воевода видел и не такое в Московском государстве, для него это должно было быть нормальным явлением. Правительство того время извлекало огромную пользу от продажи спиртных напитков, а потому даже поощряло широкое их «потребление». За игру в шахматы били кнутом, за курение табаку – резали носы, ссылали в Сибирь, а пьянство более чем терпелось. Сам Царь Алексей Михайлович, добрый, умный, был воздержан по этой части, но очень любил, когда пировавшие во дворце бояре сваливались под стол мертвецки пьяные. Даже теремные затворницы, от нечего делать, усердно поклонялись Бахусу. По современным свидетельствам иностранцев, это всепоглощающее пьянство было главной язвой страны. Духовенство с патриархом во главе (Никон, напр.) не отставало от пасомых или мирян. Народ, глядя на соблазнительный пример сверху, следовал ему и спаивался в «царёвом кабаке».

И малороссы пьянствовали, это несомненно; но, во всяком случае, уступали пальму первенства «москалям».

Царь по всем пунктам челобитной, обвинявшей черкас, положил резолюцию: «черкасом *сказать*», чтобы слушались воеводу, делали острог, не прокладывали дорог и пр. Но по поводу пьянства – ни слова, поступил искренно и тем устыдил воеводу. Ни к каким строгостям не прибегнул, дорожа новыми подданными и ясно сознавая всю пользу от них.

Но такая резолюция не могла понравиться Селифонтову.

Харьков не мог пока быть для него привлекательным – работы много, а торговли никакой, дойных коров, купцов, ни одного, сорвать не с чего; потешить себя властью – «покуражиться» над хохлами нельзя – «ласку» приказано было к ним «держать». И ко всему – в перспективе

[90] Там же, столб. 389, лл. 39–40.

[91] Там же, столб. 394, лл.149–153.

[92] Там же, столб. 315, л. 3.

«басурманская» неволя. В московских городах он привык к иным порядкам – к безусловному повиновению, к раболепству; жители там работали на воеводу, давали поминки, посулы.

Здесь же всего этого не было. Кроме того, он не мог помириться и с тем, что черкасы, мало вообще обращают внимания на него, воеводу, особенно, верно, после его безрезультатных жалоб царю, который приказал «объявить его Великого Государя милость, обнадёжив, что и впредь царскою милостью они пожалованы будут».

Пробыв в Харькове положенных два года, Селифонтов был сменён Ив. Офросимовым (1658-1660 гг.). От предшественника последний принял: ключи городские, в приказной избе указные царские грамоты о всех делах и вообще всю переписку, приходо-расходные книги «денежной казны», которой не было ни копейки. Во всём городе не оказалось весов, чтобы проверить «зелейную казну». Всё оказалось в порядке; 31 марта Селифонтов был «отпущен» в Москву.

В это время в городе было 7 пушек и к ним 349 ядер и – ни одного пушкаря, что сводило артиллерию харьковскую к нулю.

Охотников поселиться в городе, писал Офросимов, приходило много[93], но воевода затруднялся принимать их без соответствующего указа.

Положение Офросимова было ещё хуже, чем Селифонтова, так как при последнем было всё-таки 70 чел. русских служилых людей, на которых, хотя они были посменно, всё-таки можно было положиться. Эти русские назначались по 10 чел. из гг. Яблонова, Корочи, Белгорода, Болхова, Карпова, Хотмыжска и Чугуева. Воеводы названных городов, конечно, посылали, что было похуже. Составленный из таких людей отряд не мог быть сплочённым, но всё же известная дисциплина у них была; воевода мог и наказывать их за упущения. Ко времени же приезда Офросимова эти люди, несшие главную и ответственную службу по охране города, были сведены, и воевода остался с одними черкасами, а всё это, говорит Офросимов, «сброд, мужики деревенские».

Им не доверяли, имея на основание. Было, напр., категорически запрещено не допускать черкас к пороховому погребу – никто из них не должен был и знать, сколько там хранится запаса[94]. Опасались «шатости», и это скоро подтвердилось – во всех новых городах.

Прежде русские люди ездили по отъезжим сторожам, где уже совсем ускользали от наблюдения – охранение это было подвижное, требовавшее, кроме всего прочего, усердия и верности долгу. Теперь эту ответственную службу приходилось поручать черкасам, уклонявшимся от неё и ненадёжным. И положение воеводы было опасное. Он справедливо жаловался, что ему некого было послать на разведки, не с кем держать караулов в городе, некому было даже поручить запереть ворота. И караулы стояли пустые, разведка не велась. Офросимов аттестует черкас «своевольными». «Живут, говорит он, черкасы в лености по хуторам и по пасекам». Население города и при нём уменьшалось. Если бы в это время на Харьков напал неприятель, то оборониться было нельзя. Со всем этим Офросимов обратился к Царю, прося наставить, как ему быть.

Резолюция получилась странная: «для чего не отписал, сколько к которой пушке по весу ядер». Словом, разменялось всё на канцелярщину. О существенном же уклончиво: «черкасам сказать, чтобы на карауле стояли, отъезжие сторожи держали; а в пушкари набрать 10 человек, а иных не принимать – беглых».

Помощи воевода не получил; в утешение ему только сообщалось известие: «как реки покрепятся (резолюция от 20 июня 1658 г.), татаровя нынешним летом приходить хотят». Непонятно, «как реки покрепятся» и татары «летом» собрались сделать набеги[95].

Воеводе было приказано привести к присяге на верность службы тех черкас, которые ещё не присягали[96]. Следовательно, остальные уже были приведены.На это Офросимов ответил, что среди жителей не оказалось ни одного, который бы «крест целовал», что он затрудняется

---

[93] Столб. 399, лл. 173–175, 3.

[94] Столб. 482, лл. 718–719.

[95] Там же, ст. 399, лл. 173–175, 3.

[96] Там же, столб. 399, л. 256.

исполнить указ – в Харькове не было «крестоприводной записи». А с этим надо было спешить, так как «черкасы люди самовольные, ни в чём государева указа не слушают».

Воевода доносил, что до него дошли слухи об измене гетмана Выговского и что вследствие этого харьковские черкасы «впали в сумление большее», и снова просил прислать ему русских людей. Можно было опасаться осады города, и обороняться было не с кем – «надёжи на черкас держать не мочно». Он просил, по крайней мере, *детей боярских*[97], живших в только что приписанных к Харькову сс. Архангельском и Жихоре (в обоих 45 чел.), заставить служить в Харькове, их же хотели послать в Змиёв и Царево-Борисов. Хотя к этому времени в городе прибавилось две пушки, но всё же 2 башни и «раскат» стояли без них, и места эти при осаде были бы очень уязвимы. Огнестрельных припасов, к тому же, было мало, имевшихся пушек также для такого большого острога, как Харьковский, а он – «построен велик, больше Белгорода». Но и стрелять-то из пушек было некому, прислали было двух пушкарей, и эти были «малые ребята», не приспособленные к делу

Положение города продолжало ухудшаться. Все казаки, обладавшие конём и ружьём, в это самое время были посланы в «полки» Ромодановского – на Украине началось время «замешательств», как у нас принято было скромно называть народные бунты. И в Харькове остались «стар да мал», да и те «все без ружья».

И Офросимов продолжал донимать Москву своими тревожными челобитными; действительно, он был в отчаянном положении.

[97] По своему положению дети боярские занимали место между крестьянами и дворянами; им жаловались земли, за что они обязаны были нести службу. Есть много объяснений этого слова; между прочим думают, что они были потомками бояр, не смогшими упрочить за собой этого звания. В пограничных городах дети бояр несли, главным образом, станичную службу.

Обиды, наносимые служилыми людьми – Разорение пасек, убийства. – Суд над белгородцами. – Казнь. – Разоблачение следователей. – Челобитная о возвращении из ссылки. – Жалование Хорошеву. – Грабёж в Харькове служилыми людьми. – Жалобы харьковцев об отнятии земель и обиды. – Нападение черкас на черкас.

Воеводы жаловались на черкас, что они-де и пьяницы, и лентяи, сообщали, что город пустеет, что жители или уходят в другие города, или селятся по окрестностям, где уже остаются вполне беззащитными. Что же гнало их подальше от воеводы и русских ратных людей, присланных для их же защиты? Были ли харьковцы так виноваты, как их представляли Царю?

Прожив некоторое время в Харькове, на постройку которого они положили немало трудов, многие с появлением воевод начали уходить из него. Правда, по складу своего характера хохлы были всегда склонны селиться на просторе, в хуторах. Это замечается и теперь – вся Харьковская губ. усеяна хуторами. Идеал малоросса был - не сабля, пика, рушница, а «и ставок, и млынок, и вишневенький садок».

Но раз черкасы поселились уже в городе, что же их выгнало оттуда? Надо думать, отчасти то же, что гнало и русских людей на Волгу, Дон, что сгустило казачество.

В них таился рядом с этим вольный дух казачества, готовый всегда воспрянуть. В поисках свободы черкасы, построившие Харьков, и пришли в Украину.

Поэтому жители его, вследствие давления, стали покидать город и селиться по красивым урочищам.

До нас дошли дела, рисующие жизнь черкас в городе и на пасеках. Харьков был подчинён белгородскому воеводе «с товарищи». Отношения второго воеводы к главному отличались полною неопределённостью. Дела они «ведали» совместно, что и порождало одни только ссоры.

Посмотрим, как же вели себя русские люди по отношению к переселенцам[98].

Харьковский атаман Тимофей Лавринов привёз в Белгород (1659 г.) 5 убитых на пасеках черкас и принес кн. Ромодановскому жалобу. Кто именно были убийцы, атаман не знал. Было только известно, что на пасеки напали служилые люди из Белгорода, разграбили их, а хозяев убили. Что белгородцы вообще пошаливали, известно из многих других документов. Но то обстоятельство, что сам атаман, минуя своего воеводу, явился жаловаться главному, показывает, что харьковцы были, наконец, выведены из терпения поведением своих защитников. Кн. Ромодановский приказал произвести «сыск».

На другой уже день (17 января) был пойман в Белгороде и доставлен в приказную избу станичный ездок Ив. Обернихин. В качестве поличного у него нашли «лозбен» мёду. «В распросе» ездок показал, что он «с товарищи» ездил в Харьковский уезд, где «черкасскую-де пасеку разбили и пчёлы подрали... и убили черкашенина». «По язычной молки» Обернихина схватили 20 человек «разбойников» (столичных голов, детей боярских, ездоков). Многие из оговорённых скрылись.

[98] Там же, ст. 424, лл. 145-207.

Пойманных сперва допросили без пристрастия. Все они не отрицали своего участия в грабеже, но некоторые во многом запирались, а убийство приписывали скрывшимся. Ромодановский приказал «пытать накрепко» для порядка всех - запиравшихся и сознавшихся. Получив, вися на дыбе, ударов по 20 40, а некоторые, будучи «пытаны по дважды», белгородцы сделались более откровенными. «Пыточные речи» в присутствии воеводы Ляпунова записывал подьячий Ив. Муратов; но многое пропустил «для своей бездельной корысти». Допрошенные называли многих своих товарищей, их ловили и пытали.

И вот, после всех повторных расспросов и пыток, составлено было донесение Царю. В нем говорилось, что пасек было разбито две, что в грабеже принимали участие пойманных «убойцев 2 человека, а разбойников 16, да не сысканных убойцев 4, разбойников 6». Приводились статьи недавно изданного (1649 г.) «Соборного Уложения», под которые подходили преступления виновных (гл. XXI, ст. 16, 17, 18 и 21).

Бросается в глаза необыкновенная для того времени быстрота судопроизводства. 17 января принесена была жалоба, 28 февраля уже дело в Москве. «бояре слушали и приговорили: воров разбойников 2-х человек (Пронька Биркин и Павлик Уколов в Харькове казнить смертью - повесить, а товарищей их – разбойников 16 человек бить кнутом нещадно в Белгороде, водя их пред нецами, послать их в Харьков неделю спустя, и в Харькове велеть их в другоряд бить кнутом», а после сослать с женами и детьми на вечное житьё в г. Валки; причинённые убытки взыскать с виновных.

При большом собрании народа и вызванных согласно приказанию суда из Харькова «истцов», осуждённым «сказали вину» и били «нещадно» кнутом. По истечении недели, проделали это самое и в Харькове, и Биркина и Уколова повесили.

И то была первая в г. Харькове смертная казнь.

7 мая Ляпунов доносил уже об исполнении приговора. Виновные, писал воевода «на правеже стояли многое время», но иск уплатили не весь. Пополнив его продажей имущества, Ляпунов отдал харьковцам тысячу рублей.

Водворённые на житьё в Валки 16 белгородцев в том же году обратились к Царю с мольбой возвратить их в Белгород. Каясь в преступлениях, писали, что они менее виновные, пострадали, тогда как «прямые заводчики ездили для того воровства по трижды, по четырежды, а не пытаны и в ссылку не сосланы». Станичники ездили разбивать пасеки, собравшись человек по 50 конных «и больше», и что, самое главное, грабить *посылали* их дьяк Момолохов и подьячий Муратов, записывавший показания в присутствии того же дьяка и воеводы. Подьячий и пропустил из «пыточных речей» всё, что для них было нежелательно. «Иск» же по 18 руб. платили все уличенные в грабеже 73 человека, из которых тем не менее многие не попали в список разбойников. Всего было взыскано 1314 руб., отдана же тысяча. Остальные деньги остались у подьячего. В челобитной сосланных приводятся и ещё некоторые подробности корысти следователей. В доказательство правоты своих слов челобитчики ссылались «на весь Белый Город» и на тех солдат, «которые тот воровской мёд наживали к дьячку к Ив. Момолохову, будучи у него на дворе на карауле».

Не особенно воеводы радели о безопасности черкас! Трудно допустить, чтобы они могли не знать, что из города и при том часто отправлялись на грабёж довольно многочисленные конные партии станичников. Если это дело дошло до Москвы, то, может быть, потому, что воевода боялся замять его, видя раздражение харьковцев, могших послать своих челобитчиков прямо в Москву жаловаться уже на отказ в правосудии. Случалось к тому же, что в украинских городах выведенных из терпения жители убивали воевод и служилых людей.

Что все обвинения, изложенные в извете, были справедливы, доказывается быстрым удалением воевод и предписанием отдать излишне взысканные деньги и возвратить сосланных. Не одна, конечно, слёзная мольба последних Царя, а выяснение виновности следователей и, верно, то обстоятельство, что число станичников в Белгороде уменьшилось. Полагалось их 400, а в 1569 г. осталось их менее 300 – прочие погибли в столкновении с татарами. Эти данные почерпнуты из трогательной челобитной «станичных головишек», просивших также Царя «для их одиночества» простить сосланных их «младших детишек, молодых и неосмысленных». Чтобы тронуть сердце Царя, один из них пишет: «А у меня, у Юрки, на Твоей службе под Конотопом

убит мой большой сынишка, да 2 брата, да 2 племянника... а в наше отсутствие младшие сынишки и последние наши родственники теперь сосланы. Несем мы Твою службу зиму и лето безпрестану... и переменитъся нам не с кем и прожить нам стало не о ком (некому хозяйничать). Милосердный Царь,... пожалуй нас за нашу службишку и за кровь... вели... возвратить»[99].

Воеводы совершали крупные преступления по должности. Можно поэтому допустить, что во многом обвинение черкас не более, как желание отклонить от себя подозрение. Во всём видна полная готовность переселенцев служить Царю. С ним завязались у них частые и притом непосредственные сношения. В трудные минуты Царь охотно приходил им на помощь, давал «жалованье». Так в 1658 г. на Хорошево обрушилось вполне обычное тогда несчастье – татары разграбили его, а казаков увели в «тяжку неволю». 35 человек спасшихся послали своего атамана Проньку Резника «бить челом Государю своим разорением». Царь приказал выдать по 3 руб. на каждого.

Получив деньги, атаман не заехал в Харьков доложить о том. Считая себя не хуже воеводы, он часть денег утаил, а остальные раздал «из полу» не только пострадавшим, но и пришедшим за это время новым черкасам[100].

А вот и другой, не менее характерный эпизод из внутренней жизни харьковских черкас, плохо рисующий служилых людей. Случился он[101] всё в тот же тяжёлый 1659 г. (бунт Выговского).

Отряд чугуевских (300 чел.) детей боярских под начальством А. Маренка и Р. Борисова шёл в «полки» к Ромодановскому под Варну[102].

Дорога шла мимо Харькова. Зайдя в посад, они начали хозяйничать по-татарски – бить, грабить; сдирать с женщин «поневы и наметки» с голов, а с мужчин жупаны и забирать всё, что попадало под руку.

Насколько, след., малолюдно было в Харькове, если воевода не мог дать отпора 300 человекам. В «крепость» дети не попали – перед ними заперли ворота. Похозяйничав, чугуевцы пошли дальше. У встречавшихся в поле черкас отнимали лошадей, скот; разбивали пасеки. В 4 вер. они остановились биваком (на р. Уды), резали свиней, волов и ели «в Филиппов пост». Это обстоятельство особенно подчёркивается в поданной воеводой жалобе. Чугуевцы потоптали и потравили хлеб и сено. Из двух челобитных по этому поводу не видно, как вёл себя воевода во время грабежа; но когда Маренко «с товарищи» продолжали «озорствовать» и на биваке 4 дня, он послал к ним атамана Лавринова с 5 казаками «говорить, что они делают не гораздо». Но чугуевцы стянули с лошадей казаков, сильно избили, отняли оружие, коней, ругали, называли «изменниками» и «похвалялись» на обратном пути «пленить огнём и мечом». Посланные так были избиты, что «ледво водой оттопилися».

На другой день Офросимов послал подьячего и несколько служилых болховских людей (прислали всё-таки по его просьбе). И этих послов Маренко встретил бранью и «хотел бить и вязать». «Лаяли всякою неподобною лаею заочно» и самого воеводу и грозили его повесить. – «Не одному-де вашему воеводе мы образец сделали». В названии черкас «изменниками» и в угрозе воеводе чувствуется отголосок бунта Выговского.

По уходе, наконец, детей боярских Офросимов сейчас же принялся писать в Москву и Белгород.

А чугуевцы, возвращаясь спустя некоторое время, около Харькова снова произвели грабёж пасек и отогнали скот. Жаловались на них и харьковцы и свою челобитную оканчивали так: «А ныне, Государь, наша братия, видя над собою такое надругательство и разорение, многие побрели розно, а которые, Государь, наши братия разорены и те скитаются Христовым

[99] Там же, ст. 424, л. 197.

[100] Там же, ст. 399, лл. 5–7, 96–97.

[101] Там же, ст. 605, лл. 210–220.

[102] Варна (Варяна) Полтавской губ. Лохвицкого уезда, одно из древнейших поселений на р. Сейме, место значительной победы Владимира Мономаха на над половцами (1079 г.). В 1659 г. Ромодановский осадил Варну, но был разбит Выговским, явившимся на помощь своим сторонникам. Под Варной были и харьковские и пр. черкасские полки.

именем промеж дворы. Милосердный Государь-Царь... пожалуй нас, бедных и беспомощны-х». А воевода доносил, что после этого всего жители «впали в сумление большое»[103]

Маренко и Борисов были суждены в Белгороде. Приговор неизвестен. Но, конечно, после пыток с ними учинили такой же «образец», каким они грозили Офросимову.

Но харьковцев донимали и не одни белгородцы, а систематически и жители гг. Чугуева, Змиева, Валок, Хотмыжска («Хотмени»), Карпова, земли которых были смежны. В этих городах, за исключением Змиёва, основанного черкасами, жили русские люди. Они то часто приезжали в Харьковский уезд, грабили, убивали черкас и заявляли претензии на эти земли[104] и выгоняли хозяев. Защиты от белгородского воеводы не было. Тогда Лавринов с несколькими казаками (1657 г.) поехал в Москву жаловаться и просил приказать разграничить земли – «поставить грани». Просьбу охотно исполнили, Ромодановскому был послан соответствующий указ. Прошло 2 года, наезды и грабежи соседей продолжались. Ромодановский приказа не исполнил. Харьковцами (1659 г.) была подана новая челобитная «всем городом и уездом». В ней повторялись прежние жалобы и писалось: «налогу нам чинят большую и впредь нам, видя нынешнее над собою такое разорение от тех воров и разбойников, доброго *ждать нечего*. Милосердный Государь, пожалуй нас, возри... в свою в дальную, украинскую и порубежную, в новую отчину». «Сошлось нас в Харьковском 3 тысячи с детьми, племянниками и с *подсуседками* и ныне многие приходят отовсюду, разорённые от Выговского изменника». В конце прибавляют, что от всех этих изложенных бед они могут и «врознь разбрестись».

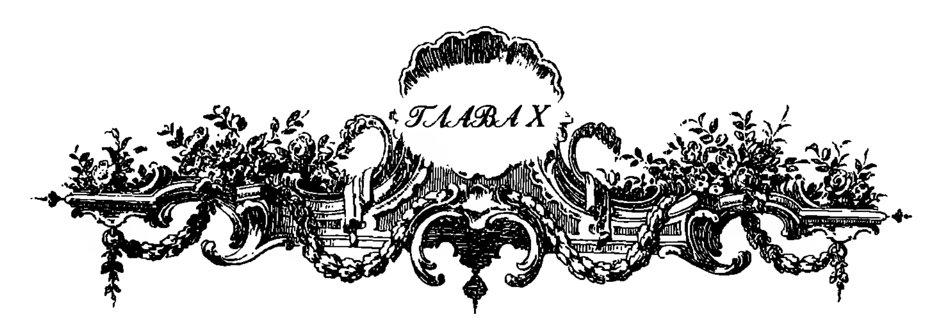
Кроме всего этого харьковцам доставалось и от своих братьев черкас. Так в 1661 г.[105] казаки Полтавского полка «изменника полковника Жученки» ночью напали на с. Ольшану (20 в. от Харькова), убили несколько человек, разграбили и угнали скот. Харьковский воевода Сухотин погнался за ними, «дошел» их за Валками, но полтавцы (150 человек) энергично отбивались и, пользуясь наступившей темнотой, благополучно скрылись.

Из приведенных примеров видно, что жилось харьковцам неважно. Пришли они в новые места и так «в конец разорённые», первые годы жили в тяжёлом труде – строили город, крепость; присылаемого хлеба не хватало, хозяйства ещё не налажены, лошадей, скота мало. И ко всему этому постоянные грабежи своих и чужих.

---

[103] Там же, ст. 480, лл. 304–306, 308–310.
[104] Там же, ст. 605, лл. 210–220.
[105] Там же, ст. 440, лл. 233–234.

Юрий Хмельницкий. – Измена гетмана Выговского. – Поведение черкас. – Присылка универсала. – Челобитная Сумского полка. – Донесение воеводы Офросимова. – Поражение под Варной и Песками.

15 августа 1657 г. умер Богдан Хмельницкий. Гетманом был выбран 16-летний его сын Юрий – «розумом слабенький». В Малороссии царил полный хаос. Упорядочить его было трудно даже человеку умному и энергичному. И сам Юрий не хотел избрания – отказался от гетманства и пошёл учиться в Киев. Но после снова был гетманом, передался Польше, был архимандритом, носил дутый титул «князя Малороссийской Украины». Был невольником в Константинополе, где «потурчился, побасурманился». Был бы и ещё, может, чем-нибудь, если бы кошевой Ив. Дм. Серко не прекратил ничтожной жизни этого «евнуха по природе», принесшего тем не менее много зла своей родине. «За Хмельниченка Юрася – Украина пропала, звелася».

Выговский – коварный, честолюбивый, лживый, уже раз осуждённый поляками на смерть, вымененный Богданом Хмельницким на лошадь из татарского плена, сильно полюбился последнему. Сделавшись гетманским писарем, он подчинил своему влиянию гетмана. С помощью миллиона талеров – (материальный результат гетманства Б. Хмельницкого) Выговский добился избрания в гетманы. Поляк по происхождению, но православный, он задумал снова присоединить Малороссию к Польше, сочувствие чему встретил даже среди казаков, недовольных московскими порядками. Поляки заигрывали с казаками и не скупились на обещания. В сентябре 1658 г. гетман заключил тайный договор с Польшей.

И вот, вербуя себе сторонников, Выговский прислал универсал сумскому полковнику Кондратьеву. Гетман (будто бы) просил снять с него копию и разослать в другие черкасские полки. Кондратьев не поддался на обольстительные предложения, делаемые универсалом за измену Москве, он созвал раду, разорвал его на глазах у всех, сказал посланному, что «слобожане» не гетманцы и за бесчестие считают равняться с ними после их измены Царю и присяге, что они верно и прежде служили Его Пресветлому Царскому Величеству и всегда на том останутся. Посол был выгнан со стыдом (якобы)[106].

Когда весть (всё это повествует Головинский) об измене гетмана и о его приглашении пристать к нему «облетела» Харьковский полк, то харьковцы не только не поддались на увещание, но даже многие из них «добровольно и охотно» пристали к русскому войску Ромодановского, шедшего против гетмана, и «немилосердно грабили и разоряли малороссийские города и сёла».

Кроме напрасного кровопролития из затеи Выговского ничего не вышло. Малороссия осталась за Москвой. А изменивший ей гетман, заподозренный и поляками в измене, был ими расстрелян.

Собственно, народ был на стороне Москвы. Все эти бесконечные волнения ему надоели, и он не прочь был бы отделаться и от поляков, и от восставших казацких старшин. К Выговскому приставала лишь «толща богатая» на Украине, а не простой, трудящийся на земле народ. И эти новые «замешательства» вызвали только новый толчок к переселению черкас – 1659 г. отмечается возникновением многих новых городов и слобод в теперешнем Харьковском крае.

[106] П. Головинский. Слоб. коз. полки. Гл. II.

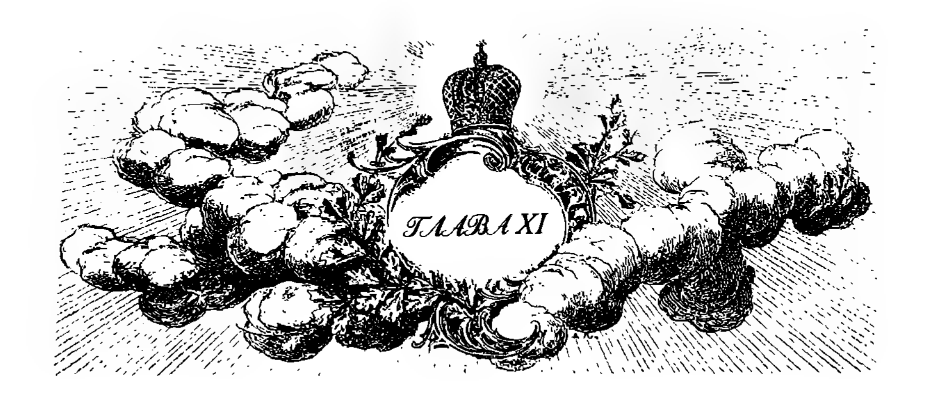
П. Головинский аттестует черкас невинными, непричастными совсем к последней смуте. Пример Кондратьева, если был таковой, не доказательство по отношению ко всем. Непоколебимая верность Москве сумского полковника несомненно разукрашена автором «Слободских козачьих полков». По крайней мере в «челобитной Сумина города»[107], поданной от имени Кондратьева и черкас (от 17 июля 1659 г.), по этому поводу говорится так: «Изменник Ивашко Выговский посылает от себя в Твои государевы черкасские города *листы* и *грозит* черкасам, чтобы ему сдавались, а под Сумин-де город большим собранием хочет приходить и их хочет разорить». Если бы был «универсал», адресованный Кондратьеву с просьбой списать копии и разослать, а тем более, если бы Кондратьев театрально его разорвал и сказал при этом такие могшие понравиться в Москве слова, то подобное изложение всего этого неминуемо бы попало в челобитную. Челобитчики в подобных случаях не скромничали и расписывали Царю все заслуги, в чаянии жалования, более, чем без умаления. Ещё задолго Офросимов, как упоминалось выше, донося Царю[108] об убийстве полтавского полковника М. Пушкаря, заклятого врага Выговского, прибавлял – что «по тем вестям черкасы впали в сумление». Во время уже самой смуты в Москве получено было донесение «о шатостях» и среди ахтырских черкас[109]. Следовательно, харьковский воевода заранее предвидел возможность осложнений. Военные успехи Выговского над московскими войсками могли только усилить «сумление». Офросимов ещё говорил[110]: «в осадное время, как живот свой мучали, сидели в осаде от Выговского и от татар, выстрелено из вестовой пушки 4 пуда». Следовательно, отряды сторонников изменившего гетмана подходили к самому Харькову, ходили и по всей Украине, верно, с целью склонить черкас на свою сторону и не без успеха – среди них было и не мало «слобожан».

Других, более подробных сведений, как отозвалась смута на Харьковском полку, не имеется. Но отряд харьковских казаков был в числе войска кн. Ромодановского (что видно из отписок Офросимова), а также сумских и вероятно, ахтырских. И были, конечно, по приказанию, а не «добровольно и охотно приставали».

Под Варной кн. Ромодановский потерпел поражение. В отписке Кондратьева в Белгород[111] сказано: «Сумского полку черкасы *побиты все* под Варною с полковником Ив. Искрою «под Песками»». По всей вероятности, такая же участь постигла и казаков Харьковского полка. Офросимов после этого и жаловался, что на случай осады ему защищаться не с кем по малолюдству. Разразившиеся события вызвали присылку в Харьков и др. черкасские города грамоту (от 23 сент. 1659 г.) «к нашим Великого Государя к служилым и всяким жилецким людям именно черкасам». В ней сообщалось об измене гетмана Выговского и увещевалось не принимать участия, не приставать к изменникам, быть верными присяге. За это всё – обещалось «жалование».

[107] Белг. ст., ст. 370, лл. 165-167.
[108] Там же, ст. 399, лл. 69-40.
[109] Там же, ст. 482, лл. 140, 294-296.
[110] Там же, ст. 481, лл. 293-294.
[111] Там же, ст. 370, лл. 165-167.

Описание Харьковской крепости. – Пригород. – Острожок на Ржавом Колодезе. – Служба сторожей. – Распространение тревоги по краю. – Возникновение Мерефы. – Харьковские церкви. – Отношение московского духовенства к малороссам. – Обвинения в маловерии. – Число церквей. – Монастырь и городище в Хорошеве.

Размеры Харьковской крепости определились сами собой размерами древнего городища, почему она после особенным изменениям и не подвергалась. Каждый новый воевода что-нибудь прибавлял к укреплениям, или пристраивал. Есть довольно подробное описание острога, оставленное в 1663 г. воеводой Сибилевым, но здесь приведём описание 1668 г., как более позднее, сделанное Л. Сытиным[112].

Харьковский острог был построен стоячим дубовым тыном с обламами[113], катками[114] и с зашитыми террасами[115]. Размеры были следующие: с севера 108, с востока от р. Харьков – 107, с юга, от той же реки – 113 и с запада – от р. Лопани 146 ¾ саж., не считая размеров башен и ворот.

С северной стороны посредине стояла Московская башня, проезжая; размеры её, как и прочих, были скромны: высота = 3¾, ширина в шатре[116] 1¼. Под башней были ворота, около них стояла длинная (3 аршина) 4-х фунт. (ядро 4 гривенки) пищаль на станке, колеса и ось которого были даже не окованы. (В тогдашних орудиях наблюдалось большое разнообразие форм, размеров и названий). Пушка эта стояла на земле – «поземный бой», на башне стояла другая – «верхний бой».

Далее в сторону р. Харькова, на восток от Московской стояла наугольная башня, несколько выше других – 4 саж., «в клетке» 2¼ саж., в ней был «вестовой» колокол, почему и башня называлась *«вестовой»*. Колокол был прислан из Москвы в 1657 г.[117] На этой же башне «в среднем бою» были «вестовая» пищаль – 5-ти фунт., да в «поземном» бою стояла ещё одна пищаль – 3-х фун.

Далее на юг была средняя *Глухая башня* с 3-х фун. пищалью.

Следующая *Наугольная* башня, в юг.-вост. углу крепости, что от р. Харькова, делающей здесь поворот на запад и текущей около крепости с юж. стороны. На этой башне была такая же пищаль.

Почти в равном расстоянии от наугольных стояла далее проезжая *Чугуевская* башня, на ней пищаль.

---

112 Труды Харьк. ком. по устр. XII арх. съез., стр. 451.

113 Облам – бруствер на стене или валу для защиты стрелка по грудь, он состоял из ряда стоек, забранных досками; делали его также из венчатых брёвен.

114 Катки – брёвна, приготовленные на верху стен или крыш для скатывания на неприятеля.

115 Терраса – состояла из двух венчатых стен, расположенных параллельно под прямым углом поперечным стенам так, что образовывались клетки, которые засыпались землёй или камнями.

116 Шатер – караульная клетка на вершине башни, над ним на столбах была кровля.

117 Белг. стол, стол. 407, л. 131.

Далее шла от р. Лопань *Наугольная* башня с пищалью. С западной стороны крепости стояла *Тайницкая* башня; называлась она так потому, что в ней был «тайник», ведший к р. Лопань (длина 16, ширина 1½ саж.); в тайнике был колодец для дождевой воды, занесенный к этому времени илом, – воды в нём не было. Это доказывает, что воеводы не особенно радели о поддержке крепостных сооружений; а для осаждённых главное условие было, конечно, обилие хорошей воды. Если взять во внимание, что кровли башен погнили, что стены в некоторых местах были подмыты водой – «на косую сажень» и пр., то допущение о небрежности воевод, является обоснованным. При обилии строительного материала, незатейливости крепостных сооружений и при даровых рабочих всё это легко и скоро можно было исправить.

За Тайницкой шла *Глухая* башня; далее проезжие ворота к реке «на протеке», над ними на столбах шатёр.

Последней в сев.-зап. углу, по соседству с Московской, была *Наугольная* башня. В показанных размерах острога по описаниям 1663 и 1668 гг. есть небольшая разница: по последнему размеры равны 475 ½ саж.

Вообще это была не грозная крепость, к тому же плохо построенная – «острог был ставлен редок», даже террасы не были засыпаны. Сами стены были в 4 ¾ ар. высоты. Впрочем, слово «стена» не подходит – это был «тын», забор, частокол скорее.

В крепость вело трое ворот. Около двух были ещё и калитки.

Внутри помещался пороховой погреб, около него пищаль, съезжая изба, около неё стояла, вероятно, на случай «шатостей», медная пищаль, да и внутри зачем-то тоже пищаль «затинная» длинное крепостное орудие, заряжалось оно с казённой части, вместо затвора – железная плитка.

Около города был выкопан ров (испорченный во многих местах полой водой). Подле рва был «честик»[118], набитый в один ряд в дубовые колоды, ставлен «на вертлюгах». Около честика с двух сторон города ставили «надолбы»[119].

Вот и все препоны для неприятеля. Против татар и этого было достаточно, а против их-то собственно и укреплялись города в этом крае. Другого врага не предполагалось. Конечно, пушки легко и скоро могли разметать всё это, но крымцы стреляли только стрелами, безвредными в данном случае. И харьковские пушки преисправно отгоняли татар от стен.

Воевода Сухотин (по известию 1663 г.) пристроил к городу «пригородок» на случай осады, чтобы дать приют жителям окрестных деревень, не имевших своих укреплений и делавшихся жертвой татарских нападений. Обнесен был этот пригородок даже дубовым тыном с обламами и катками; высота стен 1 ½ саж., длина 243. Но и этот острог не был вполне доделан, местами не хватало стен и пр. В него вели ворота (для некоторых оставлено было только место, но самих ворот не было) – Никольские, Троицкие, Рождественские. Судя по месту нахождения Троицкой и Рождественской церквей, пригородок был построен с юж. и зап. сторон крепости; к тому же упоминается приток Нетеча, протекающий и теперь недалеко от Троицкой церкви.

Следовательно, Харьков состоял как бы из двух городов: собственно крепости и острога. В последнем жили пашенные казаки, мещане, занимавшиеся торговлей и промыслами. Пригородок этот назывался у жителей «містом»

В 10 вер. от города вскоре после его возникновения, «у Ржавого Колодезя» построен был острожок, как передовое укрепление и вместе с тем сторожевое – «на проходах от Муравского шляха». Острожок был небольших размеров (квадратный, длина стен 20 саж.), в нём была приспособленная к обороне башня с вестовой пушкой, а также помещение для людей и лошадей. Около острожка «меж лесов» устроена была засека, поставлены надолбы с цепями. Караулы посменно держали дети боярские с придачей конных из отдалённых даже городов.

---

[118] Честик – частокол – колья в шахматном порядке вкопанные в землю близко один другого; находился он около рва перед тыном, затрудняя доступ к нему. Такой же честик устраивался на татарских перелазах.

[119] Надолбы – обрубки дерева, стоймя вкопанные за наружным краем рва в 1-3 ряда; связаны они были наметом – соединены по рядам и засыпаны землёй и хворостом.

Дававшиеся в подобных случаях инструкции так рисуют нам службу в таких острожках. На башне день и ночь стояли сторожа. Под страхом смерти они обязаны были зорко следить за окрестностями и, заметив, что подходят «воинские люди татаровя», давать из пушки сигнальный выстрел[120]. После этого конные тотчас должны были «бежать день и ночь», «на спех», в города, из которых были высланы, предупреждая по дороге об опасности жителей деревень. Таким образом тревога распространялась по краю. Но легко могла она быть и ложной, когда караульный на башне, не рассмотрев хорошо в темноте, боясь притом роковых последствий «за небережение», давал выстрел. Притом звук его уже одного, обозначавший появление татар, сам по себе на далёкое пространство распространял тревогу. А, услышав зловещий сигнал, нужно было каждому, не теряя времени, бежать в город под защиту стен, или прятаться в трудно доступных местах. Проверить и выяснить степень опасности, особенно точно, скоро было нельзя, а тревога тем временем распространялась всё шире и шире. На такую то беспокойную жизнь осуждены были жители порубежной полосы. Не менее опасна и беспокойна была служба и в таких острожках. Если караульные не делались часто первыми жертвами татар, то именно только в виду стремления последних проскользнуть незамеченными, нежелания задерживаться для осады даже такого незатейливого укрепления.

Этот Харьковский стоялый острожок скоро был оставлен и пришёл в запустение потому, что в нём миновала уже надобность – «от Муравского шляха поселилась Мерефа»[121]. К этому времени уже Харьков был несколько прикрыт ещё Змиёвым, Валками, Салтовым, Ольшаной и др.

По известию 1670 г., в Харькове состояло черкас 1423, а их детей, братьев и племянников 678 человек[122].

Первой церковью в Харькове построена была соборная Успенская в 1657 г., хотя преос. Филарет относит постройку её к 1659 г. Протоиерей же Буткевич, написавший о ней целое исследование, к значительно раннему времени – к концу XVI в. Время постройки несомненно и точно выясняется челобитной Офросимова[123]: «в Харьковском, Государь, Твоё Царское Богомолье построена соборная церковь Успения Пресв. Богородицы красного, соснового лесу; а лес на ту *Соборную Церковь* возили ратные люди в прошлом в 165 (1657) г. при В. Селифиитову; стены меж углов *четыре* сажени». Челобитная помечена 20-м июля 1658 г. и говорится, что церковь уже была. Весьма скромные размеры церкви говорят за то, что построить её можно было крайне быстро, в тот же год, когда возили и лес, чтобы там не писали её исследователи.

Соборная церковь построена была в 25 саж. от того места, где гордо высится уходящая в небо колокольня теперешнего кафедрального собора (42 саж.) – одно из самых высоких зданий в России.

Оставляя родной край, переселенцы везли с собой и весь скарб свой, а также церковные принадлежности, даже колокола. И на выбранных для поселения местах строили себе новые церкви. Православная вера в Польше всегда была в большом загоне, была «хлопской», так как исповедывалась только простым народом. Богатые же и знатные роды малороссов отвернулись от народа (Острожские, Вишневецкие, Сангушки и пр.), сделались ревностными католиками и польскими патриотами. Православные церкви были поэтому там, за редким исключением, до крайности бедны. Переселенцы не могли привезти богатой утвари, образов и пр. По крайней мере, харьковские черкасы построили церкви, но такие бедные, что в них совсем не было икон и книг для отправления службы. По этому поводу Офросимов писал[124]: «а образов местных и деисусов нет – черкасы молятся бумажным листам, своему литовскому письму и стенам, а книг и заводу никаких нет, и за Тебя, Великий Государь, молить Бога не по чем; только лгут Богу и десятой части хвалу Богу не воздают. Нет Евангелия Напрестольного... (следует перечисле-

---

[120] Белг. ст., ст. 211, лл. 37-39.

[121] Д. И. Багалей. Материалы, т. I, докум. № 19.

[122] Там же.

[123] Белг. ст., стол. 399, л. 3.

[124] Там же.

ние)... И о том вели свой милостивый указ учинить, чтоб было по чём за Тебя, Великий Государь, молить Бога... А я, видячи их маловерие, что поклоняются бумажным листкам и стенкам, для того к тебе и писал. Потом как Ты, Великий Государь, укажешь».

К обвинению черкас в маловерии надо относиться осторожно. Не ладя с ними, Офросимов был склонен валить на них разные небылицы. Впрочем, повод к этим обвинениям лежит глубже. Воевода по-своему мог быть даже искренен. Православие малороссов целые века находилось под сильным влиянием воинствующей католической церкви, и это влияние оставило много следов. Появились особые идеи и предания. Особенно обрядность её стала сильно разниться от русско-восточной. А обрядность для многих и составляет всю суть. Надо сознаться, что, благодаря просвещённым митрополитам, напр., Петру Могиле, учреждения её для религиозного и научного воспитания были подняты на такую высоту, с которой московская не могла равняться. Симеон Полоцкий, Феофан Прокопович были воспитанниками Киевской академии. Ничего похожего на них среди московских иерархов нельзя подыскать. И западно-русская церковь не совсем охотно признала свою зависимость от московских патриархов, считая это как бы ниже своего достоинства.

В силу этих обстоятельств, на православие малороссов русские смотрели почти, как на ересь. Правду сказать, строгая обрядность в Москве, пышные храмы, длиннейшие службы, какой-то монастырский отпечаток на всём, заслоняли собой всё. Малейшее отступление почиталось грехом, преступлением. Ведь простое «стояние за единую букву аз» вызвало раскол и жестокую борьбу.

И вот какой-нибудь воевода, едва умевший читать и писать, привыкший видеть пышность церковной службы, проводить многие часы на поклонах, где отсутствовал дух, а преобладала форма, и не мог не смотреть на украинцев, как на плохих и подозрительных православных. Вместо икон в драгоценных ризах он видел у черкас какие-то «бумажные листы» «литовского», след., подозрительного происхождения, изображавших святых, может быть, и не совсем так, как то было принято в Москве. И воевода их не признаёт, так как сам молится самой только иконе. И чем она драгоценнее по внешним украшениям, чем больше утопала в свечах и лампадах, тем она была святее, тем более перед ней нужно было бить поклонов. И вдруг какие-то бумажные листы! Какая же это церковная служба, когда книг, даже Евангелия «в заводу» не было. А если и были, то литовского происхождения; в них «аз» мог стоять не на своём месте, след., они были еретические, служение по ним было ложью перед Богом и пр. и пр. Не без ехидства, конечно, желая вооружить чрезвычайно набожного Царя и побудить его к крутым мерам, воевода прибавляет, что черкасы не молятся даже за Государя.

Всё это по тому времени были немаловажные преступления. За подобное отступничество Тишайший Царь с патриархом не помиловали бы; за это можно было бы жестоко поплатиться. В Московском государстве немилосердно каралось малейшее уклонение.

Офросимов доносил, что в первом харьковском храме не было «образов местных и деисусов». В XVII в. очень была распространена трёхличная икона – Спаситель посредине, Божья Матерь и Иоанн Предтеча по сторонам – она помещалась над Царскими вратами, при входе в церковь, а также во дворцах, домах, над воротами и пр.

Бедность вообще, отсутствие возможности купить по близости необходимое для храмов, заставляло духовенство обращаться за этим в Москву. Путешествие туда при тогдашних условиях не могло быть лёгким. И если попы (современные акты иначе священников не называют) всё-таки ездили просить «о церковном строении», то упрекать их в нерадении нельзя; а они ездили и «волочились» по Москве, проходили «волокиту» и молили о помощи.

Первым попом в Харькове был Еремей, верно и пришедший с черкасами и, судя по его челобитным – «малороссийской породы». В Малороссии прихожане сами выбирали себе попов; это право твёрдо и долго отстаивали и в новой Украине.

В 1657 г. этот поп Еремей и «новопоставленный» поп Василий, также малоросс, и дьякон Иосиф приволоклись в Москву просить о необходимых предметах. Первый для построенного в том году собора, другой для церкви, которую строить, видимо, собирались. Они подали Царю челобитную. Конечно, не поскупились на мрачные краски, чтобы разжалобить, изображая бедственное положение церквей.

Приняты попы были не особенно гостеприимно, просьбы их исполнялись медленно. Из отписки воеводы год спустя, видно, что тогда эти просьбы совсем не были удовлетворены. Челобитье первых харьковских попов так характерно, что его следует привести[125].

«Царю-Государю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея Великой и Малой и Белой России Самодержцу бьют челом богомольцы Твои, бедные государевы украинского дальнего г. Харькова черкасский поп Ерименце и новопоставленные поп Василице и дьякон Иосипице да Чугуевского города Печенежской слободы поп Лукьянице. Приволоклися мы, богомольцы Твои, к Тебе Государю бить челом о церковном строении; и мы на Москве волочимся четвёртую неделю и чрез тые часы спроелися пыть и исты нечего и скуфией у нас нет. Милосердый Государь, Царь и Самодержец, пожалуй нас, богомольцев своих, вели, Государь, нам бедным своего государева жалования корм дать, чим Тебе Государю об нас Бог известить. Царь-Государь, смилуйся!» Но почему-то тогда Царь не помог харьковцам построить храмы Божии и не пожертвовал церковных книг, св. икон и утвари, а приказ лишь выдать «из разряда попам по рублю, а дьякону 20 алтын». Деньги эти «поп Ерименце» взял и «за себя и за товарищи руку приложил».

Надо взять во внимание, что с подобными просьбами в Москву обращались из многих одновременно возникавших тогда городов; вполне удовлетворить их было не легко. Да и не дёшево всё это стоило. На пр., после пожара в Харькове (1666 г.) сгорела колокольня, вся церковная утварь и книги собора. Настоятель обратился с просьбой дать необходимое. Приказано было выдать ризы, стихирь с «прочими потребами», что же касается книг, служебника, то на челобитной стоит такая пометка; «служебник не куплен – дорог»[126], хотя после изрядных надоеданий дали и эту книгу.

Для Москвы было чрезвычайно важно удержать за собой каждый пункт, занятый переселенцами, укрепить, снабдить пушками и пр. Дела было масса.

Вспомним к тому же, что это было время всяких неурядиц и бунтов в присоединённой в 1654 г. огромной области; а если прибавить к тому вечные татарские набеги, войны с Польшей, то станет понятно, что не до «денсусов» было тогда.

Но «царское жалование» в Успенский собор всё-таки дано было в 1659 г., а в 1663 г. и более ценные предметы для украшения храма.

Число церквей в Харькове росло довольно быстро. Перечислять последовательно постройку их мы не будем. Челобитная 1659 г.[127], которой жители просили Царя разрешить базары и ярмарку, подписана попами, соборным, Благовещенской и Троицкой церквей. Следовательно, эти церкви тогда уже были; один посад ушёл за р. Лопань, а другой довольно далеко отодвинулся уже от крепости, примыкая к притоку Нетече. Город раскинулся широко. Из другой челобитной[128], помеченной в Москве 14 января 1660 г., следует, что церковь Св. Николая построена была в 1659 г. и что поп Стефан пришёл «со своими прихожанами» в том же году, что и сгустило тогда население.

В 1671 г. церквей уже было 6 – Успенская (собор), Николаевская, Рождественская, Благовещенская, Троицкая и Архангельская, а также и в ближайших к Харькову деревнях: Дергачах, Даниловке, Циркунах, Тишках, Липцах[129] (от города на север, в сторону Белгорода). Могло быть их и больше по слободам, но известны нам только эти.

Позднее число церквей в Харькове ещё увеличилось. В 1689 г. освящён внутри крепости Покровский храм, монастырский – «прекраснейшее каменное здание, тип южно-русской архитектуры, сохранившийся в неприкосновенном виде и до сих пор и являющийся таким образом древнейшим зданием в Харькове». Здесь находится чудотворная икона Озерянской Божьей Матери.

---

[125] Белг. стол, ст. 408, л. 472.

[126] Там же, столб. 504, лл. 39–45.

[127] Там же, ст. 408, л. 307.

[128] Там же, ст. 598, лл. 91, 275.

[129] Там же, ст. 783, лл. 309–313.

После возникновения Харькова довольно скоро основаны были два монастыря в уезде Куряжский и Хорошевский – оба были сооружены радением харьковских казаков. О первом - ниже.

На Хорошевском городище небольшая партия черкас поселилась, вероятно, одновременно с заселением харьковского; первое известие относится к 1655 г.[130]

В древности на месте Хорошева по всем признакам было большое поселение. Городище отличается обширными размерами – около 3 вер. в окружности, форма – четырёхугольная. В валах его, кроме другого прочего, по словам исследователя проф. Морозова, найдены были два каменных метательных орудия, первое известие о городище относится к XII в.[131] В окрестностях много курганов, сохранившихся до сих пор. Не вполне тогда ещё застроенное городище дало возможность профессору его исследовать, теперь же селение даже перешло за валы.

Вскоре после занятия его черкасами, на горе была построена церковь Арх. Михаила. По крайней мере, уже в 1664 г. по челобитной местных черкас «велено (было) *у той церкви...* быть монастырю». Ему отведены земли и разные угодья по р. Уды.[132]

Монастырь существует до нашего времени. Как водится, он раз сгорел (1774 г.) дотла, но потом снова возобновился. С 1786 г. стал уже Вознесенским женским монастырём II класса.

Украина в XVII–XVIII вв., до учреждения самостоятельной епархии в Харькове, входила в состав белгородской епархии, но «это обстоятельство мало влияло на общий строй церковной жизни Слободской Украины. Связи её с прежней своей родиной – Правобережной Украиной – продолжались, и культурно-бытовое влияние последней продолжало на ней отзываться».

---

[130] Там же, ст. 392, л.л. 205–214.

[131] Труды XII арх. съез. I, стр. 9–10.

[132] Труды предг. ком. к XII арх. съез., стр. 675.

Харьковское городище. – Подземелья – Реки, леса, долины. – Местоположение. – Обилие зверей, птиц и рыб. – Тяжёлые условия жизни. – Ожидание нападений. – Строгости. – Умелое составление указов. – Инструкция харьковскому воеводе. – Паспортная система того времени. – Учреждение ярмарки и базаров. – Беспошлинная торговля. – Табак. – Гонение на него.

Харьковское городище, находившееся на возвышенности, спадающей довольно круто в долине, в углу сливавшихся в то время очень полноводных рек, окружённая таким образом с трёх сторон водой, с четвёртой вековым лесом, представляло уже само по себе «крепкое место». Умело выбрал его для постройки города неведомый нам народ, не оставивший по себе никаких преданий. Выросший большой город не позволяет археологам пролить свет на этот интересный вопрос. Под городом имеются какие-то подземелья. Их отчасти исследовали; пытались составить план, определить глубину, размеры, но работу далеко не довели до конца и забросили[133].

Рр. Харьков и Лопань текли тогда в сильно болотистой долине, сравнительно узкой с запада и широкой с востока, юга и юго-востока.

По долинам было много озёр. Всё это, помимо рек, затрудняло доступ к городу. Татары и разные «воры» нападали только в конном строю, не любили заниматься осадой крепостей, не имели пушек, и потому летом для Харькова могли быть не страшны. Зимой же жителям нужно было надеяться на крепостные стены и не прозевать только молниеносного нападения. Лес с устроенными в нём засеками представлял для всадника трудно преодолимую преграду, а таковым город был прикрыт с севера. И Харьков благодаря всему этому, никогда не был разграблен неприятелем. Другие украинские города похвалиться тем не могут. Кроме своего выгодного положения, уголок, где возник Харьков, был очень живописен, затерявшись в дебрях дремучих лесов и диких полей.

В долинах были тенистые рощи – «гай зелененький», так любимый и воспетый чубатыми хохлами. С юга и запада город был окружён дикоросшими плодовыми деревьями; весной они, «как молоком облитые» стояли, а осенью сгибались под тяжестью плодов. Далее начинались сосновые и берёзовые перелески, а ещё далее, насколько хватал глаз, с высившейся над местностью крепости, синея и сливаясь с далёким горизонтом (кроме запада, где тянулись довольно высокие возвышенности), расстилались сплошные леса.

Людьми этот прекрасный край населён был мало тогда, но зато безбрежные степи, расстилавшиеся далеко на юг, преддверие которых чувствовалось и здесь, эти первобытные леса с многочисленными речками и ручейками до переполнения изобиловали другими обитателями. В степях

[133] Там же, стр. 586.

были дикие лошади, благородный олень водился в лесах. Воздух оглашался криками неисчислимого количества разных птиц; воды кишели рыбами. Пестревшая всевозможными цветами трава достигала огромных размеров – «что взмах, то готова копна». Глубокий, тучный чернозём давал колоссальные урожаи. Но около Харькова были и пески, поросшие сосновым лесом.

Ты знаешь край, где всё обильем дышет,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишнёвых рощах тонут хутора...
Шумя тростник над озером трепещет,
И тих, и чист, и ясен свод небес...

К сожалению человек, главный хищник природы, до неузнаваемости испортил его.

Итак, место, где поселились харьковские казаки, лучшего не заставляло и желать. Жить было хорошо, но только не во всех отношениях.

Конечно, здесь не тяготел над ними гнёт панов, которым в Польше, прежнем отечестве черкас жилось, «как в небе» за счёт этих последних, не было полновластных жидов-арендаторов; черкас не обременяли поборами, не отнимали земель и пожитков, не насиловали «свободы совести». Но тем не менее покойной жизни и здесь не нашли поселенцы.

Причинами того были татары, разные «воры-грабители», да введенные Москвой строгости. Жители Харькова, как и других ему подобных городов, были как бы в постоянной осаде, год за годом. Никто из них, не получив позволения, не мог отлучиться из города, ворота которого с наступлением темноты даже запирались, и выход безусловно был запрещён. С ослушниками не церемонились, на расправу не скупились. Жить повелевалось «с великим бережением неоплошно». Донимали казаков многочисленные караулы – везде и всюду часовые, за городом далёкие разъезды «проведывать всякими обычаи, чтоб воинские люди украдом, обманом в день и ночным временем к Харькову изгоном безвестно не пришли и дурна какого не учинили». Залогом благосостояния жителей были земледелие и скотоводство. Но как же оно было обставлено? Летом позволялось выгонять стада на пастбище, «рассмотря (предварительно) и разведав» ближайшие окрестности, не скрываются ли где в укромных уголках незаметно проскользнувшие мимо сторож татары, такие ловкие на это. Если и было всё спокойно кругом, стада выгонялись под охраной вооружённых и готовых к бою людей.

На полевые работы позволялось «отпускать не малыми людьми» и «велеть им от татарского прихода бережение держать большое, чтоб их на пашнях и на сенных покосах и в дороге татаровя не побили и в полон не поймали, а были бы они все с пищалями и со всякими бои» и чтобы около пашен и сенных покосов держали «отъезжие сторожи». За малейшее упущение сторожам грозилось «быть в жестоком наказании без всякого милосердия и пощады». А сторожа, увидя татар, должны были тотчас же дать знать о том через посланного, а сами, оставшись на месте, ожидать «прямых вестей» – выяснения.

Инструкция[134], из которой это берётся, учит сторожей, как отвечать на допрос татар, если бы кто из них попался в плен: «и они бы сказали, что у Великого Государя во всех укреплённых городах с бояры и воеводы дворяне и дети боярские и стрельцы, и казаки, и всякие чины конные и пешие многие люди с огненным боем».

Московские чиновники грешили склонностью к пространному писанию. Но зато, надо отдать справедливость, какой-нибудь подъячий, умевший только писать да читать, не державший экзамена на классный чин, не изучавший разных премудростей, писал указы, грамоты и пр. очень хорошо, подробно, не оставляя место для толкований. Если то была инструкция, то предвиден был каждый шаг исполнителя; на каждый случай, как поступить, был обстоятельный ответ. Дипломатам нашего времени и разным другим «предписывающим» не вредно было бы

---

[134] Д. И. Багалей. Матер. т. I, докум. № 36 и др.

поучиться по прежним образцам искусству составлять бумаги, благо материала в архивах много. Наметив себе какую-нибудь цель Москва систематически, неуклонно шла к ней, упорно преодолевая препятствия. Неудачи не отбивали охоты. Выждав удобное время, она повторяла усилия и достигала желаемого, не особенно церемонясь в выборе средств и не останавливаясь перед устранением стоявшего на дороге. Неисполнивший чего-либо по нерадению дипломат или военачальник расплачивался за свои ошибки головой. И чиновники того времени, памятуя это, высоко держали знамя чести своего Государя, даже в мелочах.

Инструкция, о которой речь, просто великолепна: воевода и его обязанности в ней, как на ладони. Здесь и приказ, и поучения и совет, и угроза. Язык тоже образный, приятный для уха. И даже орфография не особенно хромает, конечно, относительно. Ведь, подьячий не обладал аттестатом зрелости! А разве обладающий им поглотив изрядное количество разных наук, безгрешный в ней?

Свободой передвижения черкасы также не пользовались. Дорожа переселенцами и опасаясь, что они разбредутся, правительство, желая предупредить возможность этого, запретило под благовидными предлогами всякие отлучки. Явные же переселения безусловно были запрещены. Если кто хотел ехать на Дон, напр., для торговых промыслов, должен был подать в приказной избе челобитную «на государево имя». В ней прописывалось кто, куда, зачем, на сколько времени. Все эти сведения воевода заносил в особую книгу и требовал писанного поручительства за желающих ехать – «чтоб им на Дону не остаться и на сроки приехать в домы свои». Уезжающему давалась «проезжая память» за подписью воеводы («а не с печатью»), где прописывались подробные сведения о предъявителе паспорта. Проезжая по пути через города и прибыв на место, каждый должен был «память» предъявлять местным властям. Миновать по дороге город, «не объявясь», – не позволялось. Власти этих городов должны были проверять число проезжающих. Лишних «не пропускать никакими мерами для того, чтобы впредь про то было ведомо, кто на Дон пойдёт и кто с Дона не вернётся». Уехавшему без позволения, взявшему с собой лишних людей угрожала «торговая казнь[135] без всякого милосердия и пощады и в ссылке в сибирские в дальние городы на вечное житьё с женами и детьми». Имущество виновных шло на жалование ратным людям.

Начало паспортной системы относится в России к XV в. Строгие меры направлены были против бесчисленных бродяг. Но, Конечно, вся тяжесть во всей её полноте ложилась на законопослушных людей; непорядочные же, хотя часто и расплачивались, зато с успехом обходились «без памятей». Число бродяг не уменьшалось, а увеличивалось.

Паспортные строгости имели тогда в виду также положить предел приходу из зараженных «чумных» мест. Чума в те времена была частым гостем в России. Никто, благодаря ей, не мог свободно приехать в город, не подвергнувшись известному карантину. Приезжего останавливали вдали ещё от города и спрашивали, нет ли там, откуда едет, «морового поветрия». Если говорил «да», то такого допрашивали «чрез огонь» – между сторожем и пришельцем должен был гореть костёр. Таких людей не пускали никуда, а «расспросные речи», переписав несколько раз «на новую бумагу», отправляли в Белгород Запрещалось строжайше что-либо у таких брать, покупать. Малейшее ослушание каралось смертью.

Скоро же после водворения своего в Харькове черкасы стали проявлять склонность к торговым делам. В 1659 г. они подали челобитную, прося установить в городе еженедельно базары и, кроме того, ярмарку, которая бы начиналась в день храмового праздника Успенского собора. «Мочно, писали они, в таком многолюдном месте быть изъезду большому и ярмаре»[136]. Просьба была исполнена, соответствующая грамота из Москвы прислана. Таким образом, была установлена в Харькове первая ярмарка, повторяющаяся ежегодно и до наших дней. Для города она имела большое значение, способствуя его торговому развитию.

---

[135] Торговая казнь – наказание кнутом на площадях, торгах: это было «жестокое наказание». Оно было отменено только в 1845 г.

[136] Белгор. стол. столб. 408, лл. 307-309 и столб 33, лл. 733-751.

В следующем году в наказе[137] воеводе В. Сухотину Царь позволил харьковским черкасам и приезжающим в город «из польских (полевых) и из украинских городов с торговыми промыслы» торговать «меж себя всякими товары в Харькове беспошлинно». Далее харьковцам разрешалось «вино курить, пиво варить и меды ставить» тоже беспошлинно, но, чтобы «это вино, пиво и мёд они держали про себя, а продажного чтобы у них отнюдь не было». Приказывалось, чтобы на торги и ярмарку ни вина, ни табаку «никакие люди в Харьков не привозили и не торговали». «А которые, говорилось далее, люди из черкасских городов с вином и табаком в Харьков приедут и тех людей... отсылать назад... совсем вцеле, а грабежу и убытков... не делать, а приказывать им накрепко, чтобы они впредь в Харьков с продажным вином и с табаком не приезжали, а которые впредь (в другой раз) приедут... бочки с вином рассекать, а табак жечь».

Следовательно, продажа привозного табаку в украинских городах была запрещена. Привезенный в первый раз не истреблялся, однако, и торговцы не наказывались. Это была уступка казакам. В пределах Польши табак не подвергался запрету, и казаки были завзятые курильщики, готовые променять «жінку на тютюн, да люльку» (трубку). Ещё до привоза табака в Европу из Америки в Россию он проник из Азии и довольно широко распространился. И предки наши раньше европейцев его покуривали. Только при Михаиле Фёдоровиче в 1634 г. табак был запрещён. Пущено было в ход занесенное греческими монахами мнение, что курящий табак лишается благословения Божьего. А потому такой достоин кары, которая неукоснительно и следовала.

При Царе Алексее Михайловиче табак на время был разрешён, даже продавался от казны. Но скоро снова подвергся уже жестокому гонению – секли кнутом, вырезали ноздри и ссылали в Сибирь. Это вошло в Уложение 1649 г.[138]

Но для хохлов было сделано исключение. Они табак для своего употребления сеяли и курили, и нюхали – это не возбранялось. Запрещено было только продавать его на сторону, и разрешалось торговать им «промеж себя».

Когда, во время бунта Стеньки Разина, острогожский полковник перешёл на его сторону, а в полку пошло «замешательство», то, в виде наказания, кроме другого прочего, острогожским черкасам было запрещено торговать табаком даже в пределах своего города[139].

Кроме освобождения от пошлин за торговлю, приказано было ещё: «с черкас с их исков пошлин не имать» – «для их иноземства», «обид и налогов и насильств никаких не делать и посулов и поминов ни у кого ни от каких дел не имать».

Права и льготы харьковцев всё расширялись. К концу царствования Алексея Михайловича они были следующие: занятие свободных земель, но с соблюдением установленного порядка; казацкое устройство и самоуправление, в которое не вмешивался воевода; беспошлинное занятие промыслами, винокурением и уже продажей вина; освобождение от податей и повинностей, кроме военных; право содержать на откупе таможни, мосты и перевозы.

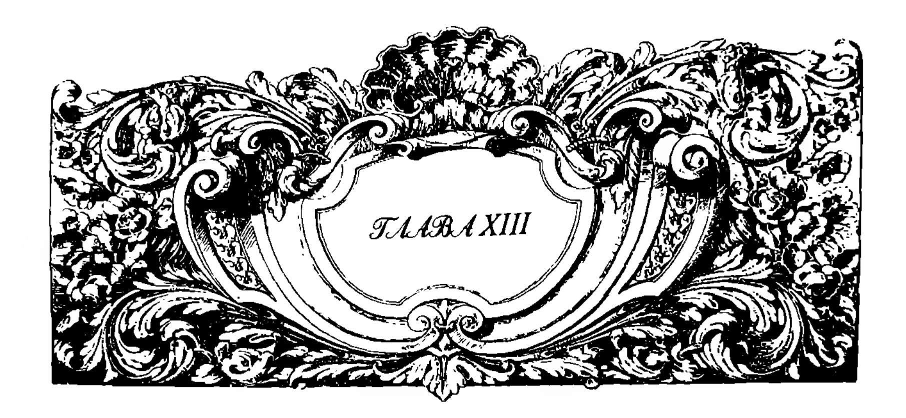
---

[137] Там же.

[138] Гонения прекратились только в 1697 г. по указу Петра Великого, большого любителя курить.

[139] Белгор. стол, столб. 687, лл. 30–36.

Историческая литература о «Слободской Украине». – Слободы. – Неправильное объяснение этого слова. – Несвободное поселение черкас. – Несвободное занятие земель. – Инструкция по этому поводу. – Зависимость полковника от областного воеводы.

Историческая литература о «Слободской Украине», если не считать научных трудов проф. Д. И. Багалея[140] и отчасти преосв. Филарета, довольно бедна. К тому же труды прежних исследователей – голословны; многие сведения об отношении Москвы к новой окраине (и обратно) не верны; некоторые вопросы освещены, по нашему мнению, неправильно. Это доказывается подлинными архивными документами, *не вложенными* совсем в основу их исследований. Некоторые сочинения, например, Лесевицких, Кондратьевых (?), харьковского полковника Тевяшева, должно быть интересные, как принадлежавшие современным, местным деятелям, до нас не дошли. Известно только, что таковые были.

И вот прежние писатели, например, объясняли название «Слободская» тем, что переселенцы, придя в теперешнюю Харьковскую губернию, селились, где хотели, занимали себе земли, сколько хотели и делали, что хотели; словом, были совсем свободны в своих действиях (по народному произношению «слободны»). П. Головинский, например, пишет, что слободские полковники, поселившись, *после* объявили пограничным московским боярам об этом своём поселении и о поступлении в подданство с обязательством защищать границы.

Писалось, что позднее Москва ласково и постепенно, особенно с Петра Великого, прибрала их в свои руки. Свободные поселения свои черкасы называли слободами, почему и сами стали называться «слобожанами».

Слово «слобода», как обозначение поселения, весьма древнего происхождения. Говорят, что в старину так назывались сёла действительно свободных людей, но также обозначался и пригородный посёлок за стеной. Например, в Москве были слободы «Ямская», «Казённая» и т. д. Могли ли жители их почитаться «слободными» (свободными)? Позднее слободой стали называть селение, в котором больше одной церкви, в котором собираются ярмарки. Следовательно, это слово, утратившии своё первоначальное значение, было в употреблении задолго до заселения Придонецкой Украины. Около многих великорусских городов тоже были поселения, называвшиеся слободами. Князь Хилков в 1647 г.[141] доносил Царю, что отдельных выходцев –

---

[140] «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства», изд. 1887 г., и др. Автор знаком с некоторыми сочинениями почтенного историка, но при составлении настоящего труда, за исключением «Материалов» к означенным «Очеркам», *за неимением, не пользовался ими*, а равно почти и всеми печатными сочинениями по истории Слободской Украины по той же причине.

[141] Д. И. Багалей. Материалы, т. II, док. № 8.

черкас он «велел поставить в слободах» по Белгородской черте (это ещё до переселения черкас в Харьковский край), населённых такими же свободными людьми, каковыми были и все подданные Москвы. На том же основании, на каком эти поселения называли слободами, например, около Белгорода, называли их и в заселявшейся вновь Украине. При обилии в ней земли можно было и поселениям раскинуться широко, «слободно». И весь край получил название «Слободской», а жители «слобожанами», полки «слободскими». От типа поселений, а не потому, что население было свободно. И это название будто бы было присвоено Украине с самого начала заселения. Но это не так. Название это делается официальным значительно позднее. Нам не известно ни одного документа XVII в., который бы хоть раз назвал этот край «слободскою» Украиной, полки – «слободскими», черкас – «слобожанами». Пишется иногда «Государева Украина», «украинские городы», образовавшиеся полки именуются по городам – Харьковский, Сумской, Ахтырский, но (в XVII в.) никогда «слободской», а «черкасский»[142].

Первый, известный нам, документ, именующий полки слободскими, относится к 1732 г. – перепись[143] генерал-майора Хрущова и так называемый «Экстракт о слободских полках» 1734 г.[144] (составлялся в 1733 г.) – красугольный камень прежних исследователей. Документ этот важен для истории края, но довольно краткий, не обнимающий всех вопросов и несвободный от разных явных неточностей.

Мы пишем это исследование почти исключительно на основании архивных источников; печатанные сочинения не имеются в нашем распоряжении.

И вот архивные документы говорят о свободе черкас иное. Конечно, и к ним нужно относиться с известной осмотрительностью. Но то обстоятельство, что все они рисуют одну и ту же картину полной зависимости черкас с самого начала поселения, с первых шагов, то объяснение слова «слободская» прежними исследователями по разным не документальным сведениям, преданиям и пр. не может почитаться обоснованным и правильным. Сколько помнится, проф. Багалей этого вопроса не затрагивал.

Свободны черкасы были только от власти помещиков, которых в крае первое время и совсем не было в прямом значении; свободны были от разных насилий со стороны власти и произвольных поборов. Правда, земли они не покупали, а занимали её, но с разрешения, чаще по отводу начальствующих лиц, но и то только «до указу», который был необходим для закрепления. Даже *гетман* Остранин[145] не сам себе занял землю: ему её дали, точно определив число десятин; отведенные чугуевцам земли отмежевали. Полковники черкасские владели землёй на основании царских жалованных грамот. Где же в этом отношении свободы (свободное занятие земель)? Правда, огромным преимуществом черкас было то обстоятельство, что они являлись здесь собственниками. Но и на «старозаимочные» земли правительство довольно скоро предъявило свои права и стало раздавать их переселяемым в край русским и иностранцам.

Вот как сказано в упомянутой выше инструкции относительно приходивших вновь на поселение черкас, что всецело относится и к уже поселившимся: «а которые черкасы учнут впредь (1660 г.) в Харьково приходить, и ему (воеводе) тех в Харькове приводить к вере (присяге), что им быть в Харькове под гос. высокою рукою на веки неотступно в *вечном холопстве*». Никаких беглых служилых людей из русских городов, холопей и крестьян приказано было «отиюдь не принимать». А «вольных людей», ни в каких городах в службу «ненаписанных», «небывших в тягле, *не позволять* принимать» *«без государеву указу»*, «без отписок из полку бояр и воевод»; «а отсылать обратно с провожатым» и сдавать их под расписки воеводам тех городов, из которых они прибыли.

Собственно позволялось принимать черкас из Правобережной Украины, из малороссийских городов, но и последних «с отпуском тамошних воевод». Им *приказывалось отводить зем-*

---

[142] Белгор. ст., столб. 599, лл. 862–870.

[143] Д. И. Багалей. Матер. т. I, док. № 65.

[144] Там же, т. II, док. № 43.

[145] Остренин, Остряница.

ли. Переселения же черкас, уже записанных на житьё в города Придонецкой Украины, с места на место безусловно были запрещены.

Жестокое наказание ожидало всякого, кто позволял жить у себя или держал на службе людей (будь то город, село, деревня, хутор), не записанных в списках воевод. Где же эта свобода поселения, где свобода занимать земли – свобода, послужившая основанием для названия страны?

Во время происходивших в Приднепровской Украине и на Дону смут переселенцев усиленно ласкали, обещали и давали жалование, но принятую систему колонизации неуклонно систематически проводили.

В начале поселения черкасы всех разрядов (полковые, пашенные, мещане) были подчинены воеводе. Все дела, возникавшие по челобитьям («на государево имя»), предоставлялось ему «судить и сыски всякие сыскивать и расправу во всяких делах меж их делать против гос. указу». «Харьковских служилых и жилецких русских людей и черкас службою и всяким ратным строением и расправные большие дела велено (было) ведать» белгородскому воеводе, которому и харьковский был подчинён.

Стеснённые во многих отношениях заведенными порядками, черкасы иногда заявляли протесты. Они выражались в участии во вспыхнувших в Малороссии и в других местах бунтах и в побегах за рубеж. Таких беглецов старались ловить. Беглецов наказывали, водворяли на прежнее место жительства, а то и на новое – в Сибирь с неповинными женами и детьми. Приведём один эпизод, как иллюстрации.

Сотник валковских казаков[146] Марков бежал из города. По доносу приятеля, сына боярского Протасова, был пойман поджидавшими людьми и закован в «железа». Судя по принятому направлению (вниз по р. Мжу), можно предположить, что сотник хотел бежать не в Москву, как после показывал, а на Дон, «за пороги», обычное место всех угнетённых. Наказание Маркова хорошо рисует тягость тогдашней жизни. Если очень плохо жилось сотнику, человеку даже грамотному, а таких тогда ценили, обставленному много лучше рядовых, то как же жилось тогда прочим!

«Побрёл было я, бедной», говорил на допросе Марков, «к Москве с бедности – пить, есть нечего, помираю женишкой и с детишками и с людишки (бывшими у него в услужении) с голоду бить челом Государю, чтобы меня, бедного, ... велел *отпускать* в деревнишко для оброченка, чем бы мне... прокормиться».

Что Марков действительно был «бедной», свидетельствует сам воевода, которого перед тем сотник скверно «облаял».

За спиной у беглеца «в колчиге» (катомка, верно) нашёлся только «небольшой хлебец, да соль и два ножа» – ничего больше. Одет был Марков бедно – «в чекменишке сером да черках», вооружен одним бердышом. Сотник задолго подготовлял свой побег; доносчик, приятель, караулил его «в день и ночь» в течение семи суток. Если бы он не был так беден, то в далёкую дорогу взял бы с собой хотя немного денег, да и оделся бы (февраль) не в ветром подбитый чекмишко.

По словам П. Головинского («Сл. коз. полки»), «слобожане», по своём водворении, зажили припеваючи – избыток, привольная жизнь. Духовенство было свободно, народ тоже. Украина крепла, приняла на себя защиту границ Московского государства, за что казаки и пользовались, по его словам, свободным занятием пустопорожних земель, свободным казацким устройством, свободой выборных казаков от службы строевой (т. е., верно, от военной службе Москве вне границ своей Украины; – если П. Головинский имел это в виду, то это далеко не так), свободно промышлять всякими промыслами, наконец, свободой от податей и повинностей, кроме военной казачьей (для защиты своих поселений).

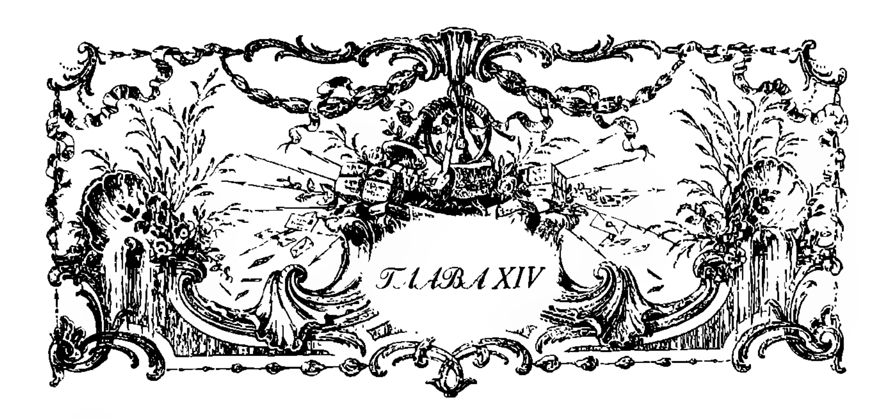
Вот так или почти так писалось о «Слободской» Украине на основании царских грамот, преданий, некоторых печатных источников XVIII в., полных неточностей, а также сочинений – Квитки, Головинского, даже Срезневского, и отчасти преос. Филарета, вводя в заблуждение и последующих исследователей. Они как бы отрицали тот факт, что Москва все переселения, начиная с первого, направляла сообразно своим целям, по большей части сама устраивала поселенцев,

[146] Белг. стол., столб. 338, лл. 843–913.

не жался средств на это. Черкассы пришли, как сами о себе говорили, «до конца разорённые», без ручного даже оружия. Приходилось оделять их всем, даже – хлебом, пока они «пашни не распахали». Правда, в грамотах говорилось, чтобы во внутренний распорядок не вмешиваться. Даваемая же воеводам инструкция нередко шла вразрез с раньше отданными указами. Инструкции («наказы») – это наши современные циркулярные распоряжения, отменяющие или изменяющие законы до неузнаваемости. Пользовались казаки якобы свободным выбором полковника, – да, но утверждался-то полковник всё той же Москвой. Примеры неутверждения и отставления бывали. В наказе говорилось: «А полковые службы черкасы судом и никакими расправными делами (воеводе) не ведать, а будь у харьковцев у русских людей и у черкас городовой службы учинятся ссоры полковые службы черкас и таких челобитчиков отсылать к харьковскому полковнику Григорию Донцу, а с полковником Григорием Донцом и со всеми полковыми черкасы держать совет и ласку». И этот пункт в наказе появляется позднее (1685 г.). До полковника Донца, бывшего в большом фаворе у всего начальства, этого не было. До него все обязанности полковника лежали на воеводе. Но и полковник в свою очередь далеко не был самостоятельным. Во всех полковых делах он вполне зависел от воеводы «большего полка» – белгородского, являвшегося начальником всех ратных сил подчинённой ему области. Он водил их в походы против неприятеля, непосредственно черкасам неугрожаемого; следовательно, свободой от строевой службы, как говорил Головинский, выборные казаки опять-таки не пользовались.

Наш вывод о далеко непроизвольном расселении пришельцев основывается на многих архивных источниках, не бывших известными прежним исследователям.

ГЛАВА XIV

Два тёмных вопроса в истории Харьковского полка. – Полковник Репко. – Отсутствие архивных сведений о нем. – И. Д. Серко, харьковский полковник. – Доказательства этого. – Челобитная харьковских казаков. – Полковничество Серка и его семейство. – Распадение Малороссии. – Измена гетмана Брюховецкого. – Разорение в Черкасской Украине. – Бунт в Харькове. – Первое упоминание о Гр. Ер. Донце. – Ликвидация бунта. – Похвальная грамота. – Льготы.

Имеющиеся архивные документы дают достаточно материала для освещения начальной истории Харьковского полка. Остаются тёмными два вопроса: когда собственно появился в тесном смысле полк, с установившейся организацией, каким он уже был в конце 60-х годов, и кто и с какого года был первым полковником.

Таковым называют Фёдора Репку. Некоторые сведения о нём приводит преосв. Филарет. В приводимом ниже документе второго харьковского полковника Гр. Донца относительно Куряжского монастыря говорится: «которое то дело получилось неподобное ещё за полк. Фёдора Репку в полку нашем Харьковском» (казалось бы преемник не мог не знать, кто был его предшественником). Этот универсал Донца приведён у преос. Филарета. Кованько[147] тоже упоминает о Репке; свидетельство последнего не может почитаться авторитетным, как написанное после издания преос. Филаретом его капитального труда (1852 – 1857) – могло быть заимствование. П. Головинский о Репке – ни слова. «Экстракт о слободских полках» упоминает о Григории Донце, о Репке также ни слова. Но вот, что странно: почему Репко в современных ему документах не оставил по себе ровно никакого следа. В богатейшем «Белгородском столе» архива Мин. юстиции хранится великое множество подлинных документов по истории Придонецкой Украины (и более ранних – XVI и XVII вв.), в частности о г. Харькове и о Харьковском полке. И вот в них – ничего о Репке – ни намёка! Много есть сведений о харьковских воеводах – с первого до последнего. Часто упоминаются современные Репке харьковские атаманы. Сотники, рядовые казаки по разным поводам. Только о полковнике Репке нет. Филарет говорит, что последний «*вероятно* с 1657 г. принял на себя заведывание полком». Но в это время и после атаманом был Т. Лавринов. Он действует во всех случаях, как начальник харьковских черкас, пишет челобитные Царю. Напр.: «Харькова города черкасы атаман Т. Лавринов и сотники, и все рядовые черкасы всем городом и уездом»[148].

Если бы тогда был полковник, то разве он не фигурировал бы в приведенном заголовке. Это спустя два года после якобы избрания Репки. А вот такая же челобитная за год до якобы его смерти. В 1667 г. была подана Царю очень важная для города челобитная[149] (о захвате земли)

---

[147] Харьк. Губерн. Вед., 1859 г., № 2.

[148] Бел. стол. столб. 605, лл. 210–220.

[149] Там же, ст. 599, лл. 862–870.

от имени атамана Луньки Фёдорова «с товарищи», а не полковника. Но, может быть, полковник отсутствовал?

На это отвечает челобитная: харьковцы в ней сами себя называют государевыми холопами «Харьковского *черкасского полку полковника Ивана Дмитриевича Серика*».

Как могло случиться, что такое выдающееся событие, как во время бунта убийство полковника своими подчинёнными не вызвало бы переписки да ещё при порядках того времени? В Москву воеводы тогда доносили о всяком пустяке неукоснительно. Немедленно бы последовал запрос, «а почему не отписал?» и выговор, а то и наказание. Вот ещё доказательство: есть дело[150] «о назначении полковников на место *умерших* полковников Белгородского полка» (1667-1670 гг.). И в этом деле как раз относящемся по времени к происшедшему будто бы в Харькове бунту, о Репке не упоминается.

Упомянутый «Белгородский стол» описан прекрасно (книги XII и XIII). Мы пересмотрели по описанию столбцы с 1 до 1300 (с 1642 г. по 1695 г.), и в этом море документов - ни слова тоже о Репке. Для проверки взят был Ахтырский полк, и сразу же найдено: в 1657 г. в нём полковником был Иван Гладкий[151] ссора его с воев. Арсеньевым. Посмотрели, кто был в Сумском – найдено, что в 1659 г. был Герасим Кондратьев[152]. Только о харьковском Репке нигде ни слова! И приходится Репка, как харьковского полковника, вместе с атаманом Харьком (в него же таки верили!) и Каркачем, считать мифическим триумвиратом.

Верстах в 20 от Харькова заселилась Мерефа. Д. И. Эварницкий говорит, что славный запорожский кошевой Серко «был родом из казацкой слободы Мерефы Слободской Украины». И что он, Серко, «вступил на историческую сцену... в 1654 г.». Хотя точно и неизвестен год заселения Мерефы, но во всяком случае она возникла после Харькова. О появлении её *после* Харькова свидетельствует вышеприведенный документ, говорящий о снятии караула из Харьковского острожка на Ржавом Колодезе[153] («потому, что от Муравского шляха поселилась слобода Мерефа»). Если Серко вступил на историческую сцену в 1654 г., что «известно из документальных данных», «в звании полковника украинских казаков»[154], то ему, как полковнику могло тогда быть лет 20–25, хотя, конечно, было больше; следов., родиться он мог около 1630 г, когда теперешняя Харьковская губерния не была ещё обитаема, когда не существовало ни одной «казацкой слободы», документальные доказательства чего приведены выше. Но что Серко временами жил в Мерефе и что он в ней и около неё владел землёй, на это есть много свидетельств. Очень может быть что Серко и принимал участие в её заселении при общем движении в Придонецкий край, как построил слободу Артёмовку[155]. В Мерефу ушла его жена «Серчиха-Иваниха» с детьми; сам же он туда наезжал, чтобы повидаться и отдохнуть и когда надо было укрыться, напр., в 1664 г., по свидетельству самого же Эварницкого. Поэтому утверждение последним, что Серко был родом из Мерефы, составляет крупную ошибку, как по отношению к предмету исследования, так и всего края, с историей заселения которого почтенный *историк*, следов., незнаком.

Некий Орновский («Bogaty Wiridarz», изд. 1705 г.) говорит, что Серко был харьковским полковником. По словам же Д. И. Эварницкого[156] это «неверно, так как должность харьковского полковника занимал в это время Фёдор Репко», в подтверждение чего историк ссылается на сочинение преос. Филарета; подлинными же, современными актами он не пользовался. С книгой Орновского познакомиться не удалось нам. В Имп. Публичной библиотеке её нет. Но, судя по году издания (1705 г.) её, Орновский был современником Гр. Донца (умер в 1691 г.) или его

[150] Там же, столб 701, лл. 205, 361–363.

[151] Там же, столб. 600, л. 262.

[152] Там же, столб. 370, лл. 165–167.

[153] *Д. И. Багалей*. Матер. I, док. № 19.

[154] *Д. И. Эварницкий*. Очерки, стр. 9.

[155] *Д. И. Багалей*. Матер. I, док. 79.

[156] *Д. И. Эварницкий*. Серко, стр. 22.

сына Фёдора Донца (умер в 1706 г.) и поэтому мог доподлинно знать лично от них о событиях в Харькове, предшествовавших избранию Гр. Донца полковником. По некоторым выдержкам о книге Орновского можно составить понятие – он панегирист, не жалевший для восхваления ярких красок, но в главном, конечно, приводит верные сведения. И вот Орновский утверждает, что *Серко* был харьковским полковником, а не Репко. Сведение это подтверждается и ещё двумя документами, из которых один современный и вне всяких подозрений. Это спор о земле харьковских черкас с детьми боярскими в 1667 г.[157], т. е., за год до убийства будто бы Ф. Репки. Для разбираемого вопроса этот документ чрезвычайно важен. Он приводится здесь целиком. Надо обратить особое внимание, что сами харьковцы называют себя черкасами «Харьковского *черкасского* полку полковника *Ив. Дм. Серика*»

Может быть, это его и была настоящая фамилия, переделанная в Сечи. Запорожцы любили этим заниматься. «Сірко» можно в Малороссии услышать почти в каждом дворе – так обыкновенно по масти называют там верного стража хозяйской худобы. «Царю Гос... Алексею Мих... бьют челом холп. Твои Харьковского черкасского полку полков. Ив. Дм. Серика черкасы атаман Лунька Фёдоров с товарищи всем Харьковским городом. Служили мы, х. т., Тебе В. Г. в белгородских полках и Твой В. Г. г. Харьков построили мы, все Твои Гос. службы с боярином и воеводой со кн. Г. Г. Ромодановским с товарищи мы, х. т., служили с приезду и отпуску без съезду на всех боях и на приступах были, и на тех боях и на приступах мы, х. т., ранены и многие побиты и в полон пойманы; билися с неприятельскими людьми, не щадя голов своих, кровь проливали беспрестанно; да мы ж, х. т. служим Тебе Гос. в городах на Валках и в Маяцком, на заставах и на Тори у Твоего гос. солёного промыслу работаем беспрестанно зиму и лето по 132 чел. И по Твоему гос. указу дано нам, х. т., земли на пашню в Харькове и Харьковском у. и всякие угодья из дикого поля; и ту, Гос., землю мы, х. т., распахивали, хлеб заводили всякий собой, голод и нужду терпели; и та, Гос., наша распашная земля со всеми угодьями от иных городов отмежевана и огранена. И на той, Гос., нашей распашной земле и на всяких угодьях из разных Твоих, Гос., рус. городов беглые всяких чинов рус. люди поселились насильством ста с три и больше в тех наших межах и в округе и тою, Гос., нашей расп. землей и сен. покосы и вс. угодья нам, х. т., те рус. беглые люди владеть не дают и на заставах не живут, и на Тору не работают, и на пасечные места у нас, х. т., те рус. люди завладели и с последних пасченок нас, х. т., ссылают и всякие налоги и теснота, и насильство нам, х. т.; иноземцом от тех бег. рус. людей и воровство чинится большое; а Твоим, гос. денежным жалованием за городовое строение и за многие наши службы, за кровь и за раны мы, х. т., не пожалованы – только с той земли и с угодий Тебе Вел. Гос. и служим; мы, х. т., живём беспрестанно на Твоей гос. службе. Милосердный Гос. Царь... пожалуй нас, х. т. черкас, за наши службы, за кровь и за раны, и за харьковское городовое строение, не вели, Гос., тем рус. людям беглецам тем нашими расп. землями и сен. покосы и всякими угодьи владеть насильством и не вели, Гос., тем рус. людям те наши земли и на всякое угодье в округи наши и в урочища беглецов рус. людей вновь принимать, и вели, Гос., о том дать свою Вел. Гос. грамоту нам, х. т., в Харьков к воеводе, чтобы нам, х. т., от тех беглецов рус. людей насильство и от большого их тесненья и воровства в конец не погибнуть и Твоей царской службы впередь не *отбыть* из Харькова врознь и не разбрестись. Цар Государь, смилуйся, пожалуй!»

Резолюция на этой челобитной такова: «175 (1667 г.) июня в 20 день, выписать, сколько им земли отведено и что затем в остатке и дети боярские по указу ль селятся».

В год писания этой челобитной Серка в Харькове не было. Вообще, его полковничество могло быть только налётным. Это могут подтвердить сведения, когда и где Серко был, если только Эварницкий, у которого это почерпнуто и здесь не напутал.

После поражения Серка поляками в 1664 г. под Городулином (Горожином?) он с остатками войска ушел в Сечь, а оттуда в Харьков (вернее Мерефу) (стр. 17), но в августе следующего года возвратился обратно (стр. 17). В 1666 г. Серко водил запорожских казаков (стр. 19) в Крым; след., и в этом году был в Сечи. В 1667 г. он был в Сечи, оттуда, в октябре, пробрался снова в Крым

---

[157] Белгор. стол. столб. 599, лл. 862–870.

и произвёл в нём страшное опустошение. В 1668 г. «Серко вступает на сцену исторических событий». Фразу эту Эварницкий относительно разных периодов повторяет три раза (стр. 5, 9, 20). После убийства в том году Брюховецкого Серко был в Сечи, но скоро её покинул.

«Из данных, не подлежащих сомнению, видно, что в это время (1668 г.) он (Серко) был в Слободской Украине, состоял полковником в г. Змиёве и заведывал казаками слобод Мерефы и Печенегов».

К сожалению, Эварницкий не указывает, где он почерпнул эти «данные».

Мерефа собственно была не слобода, а небольшая крепость (66×68 саж.) с земляными валами и дубовым тыном. Серко, повторяем, мог принимать участие в постройке Мерефы, но не родиться в ней. В этом Эварницкий глубоко ошибается. Мерефа заселилась, как и все прочие поселения в этой местности, переселенцами черкасами, и верно, между 1655–1659 гг. (точных сведений нет)[158].

Мерефой всей Серко не владел, а только землей около неё, у него была здесь усадьба и уж конечно «млынок». А вот сельцо Артемовку он действительно заселил – и отдал её в приданое за дочерью сотнику мерефянских казаков Ив. Артеменко. Водяную мельницу унаследовал после смерти Серка другой его зять, сотник тех же казаков Ив. Сербин. У Серка ещё было два сына. Один умер, другой был убит в стычке. Итак, Серко был семейный. Но основной догмат низового товарищества, строго обязательный для его членов – безбрачие? Сведения о Серке почерпнуты из «Ведомости о землях мерефянской сотни Харьковского полка». Эта ведомость, также категорически называет Серка харьковским полковником, и не раз.

Трудно допустить, чтобы такая крупная личность, как Серко могла удовольствоваться скромной ролью «заведывания» горстью казаков, в промежутках бытности своей кошевым целого войска и при том запорожского! (В Сечи на все должности выбирали только на один год). Если Серко заведывал казаками, то уже харьковскими (притом есть доказательства этого); всё же это было покрупнее, хотя бы по числу, и поближе к его Мерефе, чем змиевскими и печенежскими. В Змиеве, сколько известно, никогда не было самостоятельного полка, как, например, Балаклейский, оставивший по себе много следов в архиве.

Через год после подачи приведенной челобитной в Черкасской Украине произошли беспорядки, как отголосок измены Брюховецкого. В области Харьковского полка недолго действовал и Серко, как сторонник изменившего гетмана. Итак, полковничество Репки остаётся на ответственности свидетельствовавших о нём. Мы же, пока не будет доказано противное, считаем его более, чем сомнительным. Что же касается Серка, то нужно верить подлинным документам и считать славного запорожца, хотя и кратковременно, бывшим харьковским полковником. Авторитет Серка среди казаков был так велик, что они охотно ему подчинялись, где бы он не появлялся. Когда он приезжал к себе в Мерефу на более-менее продолжительное время, казаки именовали его своим полковником; особенно, если место было вакантное.

Между тем в несчастной Малороссии продолжала кипеть борьба поляков с русскими и тех и других с казаками и казаков между собой. Метко это, печальной памяти, время, названо «руиной». Малороссия распалась на две части: Правобережная Украина, где «руйновали» поляки, желая в своём ослеплении упрочить её за собой, и Левобережная, в которую Москва (после 1654 г.) ввела военную оккупацию и своё административное управление, относя издержки на то и другое за счёт страны. Посаженные по городам воеводы и сборщики податей ещё более ожесточили и так в конец раздражённый и разорённый народ. Появилось два гетмана. На правой стороне Днепра умный и любимый всеми, воспетый в народных думах, Пётр Дорошенко, на левой – коварный, жестокий, ненавидимый Брюховецкий. Первый стремился объединить всю Малороссию. Возгорелась вражда. Гетманы брали непокорные им города, сжигали их; а татары за оказываемую помощь забирали жителей в плен. Андрусовский договор (1667 г.) закрепил разделение Украины. Страна пылала и обливалась кровью. Это творилось тогда и не в одной только Малороссии – ведь это время бунта Разина на юго-востоке и бунта в Соловках на севере! Десять лет длилось разделение Украин и вражда, беспощадная вражда брата с братом.

Долго хитривший с Москвой, осыпавший её щедротами, Брюховецкий круто изменил Царю, встретив сочувствие у многих казацких старшин.

На раде в Гадяче (1668 г.) было решено перебить всех русских воевод, чиновников и отложиться от Царя. Стараясь привлечь на свою сторону черкасские полки, Брюховецкий разослал «воровские прелестные листы». В них он взводил разные небылицы на Царя. Напр., будто польские и русские полномочные послы (Андрусовский договор) «постановили и присягали на том, чтобы жителей украинских мужска полу и женска и малых детей сослать в Сибирь, а земли казаков обратить в дикие поля и звериные жилища».

Многие не устояли от соблазна отделаться от воевод. Но, главным образом, многих увлёк за собой запорожский герой Серко, знаменитый своими блестящими победами над татарами и поляками. Слава о его подвигах гремела повсюду. Он не раз забирался в самый Крым, освобождал невольников, громил города. Серко отличался необыкновенной личной храбростью, был великодушен, добр и бескорыстен. Его именем татары унимали плакавших детей, о нём сложилось множество легенд. Он пользовался уважением и безграничным доверием казаков и, временами, расположением Москвы. Во всех уголках Малороссии и Польши прославляли его «вызволенные» им «с тяжкой неволи турецкой, с каторги басурманской» многие тысячи невольников. И вот такой-то человек вдруг изменил Царю, объявив, что выступает «на защиту казацких прав».

Восставшие казаки начали с того, что расправились с воеводами. Жглись сёла, деревни; отказывавшихся пристать к восставшим убивали, или отдавали татарам в неволю. По мере того, как Серко шёл дальше, силы его росли. Жители городков жгли свои дома и шли за Серком. Не устояли Валки – весь город передался на сторону восставших. «Валковские черкасы по прелестным листам изменника Ивашки Брюховецкого Великому Государю изменили, город сожгли и пошли к нему, Ивашке, с изменником Ивашкой Серком и ныне тот город пуст». Тот же грех и с такими же последствиями случился с черкасами гг. Царево-Борисова, Маяцка, Змиёва, Мурифы, Котельвы и Мерефы[159].

К происшедшей смуте был прикосновенен и сумской полковник Гер. Кондратьев. Известно, что он писал Брюховецкому письма с выражением преданности[160]. Было что-то, но Кондратьев, видимо, оправдался, так как остался на месте.

Бунт ширился. Под Котельвой в пределах Ахтырского полка произошёл бой Ромодановского с Дорошенко, опасность угрожала самому Белгороду.

Ко всем напастям на Харьковский и Салтовский уезды напали татары[161].

Поднятое Серком движение отозвалось и на Харькове. Подробности о нём берём у преос. Филарета[162], так как *архивных сведений нет*.

Мятеж вспыхнул 4 марта 1668 г. В уездах Чугуевском и Харьковском бунтовщики произвели большое опустошение, убивали жителей.

Черкассы же Харькова с полковником (?) во главе остались верными своему долгу.

В Змиёве после его разорения остались не увезенными изменниками 7 пушек. Из Чугуева за ними был послан А. Марченко; увёз он только 3 пушки – дорога от весенией распутицы была очень плоха. Остальные пушки Марченко закопал в землю в расчёте забрать их после[163]. Но этого ему не удалось сделать – так как харьковского полка сотник Григорий Донец[164] увёз эти железные пушки в Харьков, из которых две были негодны к стрельбе.

Об этом мало значащем эпизоде, как о подвиге Донца, повествует пр. Филарет; для нас он интересен только в том отношении, что это первое упоминание о Григории Донце, в этом же году делающимся полковником Харьковского полка.

---

[158] В «Экстр. о слоб. полках» год возникновения Мерефы показан 1684 г., явная ошибка, и таких в этом документе много.

[159] Д. И. Багалей. Матер. I, докум. № 22.

[160] Белг. стол., столб. 608, лл. 109–110.

[161] Там же, столб. 629, лл. 74–77.

[162] Филарет Ист. ст. оп. Отд. II, стр. 53, 62; отд. IV, стр. 62, 191.

[163] Там же.

[164] Там же. Отд. IV, стр. 191.

Серко 11 марта подходил к Харькову, схватил несколько жителей. Из крепости по нему стреляли, причем одну пушку разорвало. Серко ушёл дальше, не причинив городу никакого вреда.

Между тем Брюховецкий был убит казаками; но смуты в Малороссии не прекратились. Гетману Дорошенко сочувствовал весь народ. Чтобы добиться своей заветной цели, Дорошенко вступил в союз с татарами разослал воззвания к бунту. К нему за Днепр ушёл Серко с изменившими черкасами.

В июне бунтующие казаки снова появились в области Харьковского полка, в Печенегах, рассчитывая получить здесь подкрепление и идти под Чугуев. Опасаясь этого, чугуевский воевода просил помощи у полк. *Репки*, который и нанёс под Чугуевом «неприятелю» поражение[165].

В наказание за это Дорошенко выслал против Харьковского полка отряд татар (1000 челов.) с двумя сотнями казаков Полтавского полка. Союзники опустошили Мерефу (она же была уже раз сожжена дотла весной того же года!), Васищево и чугуевские сёла[166]. О готовящемся нападении Репко был предупреждён. Волнения на этом не прекратились. И в половине октября того же года в Харькове ночью вспыхнул бунт. Изменники неожиданно напали на полковничий дом, убили «верного Царю» Репку и пытались склонить на свою сторону и остальных жителей. Но харьковцы не пристали и заперлись будто бы в крепости.

Чугуевский воевода, основываясь на показаниях протопопа Филимонова, доносил, что в Харькове бунтовщиков было немного – человек 20 («Ивашка Кривошлык, да Стёпка и Тарас»[167]).

И почему донесения о бунте в Харькове сделал чугуевский воевода, а не харьковский? Таковым был (1668–1670 гг.) тогда Лев Сытин, принявший город от Василия Тарбеева. Последний по просьбе жителей отбыл два срока воеводства. (с 1664 г. по 1668 г.).

Раньше его был воеводой Еремей Сибилев (1662–1664 гг.), его предшественником Вас. Сухотин (1660–1662 гг.), сменивший Ив. Офросимова (1658–1660 гг.). Все эти воеводы не любили, должно быть, Репку и мстили ему оригинальным способом – они старательно замалчивали его и с 1658 г. по 1663 г. не обмолвились о нём в своих отписках – ни единым словом.

Если бунт был, то надо полагать, что бунтовщиков было гораздо больше, чем «человек с двадцать». Трудно допустить, чтобы перед такой ничтожной горстью жителям нужно было запираться в крепости, а протопопу «бежать» в Чугуев за помощью. Тогда в Харькове было 62 челов. русских людей, 1491 чел. черкас.

Этим и завершились волнения в Харькове, если они и были.

Когда поднятое Серком волнение улеглось, московское правительство приняло разные меры к заселению «изменничьих» разорённых городов. Отстраивать их приказано было черкасам, за исключением г. Валок, который возобновить и жить в нём должны были русские люди. Ненадёжным казакам опасались вверить город, стоявший на Муравском шляху. Но «по малолюдству» исполнить приказ было нельзя. Ромодановский, донося об этом, убеждал Царя поручить черкасам и Валки. Тем более, что ушедшие с Серком скоро стали возвращаться и просить «милости» и разрешения жить в прежних своих городах. Ромодановский, возвратившись из похода, своей властью позволил им это и приказал строить: Колонтаев – Ив. Иваницкому, Мурифу – Кон. Добрянскому, Змиёв – *харьковскому полковнику* Гр. Донцу, Валки – Гр. Рогозенко и Ник. Остапенко. Царь одобрил это, но относительно Валок прежнее приказание подтвердил[168]. В последнем городе по известию 1683 г. жило уже черкас (следовательно, указ о поселении исключительно русских людей был отменён) 265 чел., а три года спустя 600 чел., русских же было только 6 пушкарей[169].

И Валки становятся сотенным городом Харьковского полка.

Москва благоразумно ликвидировала бунт в черкасских полках; сколько известно к крутым мерам не прибегнула и даже несколько смягчила заведенные уже порядки и пришла на помощь материально – Царь освободил полки от налогов и даровал другие льготы. Кроме того, он

---

[165] Там же. Отд. II, стр. 53.

[166] К. П. Щелков. Харьков, стр. 10.

[167] Пр. Филарет. Отд. II, стр. 53.

[168] Белгор. стол, столб. 701, лл. 134–139, 509–514.

[169] Д. И. Багалей. Матер. I, док. №№ 31 и 34.

пожаловал черкас похвальной и увещевательной грамотой от 19 фев. 1668 г. О том, что грамота была пожалована и Харьковскому полку говорят указанные в примечании источники[170].

Один только проф. Д. И. Багалей высказывает по этому поводу сомнения, так как-де харьковцы приняли участие в «возмущении» (мы не считаем этот факт доказанным). Сомнение возникло от того, что подлинная грамота не найдена, имеются только списки с неё. Но будем рассуждать так: грамота была дана 19 фев. 1668 г., бунт начался в Харькове 4 марта, след., *после* неё. К тому же эта грамота носила характер циркуляра, так как её получили не один только полки, но и отдельно жители городов, входивших в состав их.

Грамота интересна. Не верится даже, что она могла исходить от грозного московского повелителя, до того она нежна и ласкова и несколько даже наивна по форме для царского манифеста.

Приведём здесь её, полученную г. Салтовым.

Она прежним исследователям не была известна.

Копия этой грамоты найдена нами в Харьковском историческом архиве при Харьк. Имп. Университете[171].

«Божьей милостью Мы от Великого Государя, и Великого Князя всея Великие и Малые, и Белые России Самодержца, и многих государств и земель восточных и западных, и северных отчича и дедича, и наследника, и государя, и обладателя, Нашего Царского Величества города Салтова всем тутошним жителям всякого чина и возраста от нас, Великого Государя, милостивое слово.

Ведомо Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, ныне учинилось по отпискам из наших, Великого Государя, украинских и малороссийских городов воевод и приказных людей, что Ивашко Бруховецкий с единомышленниками своими, с полковники и сотники, забыв Господа Бога и своё обещание перед св. Евангелием, Нам, Великому Государю Нашему Цар. Вел., изменили и разослали от себя во все малороссийские города и жителям всякого чина воровские прелестные листы, а в них писали, что Мы, Великий Государь, Наше Цар. Вел., с братом нашим наияснейшим Великим Государем с Яном Казимиром, с Королём Польским и Великим Князем Литовским, учинили перемирие на урочные годы, а на посольстве будто наши Великого Государя великие и полномочные послы с польскими и литовскими комиссары прошлого году постановили и присягали на том, чтобы жителей украинских мужска полу и женска и малых детей выгубить и Украину на дикое поле обратить, а иных жителей и детей сослать в Сибирь; и призвал он изменник Ивашко Бруховецкий из-за днепровских городов и из-за порогов изменников же черкас, чтобы малороссийские города сей стороны Днепра и в них всякого чину жителей взбунтовать и кровь христианскую пролить неповинно; и те изменники заднепровские и запорожские, пришед на здешнюю сторону Днепра, в городах жителей всякого чина людей взбунтовали и на всякое злое дело их привели. А он, изменник Ивашко Бруховецкий, в Гадяче воеводу Евсегнея Огарева и наших государевых ратных людей, которые посланы были, велел побить и христианской крови разлитие учинить безвинно, а в городах малороссийских в Глухове, в Батурине и в Полтаве по его же изменничью воровскому умыслу и письму изменники же заднепровские и запорожские черкасы воевод и начальных и разных людей из малых городков взяли за верою, обманом, а иных приступом, и отдали за приставы, а ратных людей побили многих безвинно, а по Нашему, Великого Государя, указу те воеводы и ратные люди в малороссийские города посланы были для оберегания от неприятельского прихода, а не для разорения.

А мы, Великий Государь, Наше Цар. Вел., Государь Христианский, свидетельствуемся Господом Богом, что у нас и у мысли того не было, как изменник Ивашко Бруховецкий и его сотники, изменники же, в прелестных своих изменничьих письмах в малороссийские города ко всяким жителям писали на смуту. И желали Мы, Великий Государь, и ныне желаем малороссийских городов жителям всякого чину и возраста покоя и тишины, и благоденствия, а не разлития христианской крови.

---

[170] Н. Головинский. Сл. К. полки, стр. 86; И. И. Срезневский Ист. Обоз., стр. 9; Топограф. опис. Харьк. нам., 29. В. В. Гуров. Сборник. стр. 100; Квитка о слоб. п. «Соврем.» 1840 г., т. XVIII, стр. 75.

[171] Отд. I. № дела 300 (от 19 февр. (*тоже*) 1668 г.).

А на польских съездах Наши, Великого Государя, великие и полномочные послы брата Нашего Его Королевского Величества с комиссары и послы перемирие учинили на урочные годы на тринадцать лет и на шесть месяцев и записями в том укрепились и с тех записей к изменнику, к Иванке Бруховецкому, послан список. И изволили Мы, Великий Государь, Наше Цар. Вел., послать Нашей, Великого Государя, денежной казны к брату Нашему, к Королевскому Величеству, двести тысяч за (те), которые шляхта имела маетности свои в малороссийских городах и по договору, и по укреплению Наших, Царского Величества, великих и полномочных послов и Королевского Величества комиссаров и от шляхты за те деньги в малороссийские города в маетности свои не выезжать и разорений им не чинить.

И вам бы, города Салтова старшинам и всем жителям старейшим и юнейшим всякого чину и возраста, помятуя Господа Бога и своё обещание пред св. Евангелием, на нашу Государеву милость быть надёжным и сей Нашей, Великого Государя, милостивой грамоте верить, от изменников и от всяких шатостей отстать и быть у Нас, Великого Государя, Нашего Цар. Вел., под Нашею, Великого Государя, самодержавною высокою рукою в вечном подданстве по-прежнему своему обещанию, а изменника Ивашка Бруховецкого и его советников не слушать и на прелестные их письма не прельщаться; а мы, Великий Государь, Наше Цар. Вел., по своему Государскому милосердию вас держать в Нашем, Великого Государя, милостивом жаловании и в призрении и свыше прежнего; и вам бы оной конечно сей Нашей, Великого Государя, милостивой грамоте верить

Писан в нашем царствующем граде Москве лета от создания мира 7176, девятнадцатого февраля дня».

В подлинной грамоте на обороте написано тако:

«Божьею милостью Великий Государь и Великий Князь Алексей Михайлович всея Великие и Малые, и Белые России Самодержавец».

Черкасские полки, не получая от Москвы определённого содержания, до 1665 г., за то и не несли и никаких налогов; но с этого времени «Разряд», в ведении которого они состояли, обложил оброчными деньгами таможни, шинки, мосты и пр. В Харьковском полку, впрочем, пошлинами обложен был только один полковой город.

Налоги черкасы встретили недружелюбно и вносили их крайне туго и с 10 458 р. 50 к., подлежавших уплате (с 1665 по 1669 гг.), было взыскано только 3120 р. За Харьковским полком числилось 1376 р. 50 к. Казаки Харьковского, Ахтырского и Сумского полков, видя к себе милостивое расположение Царя, обратились к нему с просьбой отменить пошлины. Харьковскому полку (и др.), в ответ на это последовала грамота на имя полковника Гр. Донца («и всего посполства») от 5 мая 1669 г. ею давались разные льготы за «прежние и нынешние службы и за разорение», понесённые полком во время смут Брюховецкого. Этой грамотой казаки освобождались на будущее время от платежа налогов, а также прощались им и недоимки, за прошлые годы и даже возвращались уже взысканные[172], всего 2 225 р. 50 к. Пожалование этой милостивой грамоты, после якобы происшедших в полку волнений, служит также доказательством, что Харьковский полк не был у Царя в опале.

Этой грамотой, стало быть, возвращались полку те льготы, которыми он пользовался до 1665 г.

Особенной выгодой являлось свободное винокурение и продажа вина, что на великорусское население не простиралось.

Но грамота, хотя её и не отменял никакой новый указ, видимо, скоро перестала применяться на деле. Правая рука дала, левая взяла... В 1673–1674 гг. полк. Гр. Донец подал от населения всего полка челобитную[173], прося Царя освободить харьковских, салтовских, вольновских, змиевских, печенежских, мерефянских и нижегольских казаков от пошлин *на основании жалованной грамоты 1669 г.* К челобитной приложен был список с грамоты. В ответ последовал указ выслать подлинную и самих челобитчиков в Москву.

[172] Грамота 1669 г. Полн. Соб. Зак. I, № 449. Приложение II.

[173] Белг. стол, столб. 775, лл. 131–151.

Когда возник полк. – Полки в Малороссии. – Дача жалования казакам. – Усиление полка. – Черкасская коммуна – Внутренняя организация полка. – Деление казаков. – Черкасские города. – Полковая старшина. – Обязанности её членов. – Знамёна, пернач. – Полковая печать. – Воинское снаряжение.

В наказ воеводе Сухотину 1660 г. есть фраза[174]: «и списки служилых русских людей и Харьковских черкасских *полковников* и рядовых черкас». Слово «полковник» в документах появляется в первый раз и это как бы указывает, что раньше его не было. Но с другой стороны подобные наказы писались тогда часто и воеводам многих городов – это своего рода циркуляры – проставлялись только города и фамилии, обязанности везде были на Украине одни и те же. Выработалась определённая форма.

Первые харьковские воеводы и во всё время, когда полковником был якобы Репко, доносили, что за малолюдством «не с кем в сход ходить». Если бы был полковник, то воеводам не было бы основания самим этого делать, как было после, с появлением (1668 г.) Г. Донца в звании харьковского полковника, когда заведывание полковыми казаками перешло к последнему.

Если мы ищем время возникновения полка в том смысле, каким является он после, независимый от местных воевод, с довольно широкой властью полковника и установившейся организацией, то это не значит, что до этого времени полка, как военной силы не было. Надо взять во внимание, что это не был полк регулярный, могший возникнуть по указу. Он слагался самим собой, по мере сгущения населения, притом в стране, находившейся в особенных условиях. С того дня, когда партия казаков-воинов пришла на городище и стала строить город Харьков, Харьковский полк возник; был он и до назначения воевод и до окончания постройки, так как были люди, составлявшие его ряды, могшие биться с врагом. Не всё ли равно, как назывался начальник, атаманом или полковником. Из упомянутого «списка Харьковским черкасом», помеченного 1655 г., видно, что казаки имели правильное воинское устройство, были поделены на 6 сотен с сотниками во главе (список только одних воинов). Чем же это не полк? Кавалерийские полки у нас долгое время и 4-х-эскадронного состава. В старину словом «полк» обозначалась часть войска, получавшая во время военных действий особое назначение. Иногда и все ратные силы в своей совокупности назывались «полком». «Полк правой руки», «левой руки» (фланги), «передовой», «сторожевой» или «засадный». Деления же армии на полки определённой силы, как после, не было. В современных началу Харьковского полка документах можно часто встретить название «Белгородский полк», и под этим разумелось – все казаки, русские служилые люди и даже солдаты иноземного строя, бывшие под начальством главного воеводы.

Первое разделение малороссийских казаков на полки приписывается гетману (?) Рожинскому. Около 1615 г. он составил 20 полков и назвал их по городам. Полки делились на сотни, сотни на *слободы*, хутора и по их названиям именовались. Эти полки были военно-административные единицы. Половина полка была конная – «полевая», половина – «пешая» и оставалась

[174] Там же. столб. 33, лл. 738–751.

в городах. Последняя, в случае надобности, также выходила в поле в помощь конной. Это же самое внелось и в черкасские полки. Хотя и в самом начале воеводе приказывалось не вмешиваться в частную, внутреннюю жизнь черкас, но ратное дело находилось в его руках, несмотря на то, что был и атаман. Когда же сгустилось население, а это шло быстро, то черкасы, поселившиеся в Харьковском уезде в слободах и городках, со своими атаманами в военном и административном отношении подчинены были Харькову. Все казаки знали ратное дело. Где, выходя на полевые работы, нужно было брать с собой оружие, там каждый должен был сделаться воином, если бы таковым раньше даже и не был.

Жители поселений образовали сотни с сотниками во главе, которые уже были подчинены атаману.

В Харькове появился полковник, опытный в «степной войне», с чем не всякий воевода был знаком. Под начальством полковника сотни объединились в полк; обязанности воеводы сузились. Он стал заведывать только городовой службой и был нечто вроде «царева ока»; а позднее полк и совсем освободился от из присутствия.

Но в 1660–1661 гг. произошла какая-то реформа, неизвестно чем вызванная. Заключить это можно из следующего. В 1661 г.[175] харьковцы обратились к Царю с просьбой о жаловании. Челобитная их для нас очень важна потому, что в ней впервые упоминается о полке.

«От всех Харьковских черкас всего города» (а полковника всё нет) посланы были в Москву три казака «бить челом о денежном жаловании». Приказано было выдать в Белгороде таковое. Казаки, узнав об этом, подали новую челобитную, прося им грамоту дать на руки для отвоза в Белгород. Они, видимо, опасались, что воевода скроет её, или выдаст не всё – «исполу».

На второй челобитной, дошедшей до нас, сделана (20 марта 1661 г.) такая пометка: «Государь пожаловал велел дать грамоту к окольничему (Ромодановскому), которых напишет с собою в полковую службу, и тем дать по 15 р., а которые оставлены будут в городе для осадной службы – и тем по 5 р., а пашенным, как в указе написано (?). Самого указа нет.

Итак, с 1661 г. Харьковский черкасский полк значительно усилился увеличением числа казаков полковой службы: 1300 человек, живших в самом городе. Население последнего, таким образом, делилось на: 1) полковых казаков, 2) оставленных для осадной службы и 3) пашенных.

Одним только казакам полковой службы в 1661 г. дано было жалования 19 500 р., не считая казаков второй (по 5 р.) и третьей категории. Хотя число последних и неизвестно, но во всяком случае данная сумма по тому времени была настолько значительна, что выдача её должна была быть вызвана чем-нибудь важным. Известно, что Харьков разорён неприятелем не был.

Что вызвало такую щедрую дачу денег, если не «разорение»? Увеличение числа полковых казаков – на воинское снаряжение. Это обстоятельство для Москвы было чрезвычайно важно – на рубеже «диких, безлюдных степей» возникал сильный полк, на плечи которого ложилась нелёгкая обязанность защищать русскую границу – «государевы украйны».

Неудивительно, что небогатая казной Москва не пожалела на этот раз денег, тем более, что это была единовременная только подачка.

Дальнейшее содержание полка ложилось на жителей Украины, т. е., на тех же черкас.

Приводимое здесь описание внутренней организации полка, за *некоторыми исключениями*, не более, как *компиляция* из описаний прежних исследователей.

Первый период жизни полка архивные источники рисуют, по крайней мере, как нам это кажется, совершенно иную картину. Это была какая-то идеальная по равенству её членов коммуна: все были одной веры, одного племени, никто никакими преимуществами перед другими не пользовался. Все были «государевы холопы» без оттенков, без деления на панов, подданных и пр. Если не считать одного воеводы и горсти русских, к тому же не всегда и бывших, людей, здесь все были «чубатые хохлы», казаки, все воины. Если и были градации, то по отношению исполнения рода службы: один полковой, другой городовой, третий – пашенный. Но все они, в случае надобности, с успехом могли обратиться и в полковых и в городовых. Все жили по одному обычаю

---

[175] Там же, столб. 441, лл. 37–38.

«дидов – прадидов». Когда не было «поисков» и осадного сидения», все они или копались в земле или торговали. Но эта идиллия продолжалась не особенно долго. Выбранные из простых казаков полковник и прочая старшина, оставаясь подолгу, часто до смерти, в этих должностях, понемногу стали обращаться в «панство», появились сословия, в конце концов «подданные» и всё прочее.

Всё население полка, занимавшего целую область, делилось на казаков, мещан и селян (посполитых). Панство – полковая и сотенная старшина, в свою очередь делилось на шляхетство и простых панов. Различие заключалось в том, что первые владели крестьянами всегда, вторые временно, когда состояли на службе, вместо жалования, которого не получали. В царствование Екатерины II (1762 г.) харьковской полковой канцелярии приказано было представить ведомость лицам «шляхетского» происхождения с доказательством права на это достоинство. Несмотря на то, что в полку жили Квитки, Захаржевские, Шидловские, Ковалевские и другие столпы харьковского дворянства, все сотники на предписание полковой канцелярии донесли, что в их сотнях (т. е. в области, подчинённой сотенной администрации) не оказалось ни одного такого дворянина[176].

Все сословия полка пользовались земельной собственностью. Землёй владели или по отводу, или путём «заимки», с непременным только условием укрепления её в собственность указом властей.

Подобно панству, разделялось также и духовенство, из них лица шляхетского происхождения имели крестьян. Выборные казаки, кроме воинской службы, никаких других повинностей не несли. Сотенные казаки составляли собственно полк. В казаки выбирались люди способные; от них требовалось удальство, ловкость, сила и лихое наездничество; хорунжие казаки – они стояли при полковом штабе (прапоре) и находились в непосредственном ведении полковника. При штабе ещё была команда казаков, набираемых из старшинских детей; они назначались для разных командировок и пр.

Семейства казаков распадались на следующие группы, сообразно той роли, которую они играли в казачестве: к первой принадлежали семейства казаков и их свойственники, из которых выбирались полковые казаки; вторая группа не выставляла последних, но зато должна была содержать их. Представителей её называли «подпомощниками». Кто из подпомощников не имел собственного хозяйства, тот денег не платил, но зато должен был работать на семью, выставившую строевого казака; в таком случае он назывался «подсоседком».

Наконец, между селянами различались: владельческие, монастырские и свободные. Они жили в сёлах, хуторах, занимались хлебопашеством и состояли во владении старшин. Положение их было не тяжёлое: владельческие подданные работали на своих панов по большей части по одному, по два дня в неделю; были и такие, что работали одну только неделю в году, а то и вовсе не работали и не платили никаких денег[177].

Мещане жили в городах и занимались ремёслами и торговлей.

Полки делились на сотни: деление это было военное и вместе с тем и административное. Сотню составлял известный участок земли со всеми селениями и хуторами, находившимися в нём. Число сотен постепенно возрастало, к концу царствования Алексея Михайловича в полку их было 15. В состав полка входили следующие города и слободы:

Волчанск с 8 сёлами (не считая хуторов), Салтов с 4-мя, Печенеги с 8 сел. и 8 деревнями, Золочев с 2-мя, Ольшана с 2-мя, Валки с 4-мя, Мерефа с 3-мя, Соколов, Змиёв с-мя, Маяцк, Солённый, Перекоп 1 дер., Бишкин, Андреевы Лозы, Балаклея, Савинск, Изюм, Царево-Борисов, Острополы, Сеньков, Купецкий, Двуречная, Каменка. Итого 25 городов и 54 села и деревни.

Во главе полка стоял полковник. Он с полковой старшиной управлял им, соединяя в себе власть военную и гражданскую. Выбирался он вольными голосами «на раде» и на всю жизнь, что делало его положение прочным. Власть полковника была велика, ему подчинены были все жители области полка.

---

[176] Харьк. истор. архив. отд. I. № 329.

[177] Перепись слоб. полков ген.-м. Хрущова 1732 г. Д. И. Багалей. Матер. I. № док. 65.

Он имел право (вначале) раздавать ещё не занятые земли, но только «до указу», т. е., до утверждения Москвой. Полковник заведывал всем устройством полка. Он водил его в походы. Его утверждение было необходимо для законной силы приговоров по уголовным и гражданским делам. Он мог наказывать даже смертью. Подтверждения этого мы нигде не нашли в документах. Власть наказывать телесными наказаниями и смертью полковник имел даже над членами полковой старшины. По крайней мере это как будто можно заключить из письма[178] харьковского же полковника Тевяшева к полковому судье по случаю неисполнения последним отданного приказания: «По получении сего, извольте, ваше благородие, все те чины сыскать, прислать к полку конечно к завтрешнему числу под опасением за неисполнение *лишения чести вашей и живота*».

Что касается воров и разбойников, это так; кто церемонился в то время с ними! Но сомневаемся, что это было применимо вообще к казакам, а тем более к представителям старшины. Грозить в письме можно было, но чтобы привести угрозу в исполнение, нужно было принести жалобу, отдать под суд – что, вероятно, Тевяшев и имел в виду. К тому же, ко времени Тевяшева, власть полковника сильно поуменьшилась (1734–1757 гг.).

Все свои распоряжения, более или менее важные, полковник письменно излагал в «универсалах» – это подражание гетманам, причём документального подтверждения, что эти приказы именно так назывались, мы не нашли.

Писалось в них так: «мы, полковник Харьковский». О нём говорили: «ясновельможный пан полковник», «его милость пан полковник». Последний титул взят из документа, приводимого ниже.

Во время исполнения своих обязанностей полковник держал в руке как знак своего достоинства, шестопер (вроде булавы). Он состоял из рукоятки, заканчивавшейся шаром с шестью гранями. Так как они имели некоторое подобие перьев, то шестопер назывался ещё и «пернач». Украшались шестоперы драгоценными камнями, делались из серебра и пр. Полковник брал его в поход, возил с правой стороны на седле, вкладывая в сделанную для этого петлю. Носились они и за поясом.

Из одного подлинного дела[179] можно вывести категорическое заключение, что до 1685 г. ни знамён, ни литавров Московские Цари черкасским полкам не жаловали.

Поэтому бывшие у них до того времени знамёна, так сказать, государственного значения не могли иметь. Но из этого не следует, что у черкас не было знамён. Были они, и в большом ходу. Из приведенного описания крепости видно, что тогда в Харькове было три знамени, хранившихся в приказной избе. Были и полковое знамя, и сотенные. Даже небольшие отряды, посылаемые в командировки, снабжались знаменем, хотя, вернее, это скорее были значки, но назывались всё-таки знамёнами. Известно, напр., что кн. Ромодановский, посылая Ивашку Донца к отряду черкас, передавшихся Царю, дал ему знамя.

У Висковатого (Истор. опис. одежды, т. 1, стр. 79) приведено описание знамени Ахтырского полка. Взято оно им из «Разрядного архива» по «смотрильным спискам» (кн. 1700 № 75). Здесь же, конечно, надо искать сведений и о знамёнах Харьковского полка. К сожалению, автор не мог этого сделать. Полковое же знамя Ахтырского полка было прислано в 1693 г., а в 1696 г. ещё и три сотенных, с древками.

В полку была «гербовая полковничья печать», считавшаяся полковой. Интересно бы знать, что из себя изображал «герб», напр., полковника Ахтырского полка Ивана Перекрестова – «Перехреста». Что-нибудь из иерусалимской герольдии. Хорош полковой «клейнод» (драгоценность, святыня – знамя, пернач, печать)! Сомневаемся, чтобы и у харьковского полк. «Грицька» Донца был свой герб. После, когда под конец он сделался стольником, когда потомки его обратились в «Захаржевских», может быть, герб и был сфабрикован. Со своей стороны ничего положительного сказать не можем, но всё-таки кое-какие соображения приведём.

В Харк. ист. архиве хранятся подлинные дела Харьковского полка, начиная с 1732 г., но ни на одной «бумаге» не пришлось видеть полковой печати. Правда, это всё текущая пере-

[178] Харьк. истор. архив, отд. I. № 27.

[179] Белгор. стол. столб. 1031, л. 288.

писка, а «сходящая» – черновики. Печати прикладывались на универсалах, судебных приговорах, которые выдавались, как документы, на руки. Мы располагаем двумя такими подлинными: универсалом (1691 г.) – разрешение на занятие земли (приведём его ниже) и утверждённый приговор (1703 г.) полкового судьи – фамильные документы автора, оба с печатями. «Дано ему сотнику Фёдору и сей лист, стверженный *полковою* печатью».

На обоих документах печати тождественны, на приговоре только меньшего размера. На последнем сказано: «Що для певности и подтверждения лист сей дан ему Фед Альбоскому в Харькове в Ратуше при печати *судейской*». К сожалению, изображения на щите почти не сохранились (печать выдавлена на бумаге, сургуч был накапан с обратной стороны, прикрыт кусочком бумаги же, как обыкновенно тогда делалось). Всё-таки виден геральдический щит, с перьями, как обыкновенно, по верху и по сторонам. С левой – две буквы «С», одна под другой; с правой – наверху «А», под ней «П», а внизу печати «Х». Все буквы отчётливы. Изображения на щите крайне неясны; что они означают, нельзя догадаться, но на обеих печатях тождественны. Что могут означать эти начальные буквы? Ни одна из них не соответствует инициалам Г. Е. Д. (Григорий Ерофеевич Донец). Пять букв: С. С. А. П. Х. – Слободской (допустим) «Полк» «Харьковский», ну, а что «С» и «А»?

Вторым лицом по своему значению был полковой обозный (обоз – лагерь). Он заведывал артиллерией полка и содержанием в порядке городских крепостей. В отсутствие полковника заступал его место, но полнотой власти не пользовался.

Полковой судья заседал в ратуше, вершил судебные дела; утверждение приговоров зависело от полковника.

Два полковых есаула – помощники полковника по воинской части.

Полковой хорунжий – хранил в походах знамя («хоругвь») и заведывал хорунжими казаками.

Старший писарь принадлежал к составу старшины. Лица, составлявшие её, на полковой раде решали все важнейшие дела по большинству голосов. Такой порядок вёл иногда к большим недоразумениям, а иногда, как говорят, рады оканчивались драками, настоящими побоищами между её членами, которые для этой цели будто бы вооружали своих крестьян (по словам П. Головинского). Но это весьма сомнительно. Драки, конечно, могли случаться, но чтобы вооружались крестьяне – нет. Это был бы уже бунт. Подобных порядков Москва не допустила бы, старшины за это слетели бы с мест и понесли наказание.

В городах был ещё атаман, исполнявший полицейские обязанности.

Управление сотни было сходно с полковым. В делах важных она подчинялась полковнику; а управлялась почти самостоятельно сотником, которому были подчинены все жители сёл и хуторов. Сотенная старшина состояла: из сотника, атамана, хорунжего и есаула.

Атаман решал мелкие, гражданские дела, исполняя обязанности судьи, в отсутствие сотника заступал его место. Есаул и хорунжий – офицеры сотни. Назначение и смещение всех этих лиц зависело от сотника, но, конечно, с ведома полковника.

Казаки вооружены были саблями, пистолетами, ружьями и копьями. Ездили они на лошадях разных пород. Но была у них и своя порода – «черкасские жеребцы» - красивая, но уступавшая многим по крепости. Сёдла были польские и черкесские, высокие; ездили на коротких стременах, что делало посадку некрепкой, но давало возможность всаднику легко обращаться во все стороны и уклоняться от ударов противника.

Одежда казака состояла из черкески с откидными рукавами, нижнего полукафтанья, широких шаровар – всевозможных, преимущественно ярких цветов. Шапки – меховые из смушки. Одежда рядового казака не отличалась от одежды прочих, не подчиняясь какой-либо форме, а зависела от вкуса каждого.

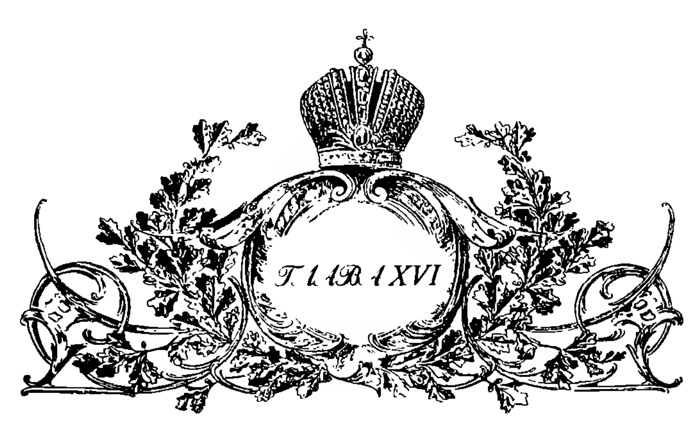
Волосы казаки подстригали в кружок, подбривали голову немного выше ушей, носили усы, спущенные книзу, бороду брили.

Но носили черкасы и традиционные «чубы» – длинный пучок волос на макушке бритой головы. В старину этот обычай малороссы заимствовали у поляков; но есть указания, что в древ-

ности и русские носили их. Что и харьковцы их носили, видно по результатам драки жителей Лебедина[180] с детьми боярскими (1681 г.), когда чубы у черкас были отрезаны. В документе они названы «хохлами» - отсюда и прозвание «хохлы». Обычай носить их постепенно вывелся. Чуб представлял то существенное неудобство, что его обладателя легко было «таскать», к чему нередко прибегали энергичные казачки, вытягивая, схватившись за него, подгулявшего «человика» из шинка. Чубы не забыты и народной поэзией.

[180] Д. И. Багалей. Матер. I, док. № 28.

Второй харьковский полковник. – Представители фамилии Донцов. – Стенька Довгаль. – Захаржевские. – Год избрания. – Личность Гр. Донца. – Хвалебные оды ему. – Укреплённые линии. – Командировки казаков.

Вторым харьковским полковником был Григорий Ерофеевич Донец – историческая и притом крупная личность во многих отношениях. Но кто был этот Донец, к сожалению, нам неизвестно. В первый раз о нём упоминается в 1668 г., когда он, будучи сотником, увёз из Змиёва четыре пушки (говорилось выше). Вот этого самого сотника харьковцы и выбрали своим полковником.

В первом списке харьковских черкас Донцов нет. Первое известие, довольно туманное, о Донцах находится в двух[1] документах, относящихся к 1659 году, ко времени бунта Выговского.

Был некто Стенька Довгаль, убежавший из белгородской тюрьмы, о чём доносил Царю кн. Ромодановский.

В то же самое время там же в тюрьме сидел и Ивашка Донец. Эти два, Довгаль и Донец, играли какую-то видную роль в смуте, за что и были схвачены. Действовали они, видимо, вместе. Кн. Ромодановский доносил Царю, что этот Довгаль «подсылал» в Белгород «проведывать», есть ли к ним «Великого Государя милость и выпущен ли Ивашка из тюрьмы». Довгаль и Донец, следовательно, каялись в измене и просили, чтобы Царь позволил им вернуться снова к нему на службу. В таком случае Довгаль обещал привести с собой 6 тысяч казаков. Между прочим, воевода сообщал, что много черкас с сотниками возвращаются обратно из лесов, куда они поубегали во время бунта, и хотят по-прежнему служить Государю. Они просили только назначить место сбора и дать двух старших – одного русского, а другого из черкас «Пушкарского полка» (Полтавский) или «из барабашевых товарищей».

Ромодановский выпустил И. Донца, дал ему знамя, «велел» вместе с карповцем «рейтарского строя» Ан. Покушаловым «быть в Ахтырском» (город или полк), а к Довгалю написать, чтобы и он со всеми бывшими при нём казаками шёл «к ним в полки» и надеялся на милость Государя.

Писал Довгалю о том же и сам кн. Ромодановский. В сентябре того же года Довгаль оказался в Харькове и сообщал оттуда в Белгород, что, узнав об освобождении Донца и о милости Царя, пришёл с черкасами в Харьков и собирается оттуда идти в Белгород. Кн. Ромодановский всё-таки направил Довгаля к Донцу в Ахтырку, чтобы он «над неприятелем промышлял сопча с ним, Ивашкой». Царь эти распоряжения одобрил.

Неизвестно опять-таки, кто этот Довгаль (длинный, верзила); это скорее прозвище, а не фамилия. В документе о нём упоминается просто «Стенька Довгаль», без всякого эпитета, который бы выяснял его положение среди казаков, у которых он пользуется влиянием, если обещает при-

[1] Белгор. стол, столб. 482, лл. 127–129 и л. 141.

вести с собой шесть тысяч. Если кн. Ромодановский поручает ему начальство Девять лет спустя в Харькове вспыхивает новый бунт, между зачинщиками фигурирует «Стёнка» (без обозначения фамилии), не он ли «Стенька», тут выступил в качестве искусившегося в «замешательствах»?

Итак, это первое упоминание о появлении представителя Донцов в Придонецкой Украине Откуда он? Во всяком случае, он «черкашенин» и видный, если ему поручается воевать со сторонниками Выговского, если ему даётся знамя, а Довгалю приказывается присоединиться к нему со значительным отрядом. Этот Иван Донец во всяком случае не отец Григория Ефровеевича Донца, но мог быть братом или родственником. Донцов называют ещё «Захаржевскими».

Преос. Филарет говорит, что Григорий Ерофеевич получил прозвание «Донец» за одержанные им над татарами победы на этой реке, а что настоящая его фамилия Захаржевский. Первый, известный нам представитель этого рода, назывался просто Донцом, далеко до совершения Григорием этих «подвигов». Следовательно, пр. Филарет ошибается. Потомки Григория Донца позднее действительно назывались Донцами-Захаржевскими. Сын Григория, тоже харьковский полковник, писался в своих челобитных «Федька Донец». Указы царские имеиуют его так же. Вот и ещё доказательство: в приводимом ниже универсале Куряжскому монастырю, весьма в высоком стиле написанном, Донец говорит о себе так: «Я, полковник Григорий Ерофеевич Донец». Если бы он носил ещё и другую фамилию, то, вообще судя по тону универсала, не преминул бы себя назвать и Захаржевским. Если его не величали так другие, вообще довольно просто писавшие современники (напр. писали «Грицько полковник»), то он-то сам в универсале, врученном монахам, не упустил бы случая, если бы на то имел право, назвать себя и так, звучало бы торжественнее.

«Захаржевские» появляются в документах позднее[182]. Первое такое появление относится к 1722 г В известном же «Экстракте о слоб. полках» есть только «Донец» без всяких прибавок. В «ведомости о землях мерефянской сотни»[183] в одном месте говорится: «а от него козака досталась та плотина и пасечное место Ивану Захаржевскому он же и Донец» (1767 г.). Проф. Д И.Багалей пишет[184]: «Донцы-Захаржевские – старинный харьковский дворянский род. Первый представитель рода Г. Е. был с 1669 (вернее 1668 г.) полковником Харьк. слоб. коз. полка...»

К сожалению, почтенный профессор не указывает, в какую родословную дворянскую книгу Харьковской губ. записан этот род и к какому году и столетию он восходит. Может быть, он несколько позднейшей формации, чем вторая половина XVII в. Род этот пресёкся на А. Я. Донце-Захаржевском, богатейшем помещике, убитом в 1871 г.[185]

Если, допустим, родоначальник вышел из Запорожья, то там он почему-либо и мог получить прозвище Донца. Известно, что запорожцы, принимавшие в свою среду всех, кто только удовлетворял условиям приёма, не выдавали их уже никому, будь-то и явные преступники с точки зрения тех властей, от которых они убежали. В Сечи было почти правило новым товарищам давать прозвание, так как многим прежняя их фамилия могла бы являться и тягостью. Малороссы всегда были да и остались таковыми, большие мастера давать прозвища; меткое слово их навсегда прилипало к человеку. Не избежал этой участи даже и великолепный князь Тавриды. Записавшись почётным членом «сечевого товарищества» и выполнив искус (переплыть пороги и пр.), он получил прозвание «Грицько Нечёса».

Итак, нам неизвестно происхождение Донцов.

По смерти Репки, говорит преосв. Филарет[186], в 1669 г. на раде полковником был выбран Гр. Ероф. Донец. В нашем распоряжении нет достоверных сведений, как произошло это избрание; казаки ли его выбрали, или он просто был назначен Москвой.

В упомянутом универсале Куряжскому монастырю сам Донец говорит: «застаючи я на полковництве харьковском по указу Царя Великого Алексея Михайловича» и «когда же по Ука-

[182] Д. И. Багалей. Матер. I, док. № 54.

[183] Д. И. Багалей. Матер. I, док. № 79.

[184] Энцикл. сл. Брокгауза и Ефр., т. XI, стр. 34.

[185] Труды предв. ком. по устр. XII арх. съезда, стр. 322.

[186] Отд. I, стр. 57, прим. 35.

зу Его Царского Величества мне, Григорию Ерофеевичу, дано полковничество Харьковского полку». Конечно, могло быть и так: казаки выбрали, Царь утвердил – «дал на полковничество милостивую грамоту». И из этого всего можно заключить, что выбор полковника не был так свободен, как это многие утверждали, и что черкасы с первых же своих шагов всецело зависели от Москвы, хотя и при несколько исключительных условиях.

Теперь относительно года избрания:

Есть известие[187]: «в прошлом 174 (1668) году в измену Ивашки Брюховецкого приезжали к Москве и блаженной памяти Великого Государя Алексея Михайловича били челом службою и осадным сидением *черкасские* (не «слободские») полковники: харьковский Г.Донец, ахтырский Демьян Зиновьев, сумской Герасимов сын Ив. Кондратьев о его государевом жаловании и о иных делах».Следовательно, в 1668 г. Донец был уже харьковским полковником, вопреки свидетельствам, что «управление полком он принял в 1669 г.». Нет оснований не верить подлинному документу, а он – доклад Царю.

Гр. Донец был: «в воинстве, побожности муж зело избранный», «происходивший из шляхецкого рода, вышедшего из-за Днепра». Этот вопрос мы считаем также невыясненным. Есть список дворян Харьковской Украинской губ. (так прежде она называлась), составленный в 1767 г.[188] В числе их только в «списке дворян Изюмской провинции» показана жена «бывшего полковника Михаила Захаржевского Настасья», владевшая 2614 подданными. В прочих списках по всем провинциям (уездам) губернии в числе дворян Захаржевских нет, тогда как потомков Гр. Донца было много в то время, в той же Слободской Украинской губернии.

В ведомостях[189] о татарском погроме 1680 г. в числе пострадавших рядовых казаков показаны; Данило и Василий Донцы. У первого был сожжен хутор и угнано 300 овец. Но таких зажиточных казаков было много, что видно из той же ведомости. Следовательно, Григорий Донец не был тогда единственным представителем и родоначальником этого рода в Харьковской губ. Эти два рядовые казака, по всей вероятности его родственники, не шляхтичи. Да и сам-то Донец, по крайней мере до 1680 г., ещё не «стольник». Не с того ли времени и пошло его шляхетство? По всем данным сочинение Орновского, бывшее, по видимому, в распоряжении преос. Филарета, хвалебная ода Донцу. Он был действительно казак в полном смысле, сведущ в «ратном деле». О его «побожности» свидетельствует основанный им, хотя и не совсем им, монастырь, о котором он заботился до конца своей жизни. Хотя на обязанности воеводы лежало следить и за «побожностью» черкас.

Но личности Донца Орновский и др. придают какой-то героический оттенок. «Острая его сабля плавала в крови поганых». На такие цветистые фразы не скупились его панегиристы. Мы не отрицаем заслуги Донца; это, повторяем, крупная личность, но не осенённая никаким ореолом. Это простой казак, энергичный, умный, хотя даже неграмотный, но, что ниже докажем, несправедливый к своим подчиненным, хитрый и до крайности жадный к наживе. Сабля его обагрялась «кровью поганых» - (но у какого казака в то время она не обагрялась!) – но только не «плавала» в переносном смысле. О личном мужестве Гр. Донца из документов ничего неизвестно.

Гр. Донец был известен не только как опытный воин, но и как деятельный администратор и строитель многих укреплений. Он провёл вал, тянувшийся от г. Царево-Борисова по р.р. Донцу и Мжу до Коломака[190]. Началась постройка около 1680 г. и вызвана была частыми нападениями татар. Весь этот вал на протяжении около 200 вёрст был построен Гр.Донцом (по словам его восхвалителей) и казаками Харьковского полка, даже якобы русских служилых людей не было на этой

---

[187] Белгор. стол, столб. 1017, л. 186.

[188] Д. И. Багалей. Матер. I, док. № 88.

[189] Там же. Матер. I, док. № 27.

[190] Белгор. стол, столб. 1269, лл. 214–219. По указу Фёдора Алексеевича в 1679 г. «от прежней черты от Усерда чрез Калмиусскую сакму к Полотову и к Валуйке, и к Царево – Борисову, и от Ц.-Борисова чрез Муравскую сакму до речки и города Коломака полем и речками, и лесами учинена новая черта. А в те места велено Харьковскому полковнику Г. Донцу призывать на вечное житьё из городов Сумского, Ахтырского и своего Харьковского полков неслужилых черкас и льготы им во всяких податях и в службе давать на 15 лет».

работе. По из того обстоятельства, что полковник ахтырский Ив. Перекрестов просил освободить его от «валового дела» между Торскими озёрами и Изюмом[191], что похвальную грамоту за то же дело получили полковники, кроме харьковского, ещё сумской и ахтырский[192], следует заключить, что в постройке укреплённой линии харьковцы не были одиноки. Да и трудно допустить, чтобы это грандиозное по вложенному труду дело могло быть взвалено на один только полк. Гр. Донец мог руководить работами.

На долю Гр. Донца выпала постройка черты от Царево-Борисова вверх по р. С. Донцу и по р. Мжу до старинного вала и до г. Коломака. Осматривал намеченную для постройки линию и места по ней для городов ген-пор. Косагов.

Крайним южным пунктом был Царево-Борисов, в нём было тогда 19 дворов; укрепления его были стары; предстояло их исправить. Далее решено было перенести в другое место г. Изюм и сильно его укрепить, как важный по своему стратегическому положению; следовательно, построить вполне новый город. В промежутках между крепостями намечались для постройки сторожевые башни (острожки), засеки, надолбы. На устье р. Солёной – «жилой город». По линии имелись и места «крепкие засеки», в которых «татарских перелазов не было». В доступных лесах – засеки; в некоторых местах уже были кое-какие укрепления – надолбы и пр., хотя они и требовали исправления. Особенно опасно было зимнее время – его надо было брать во внимание при постройки линии. Леса, озёра прерывались степями. На р. Берека на перелазах надо было строить город. Не на всех открытых местах можно было насыпать земляной вал – весенняя вода его бы сносила. Описание намеченных работ в документе прерывается на г. Андреевы Лозы.

Оберегал работу от нападения татар, стоя в Царево-Борисове с войском, генерал Косагов. В его отряде были и харьковские казаки. Москва начала уже постепенно прибирать в свои руки и полковые дела, что до этого времени если и было, то в незначительной степени. Гр. Донец получил именной указ[193] назначить 300 казаков от 6 городов полка, при этом указывалось даже, из каких именно и по сколько. Команда, со сменой через 2 месяца, должна была стоять в Царево-Борисове долго. Весь же строевой полк поступал в распоряжение Косагова «в сход». «Во всяких полковых делах» приказывалось Г. Донцу «быть послушным» Косагову. С этого времени начинается частые командировки по царским указам Г. Донцу; и Москва стала входить во все подробности, постепенно стесняя власть полковника и подчиняя его контролю.

Казаки городов, лежавших по вновь построенной черте, должны были специально заниматься сторожевой и станичной службой. Укреплённой линией и заселением г. Изюма полковник Гр. Донец несколько обеспечил от татарских нападений свой Харьковский полк, который, таким образом, перестал быть пограничным; сторожевая служба в Харькове сделалась более лёгкой, и число станичников и сторож уменьшилось.

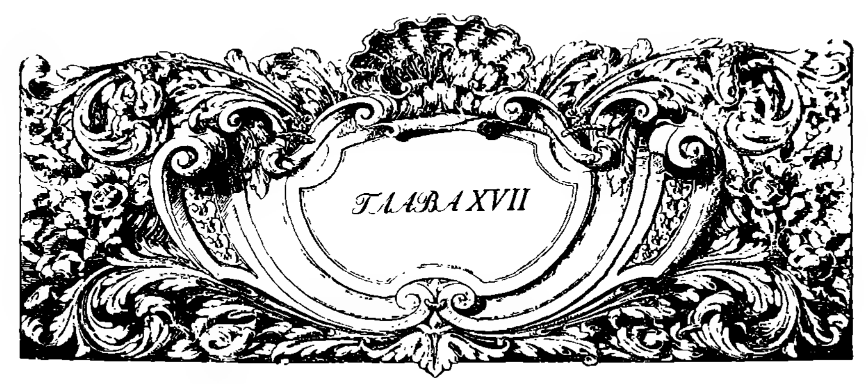
---

[191] Там же, столб. 1031, лл. 243-282 и др.

[192] Там же, столб. 950, лл. 268-295 и др.

[193] Там же, столб. 1009, лл. 167-169.

ГЛАВА XVII

Бунт Стеньки Разина. – Прелестная грамота. – Отголоски бунта на Украине. – Меры предосторожности. – «Шатости» в черкасских городах. – Отношения жителей к приказным людям. – «Сказка» мурафейских и богодуховских жителей. – Усмирение бунта. – Расправа, казни. – Измена острогожского полковника Дзинковского. – Казнь его.

17 октября 1671 г. один змиевской житель привёз в Харьков Гр. Донцу «воровскую прелестную грамоту за воровскою печатью»[194] Гр. Донец переслал её в Белгород, оттуда она с нарочным полетела к Царю.

Вот эта интересная «прелестная грамота»[195]:

«От великого войска Донского и от Алексея Григорьевича (атаман донской Ал. Хромой) в город Харьков полковнику Грицьку и всем мещанам челобитье. В нынешнем во 179 г. (1671) октября в 15 день по указу Великого Государя Алексея Михайловича... и по грамоте Его Великого Государя вышли мы, великое войско Донское, с Дону Донцем Ему, Великому Государю, на службу потому, что у Него, Великого Государя, царевичев не стало от них изменников бояр. И мы, великое войско Донское, стали за дом Пресвятой Богородицы и за Его, Великого Государя и за всю чернь. И вам бы, атаманам молодцам, Грицько полковник со всеми городовыми людьми и с мещанами стать с нами, великим войском Донским за едино; за дом Пресвятой Богородицы и за Его, Великого Государя, и за всю чернь потому, чтобы нам всем от них изменников бояр вконец не погибнуть».

У подлинного письма назади «к сей грамоте великого войска Донского атаман Алексей Григорьевич печать приложил».

Конечно, Гр. Донец, как человек благоразумный, не мог прельститься и пойти на измену, хотя грамота и соблазняла возможностью избавиться от «изменников бояр» и, главным образом, воевод. К тому же донские казаки (это делали Стенька Разин), по-видимому, не только оставались верными Царю, но и бунт-то подняли для его якобы защиты, а также и за веру православную – «за дом Пресвятой Богородицы» (после реформ Никона). Но не все так смотрели на этот бунт – казаки многих черкасских городов, как и донцы, прельстились, «впали в шатость».

Отряды восставших донцов стали появляться в октябре в Маяцке, Царево-Борисове – южных населённых пунктах Харьковского полка и ближайших к Дону. Это были передовые отряды ожидавших «стенькиных товарищей». Кн. Ромодановский в это время стоял «с полками» в Острогожске и оттуда уже разослал в разные места полковников.

Был и полк «рейтарского строю» полк. Гопта. Из черкасских в пределах Харьковского полка был Сумской. Гр. Донец пришёл в Чугуев, о ненадёжности жителей которого ходили слухи. Он поджидал к себе ещё Гопта и Кондратьева, но не дождался – вынужден был поспешить обратно в Харьков потому, «что-де в Харькове в народе пошли шатости великие»[196].

[194] Там же. столб. 687, лл. 390–398.

[195] Там же. столб. 687, л. 394.

По уходу харьковцев в Чугуев пришёл передовой отряд сумцев и рейтаров, но был разбит и прогнан появившимися донскими казаками и запорожцами. В стычке приняли участие и чугуевцы, оправдавшие таким образом слухи.

Бунт быстро распространился по Украине. В Золочеве, Балаклее жители «своровали и воевод выгнали». «Зело шатались» и в других городах. Не везде воеводы и приказные люди отделывались так легко, в иных местах и убивали их. Это, смотря, как они заслужили. Народ, будучи увлечён и ослеплён, всё-таки не чужд справедливости, и хороших правителей, не причинявших зла, ценит и в обиду не даёт. Примеры того случились и в черкасских городах. Так, жители Валок «приказного человека выпроводили честью, чтоб пришед изменники (его) не убили»[197]. В Мурафе городской атаман С. Андреев «всем городом» пришел «на государев двор» и, обратясь к приказному Потапу Ададурову, сказали, «выдь ты с Мурафы в Белгород, покаместь тебя-де донские и запорожские казаки на Мурафе не застали». И подали ему «сказку» след. содержания[198]: «Лета 7179 (1671 г.) октября в 15 день по гос. указу... мурафенские жители атаман С. Андреев (следует перечисление) с товарищи всею громадою сказали по Христову слову, по святой Христовой непорочной евангельской заповеди Господней еже-сй-ей вправду, вестно нам учинилось всем мурафенским жителям, что царевцы и маяцкие и иных городов жители Вел. Государю изменили и воевод побили, которые у них были, и поддались ворам и изменникам, стенькиным товарищам – донским казакам; а мы, мурафенские жители, Вел. Государю зменить и приказного человека П. Ададурова убить и выдать изменником не хотели, видя его *правду* и к Вел. Государю службу; только велим ему с Мурафы бежать в Белгород покамест мятеж и междоусобная брань между людьми утолится и покамест бы изменники его, Потапа, на Мурафе не застали; а как мятеж меж гос. людьми в украинских городах утолится, и мы хотим по прежнему гос. указу прик. человека видеть, кого Вел. Государь укажет, а государевы казны мы приняли 6 пуд и 10 гривен, да свинцу пол-четверта пуда и 7 гривенок и 2 шмыговницы, и 10 мушкетов; в том мы ему, Потапу, за руками сказку дали всей громадою, а сказку писал мураф. соборный поп Яков Никольский».

Заслужил, следовательно, Ададуров «правдою» любовь жителей.

Ададуров подчинился постановлению рады и покинул город. С бывшими с ним русскими людьми он, отойдя 5 вер. от Мурафы, остановился в степи и послал в Белгород своё донесение и «сказку» и спрашивал, что ему делать дальше. Хотя его дальнейшее пребывание в городе делалось очевидно невозможным, он всё-таки опасался ответственности за оставление вверенного поста без указа. Дисциплинированные и стойкие были тогда московские чиновники; жаль только, что были они очень строптивы и нечисты на руку. Не будь этого, и окраинных вопросов у нас вообще не было бы.

Такой же точно пример случился и в Богодухове (это уже Ахтырского полка): приказному С. Каменеву объявили решение рады покинуть город и также дали «сказку»[199]. (В городах, видимо, был предварительный сговор, назначен был день – 16 октября – для той или другой расправы с воеводами и приказными). Накануне в Богодухов приехали из Тора некий атаман Петрушка Иванов и 4 казака и от имени «воровских казаков» стали наговаривать жителей «на свои замыслы, чтоб они атаману Алёшке Хромому поклонились и ни в чём от них не боялись, что-де он, Алёшка, ни в которых городах жителям никакого разорения не чинил». Каменев арестовал донцов, а богодуховцев «велел сбить в раду» – всех до одного человека - и послал сотника Крису убеждать жителей «на такие их воровские замыслы не рельщаться, город к осаде крепить». Но богодуховцы потребовали арестованных освободить и «ни в чём их не теснить». Каменев решению подчинился и выехал из города в тот же день. И здесь обошлись с приказным ласково, хотя и не так уже, как с Ададуровым. Есть оттенки – по мере заслуг.

---

[196] Там же, столб. 687, лл. 406–408.

[197] Там же, столб. 687, лл. 390–398.

[198] Там же.

[199] Там же.

Узнав об этих всех обстоятельствах, кн. Ромодановский оставил харьковского наказного (временный) полковника И. Лощенка, командовавшего частью полка, в Острогожске и разослав по соседним городам со стороны Дона других полковников, сам с остальным отрядом спешно пошёл к Чугуеву, где бунт начал принимать серьёзные размеры. Донцы ретировались, чугуевцы попритихли

Неспокойно было и в Печенегах. Видя приближение отряда Гопта и Кондратьева, жители захватив пушку, бочку пороха и др. запасы, убежали[200].

Между тем пошёл слух, что донцы в больших силах собираются напасть на Харьков и Мерефу. Зная о некотором шатании среди жителей, Гр. Донец стал опасаться за судьбу своего города. Поэтому он обратился за помощью к Кондратьеву и Гопту; так как, писал он, «Харьковского уезда жители в город в осаду не идут, чинятся не послушны, а в приход-де воровских казаков города беречь не с кем» – весь же полк был «в сходе». В Харьков и прибыл отряд сумцов и рейтаров. Опасность, видимо, была немалая, если кн. Ромодановский стянул войска откуда было только можно, и обратился за помощью даже к гетману Многогрешному. Надо было охранять поселения Харьковского полка, как лежащие в непосредственном соседстве с землями войска Донского. К тому же, если бы взбунтовавшиеся казаки заняли область Харьковкого полка, то легко могли увлечь и его жителей. Остальные черкасские полки в этом отношении были в лучших условиях – влияние Дона, вследствие отдалённости, на них так не отзывалось.

Но скоро волнения улеглись в связи с ликвидацией небывалого ещё по своим размерам народного восстания. Бунт на Волге был залит потоками крови, ужасными казнями. Казнён был Разин, казнена его мать[201] «Матрёшка» за то, что родила такого сына, и т. д.

На сторону бунта, увлечённый «планами» Стеньки, склонился и полковник острогожский И. Г. Дзинковский. При его содействии донцы овладели гг. Острогожском и Ольшанском. Полковник был казнён вместе с женой, дети его были сосланы в Сибирь[202]. Полковником в Острогожский полк *назначен* был Геор. Карабут[203]. Были репрессии и на Украине, но меньше. Оставшихся верными наградили, виновных казнили, но без разных неистовств. Так, напр., было запрещено «побивать и в воду сажать жен и детей изменивших жителей белгородских полков». Следов., приказ был вызван широким применением этого раньше. Запрещено было жителям ещё с начала бунта иметь какие-либо сношения с Доном «покаместо Стенька Разин с воровскими казаками не оборотятся».

В сущности весь этот бунт, поднятый Разиным, не более, как простая разбойничья история. Если он так широко развился, то только потому, что всюду было недовольство и озлобление против всё тех же московских правителей, до нельзя корыстолюбивых. Сам же Стенька, не более, как разбойник, хотя и с широким размахом, но без определённых планов и более или менее благородных стремлений. Ему нужна только «гульба», ему «с товарищи» хотелось только на свободе «сладко попить и поесть» – другой цели они не преследовали. И совершенно незаслуженно личность Разина в народных преданиях так опоэтизирована, так много о нём сложилось красивых легенд и песен.

---

[200] Там же, столб. 687, лл. 672–678.

[201] Там же, л. 656.

[202] Там же, лл. 158–159.

[203] Там же, лл. 174–177.

Поход Г. Е. Донца на Дон с разменной казной. – Боевая сила полка. – Награда полковнику и казакам за службу. – Челобитная сотника Ив. Демьянова. – Балаклейский полк, возникновение его. – Яков Степанович Черниговец. – Присоединение полка к Харьковскому.

Г. Е. Донцу иногда давались поручения, за успешное исполнение которых он непосредственно от Царя получал благодарность и жалование. Так, напр., в 1678 г. он был послан на Дон «с разменною казною» («окупные деньги») для выкупа из плена боярина В. Шереметева[204] и сына белгородского воеводы стольника кн. А. Ромодановского[205] и черкас, взятых татарами. Сопровождение казны было делом тогда далеко небезопасным – это был своего рода военный поход в степи. Желающих поживиться готовыми деньгами, не говоря уже о татарах, нашлось бы много. Не раз на Волге царские корабли с разными запасами и казной подвергались разграблению, хотя и шли под охраной ратных людей. Поэтому полк. Донец выступил под прикрытием 2 130 казаков своего полка конных и пеших с пушками и всеми запасами. Внушительный отряд! Харьковский полк помимо других командировок мог всё-таки выйти в таком составе.

В 1679 г.[206] по «смотрельным спискам» в нём было: *полковой службы конных* – полковник – 1, старшин и урядников – 56, литаврщиков, трубачей – 4, пушкарей – 5, казаков в 9 городах – 2930, да «бывшего Балаклейского полка» – 660, всего 3 646 казаков. *Городовой службы*: всего 3568, кроме соколовских и ольшанских казаков, число которых в ведомости не показано; кроме того ещё в 6-ти городах Балаклейского полка городовых казаков 249. А всего боевая сила полка равнялась 7463 казака (кроме городовых двух городов). Полковых пушек было 8, возимых за строевым полком; в городах были свои пушки на случай осады, но в ограниченном числе[207].

Хотя Гр. Донец выступил на второй недели поста, но пошёл «тележным путём» – «зимний рушился» – до Ц.-Борисова пришлось «итить стругами». И на этот поход ушло целых три недели[208].

---

[204] Шереметев был взят в плен в 1659 г. во время бунта Выговского. Сдаваясь на капитуляцию (г. Чуднов Волын. г.), он выговорил войску свободный проход. Поляки договор нарушили, позволили союзникам-татарам часть русских перебить, часть увести в плен. Шереметев был очень храбрый и искусный полководец. В 1658 г. он был назначен в Киев, куда никто не хотел ехать. В плену протомился он 20 лет

[205] Кн. Ромодановский в битве под г. Грайвороном (1668 г.), командуя отрядом белгородских полков, взят в плен союзниками Дорошенко – татарами, и пробыл в неволе 10 лет.

[206] Белгор. стол, столб. 1077, лл. 197–198.

[207] Там же, столб. 1031, л. 286.

[208] Там же, столб. 869, л. 124.

Поручение Гр. Донец выполнил вполне удачно и удостоился за то получить грамоту[209]. В ней Царь «милостивым словом жаловал и похвалял за донецкую службу» харьковского полковника. Кроме благодарности Гр. Донец получил и «жалование» – сукна алого цвета и «пару соболей добрых с хвосты». В своей челобитной полковник писал: «И я, х. т., видя к себе такую Твою, Вел. Гос., премногую милость и жалование, сказывал полку своего казакам всем вслух, чтоб они, казаки, видя такое Твое Вел. Гос. милостивое похвальное слово и жалование к себе, впредь Тебе, Вел. Гос., служили со всяким радением».

Хотя Москва и не платила определённого жалования черкасам, но всё-таки немало на них тратилась. Царя просто заваливали разными челобитными по всякому поводу. Кто поймает «языков» и отвезёт их в Москву, – получал «жалование» сукном, соболями, деньгами. Многим дача казалась малой, подавалась челобитная о прибавке. И редко когда получался отказ. Удачно исполненное поручение – награда, отбитый татарский набег – награда; за «осадное сидение» – награда, также и за «разорение», особенно часто случавшееся.

Царь пожалует – «велит дать жалование». Осчастливленный тем казак ждёт его, ждёт, «волочится» по приказам; но приказные ведут свою линию. Если проситель не желает, или не может раскошелиться, то выведенный из терпения снова подаёт Царю челобитную, что, мол, сидючи на Москве в ожидании выдачи, «проелся», больше пить и есть нечего – «Великий Государь, смилуйся, пожалуй!» Царь, «той челобитной слушал» и, удовлетворяя просьбу, приказывал, забывая только энергично наказать «бездельную корысть».

Чтобы не быть голословным, приведём пример:

Сотник Харьковского полка Ив. Демьянов «с товарищи 3 человека» подал челобитную[210] Фёдору Алексеевичу. В ней подробно перечислял свои «службы» отцу Царя «в прошлых годах». Писал, что был на «многих полевых боях» и на приступах и отводах» (походах), что бился, не щадя головы, кровь проливал и «многожды (был) ранен во многих местах из лука и саблею», следы чего, мол, видны и теперь, что привёл «языков семь мужиков в Москву самоличио» им взятых в плен и «ничем Твоим Вел. Гос. жалованием не взыскан». Мои же товарищи, мол, тогда получили жалование, поэтому «смилуйся, пожалуй!». Царь смилостивился (1679 г.), приказал выдать: 5 р., сукна «аглицкого», да пару соболей (по 2 р.), а его товарищам по 2 р. и портищу сукна и «отпустить их *тотчас* с Москвы», чтобы поскорее отделаться.

Но какова переписка! На челобитье положена резолюция Царя. По ней посланы приказы в разные приказы в один о деньгах, в другой о сукне, в третий («сибирский») о соболях. Указы подробные с перечислением всех подвигов и пр.

Но Демьянов не успокоился – подал новую челобитную о том же, но в более прочувственных выражениях; в ней уже писал, что «ничем Твоим Вел. Гос. денежным жалованием и сукном и (это уже прибавка к первой) поденным кормом и пойлом не пожалован»... «На Москве живём 4 недели»... «Конскими кормами и своим хлебом испрослись, а дано нам... жалования поденного корму и питья на 4 дни». И снова «и за кровь и за раны», «Царь – Государь, смилуйся!» На челобитной этой интересная резолюция: «Отказать, дано тебе и сукно и соболи».

Казалось бы и конец, но нет! Новая челобитная и новая резолюция: «Вел Гос. пожаловал черкасского Харьковского Григорьева полку Донца новопостроенного г. Ольшаны сотника Ив. Демьянова за службу и взятые языки и для его иноземства – велено ему дать своего гос. жалования в приказ к прежнему в прибавку денег 5 р. из Розряду, да портище тафты из Казённого приказу и о даче той тафты в Казённый приказ из Розряду писать память»[211]. Умышленно приведены здесь все эти, может быть, и утомительные подробности, но они так характерны! Канцелярщина, писание, писание без конца – это наше традиционное, ниспосланное за грехи наказание, тяготеющее над Русью во всей полноте и поныне. «Отписаться» от чего-нибудь, или дописаться до потери у начальства или у противника дальнейшего понимания «дела» – это было и есть великое искусство!

---

[209] Там же, столб. 1205, лл. 347–349.

[210] Там же, столб. 1136, лл. 1–12.

[211] Там же, л. 33

С другой стороны эти челобитные, подаваемые скромными казаками непосредственно Царю о «пойле», корме, сукне, о нескольких рублях, свидетельствуют о простоте царивших тогда отношений, о внимании грозного Царя к нуждам своих подданных. Надо было обладать неиссякаемым терпением «слушать» эти мелочи, класть резолюции и т. д. И эта близость Царя к народу едва ли где бывшая, кроме России, так симпатична!

При Гр. Донце территория Харьковского полка значительно и сразу расширилась к югу с присоединением до того самостоятельного Балаклейского полка. После этого Харьковский сделался самым сильным из черкасских полков, как военная единица, так и по пространству обширных земель, входивших в его состав. Проследим историю этого Балаклейского полка, сыгравшего видную роль в колонизации «диких полей». В прежних исследованиях о нём упоминается вскользь, что был-де ещё и какой-то Балаклейский.

В начале шестидесятых годов крайним поселением в Придонецком крае был г. Змиёв, стоявший посредине несколько выгнутой линии, шедшей от Валок к Чугуеву по рр. С. Донцу и Мжу, отчасти прикрывавшим собой от татарских набегов возникшие уже к этому времени казачьи городки и слободы. К северу за Змиёвым (самое раннее известие о нём относится к 1655 г.) стоял Харьков, построенный, по-видимому, почти одновременно с ним.

Ещё до Гр. Донца большую услугу колонизации края оказал другой деятель, о котором мало что было известно. Личность его во многих отношениях крайне интересна и симпатична. Но кто он именно такой, каково его происхождение, этого современные источники, крайне скудные, не говорят.

В 1663 г. в Белгород приехал казак и назвал себя атаманом Яковом Степановичем Черниговцем. Он обратился к кн. Ромодановскому с просьбой позволить ему с пришедшими из-за Днепра черкасами «на государево имя» поселиться на татарских перелазах, вниз по р. Донцу «меж речек устей Булыклеи»[212].

Место, где Черниговец хотел строить город, находится от Харькова в 80 вер. и в 50 от Змиёва, за которым уже прекращалась всякая оседлость. Прежде, чем обратиться с просьбой о поселении, Черниговец облюбовал себе место.

Полноводный С. Донец с многими притоками, с чудным местоположением делал этот край особенно привлекательным. Начавшись вёрст за 50 севернее Белгорода, река эта течёт прямо на юг до высоты Чугуева, после круто поворачивает на запад, а от Змиёва, протекши снова вёрст с 10 на юг, принимает юго-восточное направление, часто бросаясь влево и вправо при проходе чрез Донецкий кряж. Приняв в себя с обеих сторон много притоков, *Северский* Донец от Чугуева делался уже в то время очень полноводным; соединившись же с Удами, Мжом и др., становился уже значительной судоходной рекой.

Левый приток С. Донца, на котором Черниговец собирался строить город, состоит из трёх рек: Балаклейка (18 вер.), Средняя Балаклея (26 вер.) и Сухая Балаклея (25 в.). Каждая из этих речек в свою очередь принимала в себя несколько речек и ручьёв. Самый город предполагалось строить с «нагайской стороны» на левом берегу Средней Балаклеи при впадении в неё Сухой и ещё какого-то безымянного притока.

Вода была везде в большом изобилии. Кроме того, на большом пространстве шли тогда леса и озёра, и непроходимые болота.

Но несмотря на это, татары всё-таки здесь были хозяева и именно здесь переходили через Донец. Вблизи Харькова и других городов тогда ещё много лежало незанятой земли, но Черниговец почему то предпочёл им и относительной безопасности эти дикие, но привольные места. Поселясь на Балаклее, в таком отдалении от городов, приходилось надеяться только на себя и нужно было быть человеком с вёрдой рукой и неустрашимым сердцем. И Черниговец был таковым, если добровольно лез в самую пасть зверя. Так далеко гнало атамана вглубь степей, может быть, ещё и другое – желание быть подальше от властей и быть самостоятельным.

---

[212] Там же, столб. 599, лл. 138–142.

Три татарских шляха, пролегавшие в юго – восточных степях – Муравский, Изюмский и Кальмиусский – особенно тщательно наблюдались воеводами.

Поэтому кн. Ромодановский сочувственно отнёсся к просьбе Черниговца. Но предварительно он, малознакомый с краем, так далеко лежавшим за рубежом, послал его «рассмотреть и разъездить[213] и выяснить, можно ли в том месте быть городу и будет ли украинным городам от воинских людей помощь».

В Белгороде имелись даже для этой цели особые специалисты – «разъещики». При этом, главным образом, имелось в виду лишь стратегическое значение места, где предполагалось строить город. Осмотрев место, разъещики доложили, что «городу быть пристойно», «потому-де, что тем местом через Донец хаживали под украинные городы татаровя». «Если, писал воевода Царю на усть речек Булыклеи будет построен город, то... татарам проходу не будет». Выяснив этот вопрос, кн. Ромодановский уже «велел» строить город, а около него по перелазам учинить всякие крепости, чтобы и жить бесстрашно».

Ровно через год (1664 г. 31 июля) Черниговец снова приехал в Белгород с докладом, что город он уже поставил и назвал его Балаклелею, что в нём и в посаде в 150 дворах поселились уже 200 семейств черкас[214] и что дальнейшая постройка дворов и приход новых переселенцев ещё продолжается.

Город был построен деревянный, в окружности с проезжими и глухими башнями 500 саж. Черниговец такую проявил энергию, что, кроме всего этого, успел ещё поставить на 500 саж. надолбы и набить честик. Приехал атаман с словесным докладом; но кн. Ромодановский этим не удовольствовался и приказал «всякие крепости описать и всё на чертеже начертить». Когда Черниговец, исполнив всё это, вернулся в Белгород, воевода тотчас же отправил его в Москву к Государю. Как он там был принят, неизвестно; но, судя по всему, милостиво: свою поездку в Москву атаман повторил в 1667 г.[215] На этот раз его приняли ласково, «давали корму довольно», пожаловали сукном, соболями и пр.

Постройкой г. Балаклеи Черниговец не ограничился, он продолжал призывать черкас, построил и заселил ещё укреплённые города по С. Донцу: Андреевы Лозы, Бишкин, Савинский (Савинцы) и Лиман – на степи между двух озёр (лиманов).

Но, кроме этих, что особенно важно, Черниговец *построил ещё на С. Донце г. Изюм.* Основателем его считался Г. Ер. Донец. Что и Изюм строил «булыклейский осадчик», свидетельствуют два документа: его челобитная[216], в которой он перечисляет построенные им шесть городов, и доклад Царю по поводу дачи жалования полковникам – харьковскому, сумскому, острогожскому и балаклейскому[217].

Эти основанные городки стояли на «бродах», где переправлялись татары, следов., строились они ради оборонительных целей. И в этом особенная заслуга Черниговца. Выяснение её несколько умаляет и колонизаторскую деятельность Г. Донца, которому приписывали всецело как постройку Изюма, так и заселение обширной пустынной области.

В 1668 г. во время бунта Брюховецкого не устояли и балаклейцы. Черниговец старался образумить их, но это ему удалось относительно половины населения. Её он уговорил и с ней пытался даже силой удержать остальных от измены и ухода. Между расколовшимися жителями произошёл формальный бой, окончившийся уходом изменивших к Серку[218].

Отменную службу Черниговца и выказанную верность Царь отметил особенной наградой – он пожаловал атамана полковником. С этого времени построенные городки и призванные в них черкасы составили особый «Булыклейский полк» с сотниками, атаманами и пр. старшиной. В нём, кажется, не было даже воевод и приказных людей.

---

[213] Там же, столб. 73.

[214] Там же, столб. 599, лл. 138–142.

[215] Там же, столб. 1017, лл. 238-242.

[216] Там же, л. 50.

[217] Там же, столб. 1017, лл. 196-201.

[218] Там же, столб. 1017, л. 50.

Черниговец, наравне с прочими черкасскими полковниками, пользовался большой властью и известной самостоятельностью. Территория его полка, тянувшаяся по С. Донцу, была довольно значительна – более 80 вер. в длину. Крайними городами на севере был Бишкин и Лиман, на юге Изюм и Царево-Борисов. Последний снова, после запустения заселился в 1658 г. черкасами, при Черниговце же население его значительно увеличилось. Границы полка на запад и восток были неопределенны – здесь расстилались степи, свободные от всякой оседлости.

Заведывая полком, Черниговец проявил ещё большую деятельность, не переставая сгущать население полка зазывом новых переселенцев. Продолжал он неустанно бороться и с татарами, гоняясь за ними, ловя их и в качестве «языков» отсылая в Москву. За время его управления полком нет известий о татарских разорениях в этих местах, о чём в своей челобитной, между прочим, свидетельствует и сам Черниговец.

Довольно сильный отголосок бунта Разина был и в Балаклее. Её заняли без сопротивления воровские казаки и склонили жителей к измене. Полковник Черниговец остался и на этот раз верным, но не мог ничего поделать с казацкой «шатостью» и принуждён был бежать. Донцы разграбили всё его имущество и замучили на смерть жену[219].

После того, продолжая успешно бороться с татарами, полк. Черниговец благополучно прожил в Балаклее до 1677 г. Тринадцатый год его службы Москве был для него несчастливым. Над ним стряслась какая-то беда, но какая – неизвестно. В докладе Царю сказано глухо[220]: «С 1677 г. по его же боярина и воеводы (кн. Ромодановского) рассмотрению от того полку он Яков (Черниговец) за *полковую вину отставлен*. В челобитной самого Черниговца[221] говорится, что было «велено Булыклейский полк ведать харьковскому полковнику» – тоже глухо.

Всё это может служить доказательством верности нашего свидетельства, что черкасские полковники всецело зависели от Москвы; пресловутой «свободы» далеко не было. Сдав свой полк и прожив в Балаклее два года, Я. Черниговец поехал в Москву и подал челобитную. В ней он, скромно перечислив свои «службы» – постройку городков, удачную борьбу с татарами, свою верность, когда всё кругом шаталось, он просил Царя Фёдора Алексеевича пожаловать его – велеть быть по-прежнему полковником в Балаклейском полку. Просьбу свою Черниговец мотивировал тем, что от присоединения к Харьковскому терпят прежде всего жители, так как харьковский полковник «удалён от них и забирает к себе казаков». «А мы от крымских и от азовских татар живём ближе, и (они) стада у нас отгоняют постоянно, жен и детей у нас в полон берут и городки разоряют», чего прежде не было.

Хлопоты Черниговца не имели успеха. Но из того обстоятельства, что в Москве он был принят ласково, что Царь велел дать ему жалованье и подарки[222], можно вывести заключение, что никакой особенной, позорящей его вины за прежним полковником не числилось.

Не рискуя впасть в ошибку, можно утверждать, что падением своим Черниговец был обязан Гр. Донцу. Последний пользовался большим расположением влиятельного кн. Ромодановского. Это видно из многих сопоставлений. Благодаря ему, Гр. Донец и добился присоединения к своему Балаклейского полка, подготовляя полковничество для сына.

После своего устранения Як. Черниговец продолжал, уже как подчинённый Гр. Донцу, жить в Балаклее под скромным именем «черкашенина» и «осадчика»[223]. Дальнейшая его судьба не известна.

В истории Придонецкой Украины Черниговцу должно быть отведено почётное место, как одному из первых и самых энергичных колонизаторов её.

[219] Там же, л. 50.

[220] Там же, столб. 1031, л. 656.

[221] Там же, столб. 1017, л. 50.

[222] Там же, столб. 1017, л. 9, 238–242.

[223] Там же, столб. 1017, л. 341.

Куряжский монастырь. – Архимандриты Иоил и Герман. – Местоположение монастыря. – Поступной лист. – Полковник Григорий Донец неграмотен. – Доказательства этого. – Писаря. – Язык переписки. – Подьячие. – Челобитная архимандрита. – Ещё образец записи на землю. – Как заселялись слободки. – Образец судебного приговора.

Недалеко от Харькова и сравнительно скоро после возникновения полка построен был стараниями харьковских казаков Куряжский Преображенский мужской монастырь. Почтенный проф. Д. И. Багалей пишет, что он «основан в 1663 г.»[224]. Позволим себе сказать, что указанный год нам кажется не совсем верным и вот почему. Из челобитной архимандрита монастыря Иоасафа[225] видно, что он построен *полковником* Гр. Донцом, а таковым последний как это доказано, стал лишь в 1668 г. Это же видно из «поступного листа», который приводим ниже.

Деятельность Гр. Донца, следовательно, не ограничивалась постройкой одних укреплений и пр. – он заботился и об увеличении в своём полку храмов; конечно, всецело приписать ему одному основание монастыря нельзя – с ним материально участвовали и харьковские «градские люди», как говорит и сам арх. Иоасаф. Правда, Гр. Донец купил землю под монастырь. Но полковничество ему дало такое богатство, что уделить Богу малую толику – каких-нибудь 200 «злотых» (30 р.), которые он заплатил за землю, для него ровно ничего не значило; к тому же этим приобреталось право считаться «побожным».

Монастырь (по пр. Филарету) получил своё название по фамилии некого Алексея Куряжского, которому прежде принадлежала земля и пасека, стоявшая на том месте. Все подобные попытки объяснения названий по большей части бывают неудачны. Тот же Филарет объяснял название «Валки» и, как нами доказано, совсем неверно[226]. Куряжем называлось что-то другое, не земля «А. Куряжского». Г. Донец писал, что построил монастырь «на своём грунте, иже *под Куряжем*».

Для устройства монастыря был вызван из Святогорской обители (около гор. Славянска, прежний Тор, на р. С. Донце) архим. Иоил с братией, который будто бы и был первым настоятелем вновь созданного Куряжского монастыря.

Но Иоил был настоятелем Святогорского монастыря и таковым состоял, напр., в 1679 г., когда была освящена в том монастыре построенная им Успенская церковь, а также и Петра и Павла[227]. В следующем году арх. Иоил был взят татарами в плен, отвезён в Азов, оттуда и прислал просьбу выменять его на пленного татарина[228]. А из «поступного листа» известно, что в это время архимандритом Куряжского монастыря был Герман. Выходит, что если, допустим, Иоил и променял Святые Горы на Куряж «для его создания», то после снова вернулся в свой монастырь.

---

[224] Энцик. слов. Брокгауза, кн. 33, стр. 117.

[225] Белгород. стол. столб. 1269, лл. 214–219, 263–264.

[226] Е. Альбовский. Валки, украинский город Мос. гос., стр. 11.

[227] Белгор. стол. столб. 247, лл. 166–169.

[228] Там же. столб. 247, лл. 166–169.

Место для Куряжского монастыря было выбрано очень удачное по своему живописному положению. И теперь монастырь окружён прекрасным громадным лесом, с удивительным источником ключевой воды. Что же было тогда! В деле заселения края и развития его культуры монастыри играли видную роль. Владея землями и угодьями, они зазывали крестьян, заселяли ими деревни. Хозяйство, веденное в больших размерах, служило образцом для населения края тем более, что монахи не ограничивались одним хлебопашеством, вели скотоводство, пчеловодство и пр., в чём только нуждался монастырь и его братия. Татарские нападения заставляли укреплять стены, заводить пушки, держать ратных людей И в деле просвещения монастыри всё-таки кое-что вносили в народ.

Первое время монастырь существовал на пожертвования харьковских жителей; даны ему были также земли, крестьяне, как рабочие руки.

Приводим ниже, как образец, универсал (вернее «поступной лист») полковника Гр. Донца, которым укреплялись за монастырём земли и водяная мельница:

«Великодержавного Благочестивого Царя и Вел. Кн. Алексея Мих., всея Великие и Малые и Белые России Самодержца, я, полковник Григорий Ерофеевич Донец, вестно чиню всем, о сем комуколвек будет ведать в полку нашем Харьковском, же застаючи я на полковничестве Харьковском по указу Царя Вел. Алексея Мих., всея России Сам., яко дано мне ведать о всём в полку Харьковском, сведал: которое то дело прилучилось неподобное ещё за полковника Фёдора Репки в полку нашем Харьковском убийственное, же Левко Жигалка да Омельян мельники, жители Гавриловские, позабивали из Белгорода служилых детей боярских, идучих из службы из-под Валок; которого то забойцу одного поймавши, Лёвку Жигалку мельника, полковник Фёдор Репка казал расстрелять в г. Харькове; а Омельян мельник убежал, где он знал. Которых то грунта от того часу в запустении зоставали. Когда же, по Указу Его Цар. Вел., Алексея Мих., всея России Самод., мне, Григорию Ерофеевичу. Дано полковничество Харьковского полку, я, узнавши известно от людей о тех грунтах и займе на млыне по речце Люботинце, принялемся к тому, яко принадлежно старшим ведать о всём, в чём намерение моё исполняючи, Всемилостивому Спасу и Св. Великомученику Георгию завевши я монастырь на своём грунте, иже под Куряжем, подле шляху зостает, придалем и оный грунт Омельянов мельников забойцов до монастыря своего харьковского Преображенского за всеми принадлежностями, с землёю и с сенными покосами, которые вниз речки Люботинки до Уд зостают, тым боком речки горою и сим боком вниз Удами на долинце, по два дуба на горе пахотного поля, который то грунт знаючи сполна кум мой Логвин, сотник Люботинский, да Григорий Капустянский, житель тоже Люботинский, и Степан Ушкало, писарь тоже Люботинский, которые то заводцами (свидетелями) были с товариством многим казачким села Люботинского, а за мною Полковником Харьковским, Григорием Донцом, из г. Харькова судья Тимофей Клочко, да Алексей Рудий, братчик Рождества Христова, да Лонгвин Крамарь, жители Харьковские, совокупно со мной бывшие под р. Люботинкою оные все показывали мне грунта и займу на млине Омельяна мельника забойцы; которые-то грунта от заводцев вышеписанных я указавши истотне, принялемся оных и давши достаток своему скарбу, вручилем Лонгвину Фёдоровичу, жителю Харьковскому, вкладчику со мной монастыря Харьковского, жебы греблю засыпав и млин сбудувал на обной гребле, на р. Люботинце вниз на грунте Омельяновом мельника, жителя гавриловского. Который взявши скарб от меня Лонгвин Фёдорович и позвав мерошника Лаврина Кубру на оное дело всем моим достатком построил мельницу и греблю на р. Люботинке и то построивши всё совершенно належитое в млине и потом вручилисьмо Герману, архимандриту монастыря нашего Харьковского, с братиею его. Кабы в те все грунта никто не важил втручатися от жадных приятелей моих ближних и дальних, жадным способом кривды и перешкоды чинить сурово сим письмом нашим вручаем и приказуем и для крепости во всём на оный грунт сей поступной лист за подписом руки и печати нашей притеснённой далисмо в монастырьнаш чернецам, иже над Куряжею живут. Писан в Харькове при заводцах вышеписанных, року от Рожд. Христ. 1678 авг. 17 дня. На подлинном попольски: Григорий Ерофеевич Донец н полковник харьковский рукою власною»[229].

[229] Преос. Филарет, от. 1, стр. 72.

Этот поступной лист, или универсал, по свидетельству преос. Филарета, подписан Донцом по-польски; след., так: wlasna ręka, а это значит: собственной своей рукой. Из этого следует, что писать по-русски Донец не умел, а что умел – по-польски. Мы же утверждаем, что Гр. Донец был неграмотный. За весьма редкими исключениями, таковыми были все казаки. Так, что в этом нет ничего удивительного. Но раз утверждается противное, нужно доказать. В нашем распоряжении есть другой «универсал» Донца 1691 г., подлинный, с приложением полковой печати, но им совсем не подписанный. О неграмотности Гр. Донца свидетельствует ещё одна важная лично для него челобитная от 1682 г.[230] Она подписана, но не челобитчиком, польскими буквами по-малороссийски дословно так: «K scy czetobitnoy Aleksandr Kulik Dowhomir wmisto charkowskogo polkownika Hrihoria Gerofiova syna Donca po ieho weleniu ruku prylozil». Челобитную писал, судя по языку, заправский писарь, верно, полковой; но писаря бумаг никогда не подписывали.

Полковой писарь, при общей безграмотности, имел громадное значение. По своему влиянию на дела, он стоял непосредственно за полковником. Ведь, неумевший читать начальник должен был верить тому, что читал ему или писал писарь.

Писаря по большей части происходили из недоучившихся поповичей. Нестерпевшие царившей тогда порки в школах, немогшие постигнуть «бездны премудрости», просидев, украшенные усами, много лет в одном классе, поповичи убегали часто вопреки воле родителей. Таких «писменных» людей полк охотно принимал и зачислял в штат писарей. Эти кое-что схватившие от науки писаря вносили в переписку характер и стиль, мало имевший общего с малороссийским языком. Часто писания казаков носят явный характер и польского языка. Многие из этих писак учились, по крайней мере, до и вначале переселения, в Приднепровских Украинах и были сильно полонизированы. Обычным же языком черкас был, конечно, малороссийский язык – «як их маты учила».

Для переписки с Москвой, воеводами имелись приказные люди из великороссов. Они набили руку в писании слёзных просьб, хорошо знали форму, на что тогда обращалось большое внимание. Несоблюдение её, малейшее умаление титула, помимо отказа в просьбе, влекло за собой и неприятные для просителя последствия. Приказные «волочились» по площади города с гусиным пером за ухом чернильницей у пояса в поисках клиентов. Поэтому все писания малороссов в Москву не носят ни малейшего следа их родного языка.

Некий Протопопов, подъячий, подал челобитную Царю. В ней он говорил, что многие годы писал «беспрестанно государевы дела», «волочился по площади» в Курске «помирал голодною смертью» за недостатком работы. Узнав же, что в Харькове всего один подъячий (1660 г.) у «приказной избе», что зароботок его поэтому будет хорош, Протопопов просил и получил разрешение переселиться[231] в Харьков. И с того времени в последнем волочились по площади уже два писателя челобитных, не совсем дружелюбно посматривавших друг на друга. Конкуренция же могла быть только выгодной для жителей.

Если универсал Куряжскому монастырю Гр. Донец подписал по-польски, то, повторяем, полковник писать по-русски не умел, иначе зачем же ему было прибегать к чужому языку. Это не могло быть по душе духовенству и казакам, покинувших Речь Посполитую и не принесших о ней приятных воспоминаний. Если бы Гр. Донец был грамотен по-польски, то ему, человеку несомненно способному, ничего бы не стоило выучиться писать короткую фамилию русскими буквами, как это сплошь, да рядом проделывал «влиятельный генералитет» из немцев в XVIII ст. Далее, почему же Гр. Донец, если он умел писать по-польски, не подписал сам упомянутой челобитной, а велел подписать Довгомиру (польскими буквами). Только потому, что он был неграмотнвй, как неграмотными были и кошевой Серко (это доказано), хотя его подпись и приведена в числе других автографов в книге Бантыша-Каменского.

Свои универсалы и пр. Гр. Донец выпускал без подписи, приложив только полковую печать. Если мы правы, то почему же преосв. Филарет утверждает, что универсал подписан Гр.

[230] Белгор. стол, столб., 1017, лл. 23-26.
[231] Там же, столб. 424, л. 354.

Донцом – в его распоряжении верно *был* подлинный документ. Невозможно, конечно, заподозрить преосв. *Филарета* в умышленной неверности сообщения. Документ говорит и о Ренке, этом таинственном полковнике харьковском.

Далее самый тон универсала разнится значительно от других его же, Гр. Донца. «Великодержавный», «благочестивый», такие эпитеты встречаются, но позднее. «Монастырь наш». При этом слово «письмо» – несовременно, тогда говорили «лист» (хотя это слово есть и в документе). Язык универсала полупольский. Универсал написан как бы владетельным герцогом, по меньшей мере гетманом. Когда один из последних стал писаться «мы», ему тотчас было приказано писаться проще, как подобает лицу, занимающему не *Бог весть* какой пост. «Жадным (никаким) способом *кривды* и перешкоды чинить сурово сим письмом нашим вручаем и приказуем» (!!). За подписом (слово позднейшего происхождения) руки и печати нашей». Царские указы того времени куда проще, не так величественны. Это пишет «Гринько полковник» неграмотный, не могший иметь своей гербовой печати. Странно и то, что Гр. Донец закрепил за монастырём своей властью (не прибавив «до указу») землю. Известны многие более пустые дела, решение которых не осмеливался брать на себя воевода – на все был нужен указ. Даже на постройку мельницы требовался таковой.

Только по таковому указу позволено было братьям Белоусовым поставить на р. Уды «млын»[212], при чём воеводе было приказано *предварительно выяснить*, действительно *ли «та земля пуста»*. Под шумок, вдали от властей, конечно, землю захватывали – это вопрос другой, но официально закреплять таковую в вечное владение Гр. Донец не имел права. И вот, на основании всего этого, приведенный документ нам кажется подозрительным.

Через несколько лет последовало укрепление земли за тем же монастырём, но при иных уже условиях.

В 1684 г. архим. Иоил бил челом[213] Царю о даровании монастырю земли и подданных – черкас. Челобитная поёт обычную для духовенства песню, что «питаться им, богомольцам, нечем», что братия (40 челов.) «питается Христовым подаянием, да грудами своими». И вот, чтобы лично не трудиться, *монастырь просил* дать ему в кабалужителей 4-х деревенек (Синолицовка, Гавриловка, Песочин, Коротеч), которые имели неосторожность поселиться вблизи монастыря, или на их неблагополучие монастырь построился вблизи. Монахам, кроме даровых рук, понадобились ещё и все угодья, т. е., лучшие земли этих деревень. Просилось «пожаловать ради своего Вел. Государем многолетнего здравия», «ради Спаса и Пречистой Богородицы», на «строение... богомолья того монастиря (а в нём было уже две церкви) и на всякое монастырское строение, а нам, богомольцам, на пропитание». Архимандрит просил дать черкас названных деревень потому, что-де они «в полковой и городовий служб не написаны и живут повольно по их черкасской обыкности. Челобитная, писал архімандрит, была подана с ведома Гр. Донца *«для того, что-де тот монастирь... строил он, полковник*, и в том монастыре вкладник».

В Москве имели обыкновение на слово не верить, хотя бы там и богомольцам. Поэтому было приказано сообщаемое архимандритом проверить; главным образом, не записаны ли жители деревень в службу, а если нет, то почему; а также Гр. Донец «челобитчик ли» в том.

Полковник, хотя и в ущерб своему полку, оказался челобитчиком. Ему было лестно иметь «своё богомолье» и быть щедрым – за чужой счет. Дело тянулось долго. Через три года архимандрит сам поехал в Москву, и жители 4 деревень перестали жить уже «повольно». Кстати, архимандрит выпросил разных церковних предметов на 3 подводы и ещё 2 р. 24 коп.!

Приводим здесь указ на право занятия земли, как образец, главное, потому, что он несомненно подлинный и в нашем распоряжении единственный. Выдан он был предку автора, сотнику Харьковского полка. Этот «лист» (универсал) Донца совсем уже иной; нет величия, этого стремления изобразить из себя властную персону, каковой в действительности скромный черкаский полковник никогда не был; а если и являл таковую под шумок, то вдали от сурового московского ока.

---

[212] Там же, столб. 469, л. 576.

[213] Там же, столб. 1269, лл. 214-219.

Позволение занять землю уже опирается на царский указ. Сотнику позволено было построить неизбежный «млынок» и занять леса «посыльное место», «с потребу», при условии только «без перешкоды людем», т. е., выражаясь несколько вольно, взять земли, сколько влезет. Сотник широко воспользовался неопределённостью выражения и передал своим наследникам довольно кругленькое имение с обширным и прекрасным лесом, несколько сот десятин чудной земли. Имение и образовавшееся в нём сельцо (59 чел. крестьян) получило название Альбошевки, сохранившееся и до настоящего времени, хотя «сельца» уже и нет, а имение, сильно поуменьшившееся путём разделов, дошло и до автора.

Заселяли подобные деревеньки на Украине обыкновенно так. Какой-либо «пан» или богатый казак, облюбовав место в лесу около речки, обращался к властям с просьбой позволить ему занять это место, построить «млынок» и «осадить» слободку. Получив указ, он делался владетелем. По общему правилу в цели сгущения населения, ему ставилось только условие «закликать» не местных, а сторонних людей, из-за рубежа. На построенных хатах выставлялся сверху крест; на нём «осадчик» обозначал, сколько льготных от повинностей лет он даёт новым поселенцам. И слободки заселялись. После все они были закрепощены за потомками пионера.

Сотник Фёдор был, конечно, простой казак, ничем от прочих не отличался, жизнь вёл заурядного «гречкосія». Но тем не менее род его записан в дворянские книги Харьковской губ.[234] В свидетельстве о дворянстве 1797 г., напр., говорится «по заслугам предков».

Всё это не вяжется хотя бы с упомянутыми донесениями сотников о неимении в пределах Харьковского полка ни одного дворянина, могшего доказати свои права на это достоинство. Все потомки сотника Фёдора в казачьей иерархии не подымались выше сотников, никаких «заслуг» особенных за ними, как и за предком их не числится. На каком же основании в свидетельстве появляется такая фраза? Можно было бы о кой-каких и других родах, на основании исторических справок сказать то же. Позднее эти роды записаны были в дворянские книги, доказательства брались, так сказать, на веру, чем желавшие проскользнуть в благородное сословие и воспользовались. После этого не трудно было сфабриковать и гербы.

«Року 1690 (год в подл. написан славянскими буквами), месяца марта 17 дня[235].

Бил челом Великим Государем и Великим Князем Іоанну Алексеевичу Петру Алексеевичу всея Великие и Мале и Белые России Самодержцем, а в Харькове Стольнику и полковнику харьковскому Григорию Ерофеевичу Донцу, Харьковского уезду Села Люботина полкових казаков сотник Фёдор Григорев в словесном своїм челобити сказал, есть мовит, на речьце Люботыне в лесе займа на греблю и на мельничное место выше ставу люботинского жителя Яреми Кошеля против городища никому ни чом не ценная и не на перешкоде и не владеть нею нихто. И в тех урочищах он Фёдор займати гребли и строит млына без указу великих Государем и без нашого ведома не смеет, и чтоб Великие Государи пожаловали его сотника для пополнения службы велели на том местцу и к тому мельничному месту занять леса посыльное место; И по указу Великих Государем Их Царского Пресветлого Величества, и по приказу стольника и полковника Харьковского Григорія Ерофеевича Донца велено ему сотнику Фёдору в тех выше помененных урочищах на речце Люботыне греблю займать и заняв устроит млын без перешкоды людем знизу и зверху, и к тому мельничному месту занять леса спотребу. И той займою владеть ему сотнику Фёдору и жене его и детям вечными часы и с того грунту служить Великих Государем полковую службу, на що для лепшой подтверженя дано Ему сотнику Фёдору и сей лист стверженный полковою печатью.

Писан в Харькове року м-ця и дня выше писаного».

Приводим также, как образец, судебное решение по мелкому судебному спору со своими посёлками того же сотника Фёдора. Подобные дела разбирались сотенным судом, но так как в ка-

---

[234] Д. И. Багалей. Матер., 1, стр. 329 и т. 2, стр. тоже 329.

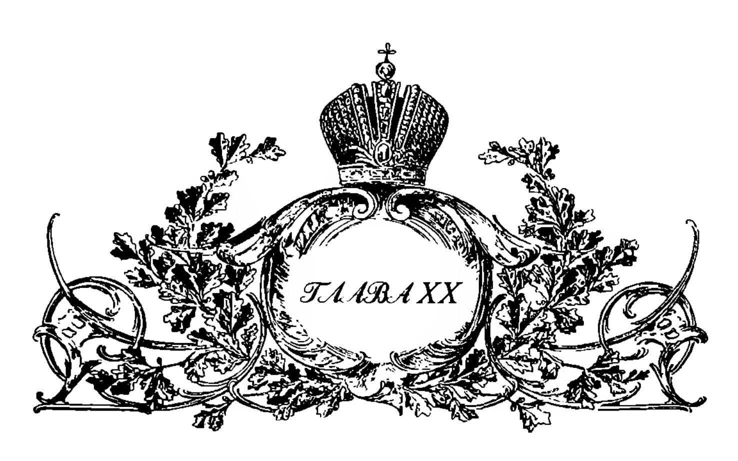
[235] Подлинный хранится в Музее 4-го Уланского Харьковского полка. Приводится здесь список с сохранением его орфографии.

честве причастного был сам сотник, то дело перенесено было в следующую инстанцию — полковой суд, куда в апелляционном порядке поступали и решённые в сотни дела.

«1704 году апреля 8 числа в Харькове на уряде перед стольником и полковником Харьковским Фёдором Григорьевичем Донцом и старшиною перед судьёй Семёном Афонасевичем да пред отаманом городовым Матфеем Тихоновичем. Харьковского полку села Люботина жители полковой службы Яков да Петро Дмитренки припозивали отчима своего Фёдора Албоского За працу свою меновите за млин там же на речке Люботине. Да за працу свою, что они Яков да Пётр живучи с ним отчимом вместе робили и дбали около всякой домовой господарской работи Що по рассмотрении Его милости пана стольника и полковника Фёдора Григорьевича и по рассказанию Его и старшины... (слово неразобрано) по делу с того млина довелось дать им Якову и Петру по десять талере грошей, что тот млин они отчиму своему строить помогали дать велено, а с дворового набитку Петру велено дать пару волов и половину левады близько млина в гору им Якову да Петру владеть тое половину левады пополам, а третьому, их Якову да Петру старшому брату Данилу дать с того ничего не довелось того ради, что он в том с отчимом и с ними Яковом и Петром в господарстве ничего не робил: а он отчим его Фёдор Албовский своїм коштом одружил и дал Ему пару бочек пшеницы и пошёл он невідомо где и більше никакой части им выше писанным Даниле да Якову да Петру ничего дать не велено для того, что доводилось то они взяли и им бы Данилу да Якову да Петру его отчима Фёдора Албоского жёнам их и детям также матки своїй и детей отчимовых не турбувать ни в чём вечными часы в жадную наймєньшую речь не втручатись а буде хто з них Данила Якова да Петра или жёны их и дети мели б его Фёдора Албоского матку свою или детей их торбоват или чего впоминатись вини и впиратись павпорном полагаем взят вики (штраф) до шкатулки войсковой сто золотых. Що для певности и подтверждение и лист сей дан ему Фёдору Албоскому в Харькове в ратуше при печати судейской по рассказанию Его Милости стольника и полковника харьковского Фёдора Григорьевича и старшины»[236].

[236] Музей 4-го Уланского Харьковского полка.

Город Изюм, кто его первый построил. – Указ Гр. Донцу строить город. – Перенос города на новое место. – «Мнение» Гр. Донца. – Местоположение, климат. – Заселение г. Изюма. – Просьба харьковцев о назначении полковником Константина Донца. – Происки Гр. Донца. – Поездка К. Донца в Москву. – Грамота на полковничество. – Аттестация Донцов. – Свидетельство Г. Гербеля.

Главной заслугой Гр. Донца считается постройка и заселение новой «черты». Это большая его заслуга, он много потрудился над этим делом. Но, как говорилось выше, пальма первенства принадлежит не ему, а Я. С. Черниговцу. Особенно труден бывает первый шаг, последующие идут по инерции. «Булыклейский осадчик» преодолел много препятствий – он самостоятельно, не обладая для того средствами, построил несколько городков и далеко углубился в степи. Но город-то Изюм на «Изюмской сакме», на «Изюмском городище» построил Черниговец, а не Гр. Донец. Это не подлежит сомнению, подтверждается документами. Постройка городков Черниговцем относится к 60-м годам, до принятия Харьковского полка Гр. Донцом. В 1677 г. произошло присоединение Балаклейского полка с Харьковским. Черниговец, подаривший Москве немалую площадь земли и взысканный соболями и сукном, – за какую-то «полковую вину», думается подтасованную кн. Ромодановским и Гр. Донцом, сошёл со сцены.

На его место встал последний и энергично стал делать последующие шаги в деле заселения страны и её укрепления – строить города, проводить укреплённые линии. Но уже «по указу».

В 1681 г. Гр. Донец получил царскую грамоту, повелевавшую ему строить г. Изюм. Вот она[237]:

«Божьей Милостью Вел. Государя Царя и Вел. Кн. Фёдора Алексеевича всея Вел. и Мал. и Бел. России Самод. и многих государств и земель вост. и запад. и сев. отчича и дедича, и наследника, и государя, и обладателя Его Цар. Величества боярина и воеводы и наместник белгородский кн. П. И. Хованский с товарищи.

Вел. Гос. Его Цар. Величества харьковскому полковнику Г. Е. Донцу. По указу Вел. Гос. Его Цар. вел. строить ему, Григорию, на Изюме город *большой* и в тот город черкас и великих чинов людей с женами и детьми на вечное житьё призывать и милостью Вел. Гос. Его Цар. Вел. обнадёживать и давать им подводы[238], усадьбы и на пашню земли и всяких угодий, да тем же черкасом сказать государскую милость, что Вел. Гос, Его Цар. Вел. пожаловал – велел им дать во всяких податях и поборах и в подводах льготы на 10 лет и *воеводам у них* не быть (это особенная милость!), а ведать их ему Григорию и торговать у них русским людям на ярмарках

[237] Белгород. стол, столб. 1017, лл. 314–315, 334.

[238] Думается, что «подводы» здесь означает – помощ на переселение, подвезти, привезти.

беспошлинно, и которые построятся дворами, заводить им *шинки* против таких же черкасских городов, как торгуют и шинкуют в Сумском и в Ахтырском и в его, Григорьеве, полку в городах казаки; *и в полки их высылать не будут*, кроме того, что им оберегать тот г. Изюм от приходу воинс. людей, и дворами своими строиться на вечное житьё, а рус. служ. Людей и боярских холопей и крестья ему, Григорию, в тот город не принимать, а буде такие объявятся, и ему таких людей отсылать в те города, кто откуда пришёл – к воеводам и приказным людям велеть их давать с распиской и о том к боярину и воев. и намест. белгор. ко кн. П. И. Хованскому с товарищи писать, а в *новопостроенный* г. Перекоп на вечное житьё черкас велети ему, Григорию, приказывать Осадчему, кто в том городе будет, и льготы им давать против того же, как ему, Григорию, написано в сем листу. Писан в обозе в урочище у Высокого Боярка лета 7189 (1681) сентября 20 дня».

Царского Величества боярин и воевода и наместник белгородский кн. Пётр Иванович Хованский.

Этой грамотой приказывалось Гр. Донцу «на Изюме» (Изюмская сакма)[239] «строить город большой». В действительности Гр. Донец уже бывший городок (Изюм) на «нагайской», правой стороне р. С. Донца, перенёс только на новое, более удобное место и недалеко от его прежнего стояния, на той же Изюмской сакме. Примеры подобного переноса в той же Украине в том же Харьковском полку бывали. Так г. Валки, построенный в 1646 г., через 20 лет был перенесен на новое место (недалеко), поближе к воде. И перенос совершился просто и быстро – «валковские черкасы» «сами без помощи (перенесли) город и всякие крепости»[240]. Разобрали по брёвнышкам незатейливые свои хатки и не более затейливый острог и перетащили. Тихо и скромно, соболями за то не были взысканы и похвальных грамот не получили. Проделал то же с Изюмом и Гр. Донец, располагая только большими силами – всего полка, но проделал с большим треском.

Но, надо отдать справедливость Гр. Донцу, и самая мысль переноса, и постройки большого города на Изюме принадлежала ему же. Из книг описных и мерных новой черты по р. С. Донцу, составленных ген. Г. Косаговым в 1680 г., говорится: «Харьковский полковник Гр. Донец высказал мнение» – если Царь дарует льготы лет на 5, то город будет процветать, так как оттуда близко до Тора, куда торговые люди ездят за солью через перевоз на р. С. Донце именно в этом месте. Изюмская крепость служила бы «полевым городам» хорошей защитой от воинских людей - на перелазах будут сторожи. И над татарами оттуда было бы удобнее промышлять». Да и такому важному пункту, как Тор, снабжавший весь край солью, безопасно будет расширить свой промысел. А так как всё движение пошло бы через мосты в Изюме, то немалая польза была бы и казне государевой[241].

Это «мнение» обратило на себя внимание в Москве. Гр. Донцу и поручено было осуществить его план. В описании Косагова говорится: «Около устья Изюменки, от перевозу длина лесу и озёр 500 саж., а вверх того лесу по р. Изюму *до Изюмского городка* 1 в. 60 саж., в городке *казаков 70 дворов*, промеж сакмы Изюмской и *городка Изюма* в поляне на перевозе быть городу великому для изюмского перелазу и Торской дороги, а до Тору 20 вер.»[242]: ясное и категорическое свидетельство, кроме других, что городок Изюм уже существовал и что, следов., Гр. Донец перенёс[243] его на новое место и построил больший. Черниговец упредил других в оценке этого важного стратегического и экономического пункта.

---

[239] *Сакма* – собственно след от проведшего конного отряда. Сторожи, найдя в степи сакму, должны были немедленно давать о том знать в ближайший город. Если это была «сакма воинских людей, то, *объехав* ши и рассмотрев, сколько людей и какие и в какую сторону идут», то донесения должны были отправляться воеводе. В данном случае «сакму» надо понимать шире - это была как бы дорога, определенное место, по которой татары обыкновенно переходили Изюмское урочище.

[240] Белгор. стол, столб. 599, лл. 893-896.

[241] Д. И. Багалей. Матер. I, док. № 24.

[242] Там же.

[243] «Изюм с прежнего места перенесен»: Белгор. стол, столб. 1031, л. 668.

Г. Изюм построен на правой стороне р. С. Донца, где с левой вливается в него р. Мокрый Изюмец. Здесь стоял Изюмский Курган между р. Р. Берека и Ерка Каменная - урочище на р. Донце, где в XVI в., как на это есть указание, находилась сторожа и жили царские охотники; в следующем веке ни её, ни их уже не было. Город был построен правильнее и лучше других, уже по выработанному опытом плану, и скоро сделался самым многолюдным из украинских городов, а также и важной крепостью, защищавшей страну от татарских набегов. Северский Донец в то время был довольно значительной рекой, в старину же был ещё полноводнее – в нём находили громадные затонувшие лодки с такой осадкой, что плавание на них позднее уже было немыслимо. В XVII в. по этой реке сплавлялись «государевы будары» с хлебом и др. запасами. От Изюма уже было свободное судоходство.

Так, во время турецкой войны (1736–1739 г.) отсюда на «байдарах» люди, провиант и пр. везлись к устью Дона. Даже от Змиёва был «водяной ход» по Донцу, но впоследствии и эту прекрасную реку постигла участь всех местных. Черкассы понастроили излюбленные «млыны», возвели плотины, возвысили и засорили дно. И некогда полноводные реки обмелели, а многие и совершенно высохли. И уже в 1769 г. значится: «по реке Донцу судов ходу нет».

Около самого города есть урочище Кременец – высокая гора (800 фут.), усыпанная кремнями, господствующая над всей окрестной местностью. С неё открывается чудный вид на громадное пространство: далеко внизу извивается лента Донца. Берега его до сих пор покрыты лесами, тянущимися на многие тысячи десятин. В прежнее же время, когда строился Изюм, по р. Донцу и его притокам стояли дремучие леса. Знаменитая «Маяцкая Засека» доставляла Петру В. мачтовый лес. Под самым Кременцом раскинулся широкий низменный берег с бесчисленными озёрами, затонами и заливными лугами. Нужно думать, что Кременец служил укреплением с давних времён[244] у прежних обитателей страны. Город был построен именно у подошвы этой горы. Местность во всех отношениях благодатная, климат прекрасный и настолько мягкий, что с успехом зреют виноград и нежные южные фрукты.

Город и получил после герб – на золотом поле три виноградные кисти, символически объяснявшие название города. Изюм – сушеный виноград. Мы не знаем, почему сакма была названа Изюмской, и что это слово собственно значит. Если от изюма – сушёного винограда, то кто и когда его здесь сушил? Может быть, ничего невероятного нет – жители этого края, когда-нибудь и занимались разведением винограда и обращали его плод в изюм, как это делали и делают в Туркестане.

В Чугуеве, лежащем севернее, были «арбузные огороды» и «виноградный завод», доставлявшие в Москву плоды «на государев обиход»[245].

Гр. Донец получил приказ заселить Изюм черкасами; позволялось принимать выходцев из черкасских полков только «не служилых» и категорически запрещалось принимать русских. Если взять во внимание, что царский указ обещал не наказывать Изюмцев воеводами («для казака воевода – великая невзгода»), то население нового города являлось чисто малороссийским под управлением полковника – малоросса.

По известию 1682 г. в городе уже было свыше 300 человек населения – через год после указа. Но для большого города и для окончания постройки и соответствующих укреплений этого было очень мало. Видимо, черкасы считали обещание Донца о льготах, об отсутствии воевод и пр. простым «заманиванием» и шли не особенно охотно. Тогда Гр. Донец обратился к Царю с челобитной[246], в которой говорил, что и поселившиеся уже черкасы «допрашивают на тот г. Изюм милостивой обнадёживальной грамоты». «У меня, писал Гр. Донец, такой грамоты ныне нет, нет почему их черкас Твоего Вел. Гос. милостью обнадёжить и призывать. А как дана будет… в г. Изюм из украинских городов черкас призывать будет надёжно и людей на житье пойдёт много».

---

244 Труды XII арх. съезда, I, стр. 41.

245 Белгор. стол, столб. 438.

246 Там же, столб. 1017, лл. 23-26.

Полюбил Гр. Донец, видимо, свой Изюм, если просил позволить ему жить в нем, а «сынишке его Костке в Харькове». Город был тогда ещё не устроен, для жизни не представлял никаких удобств. Может быть, в заботе об охране и устройстве новой области он и желал быть ближе к месту деятельности. К тому же в Харькове его мог стеснять и воевода. Хотя он с ними и кумился, но всё же было лучше быть от власти подальше, в 134 верстах. С другой стороны Гр. Донец несомненно проводил в полковники своего сына. Конечно, ему было известно, что помимо его личной просьбы пожаловать сына наказным харьковским полковником уже не на время только, последует о том и просьба харьковцев. Почву он, конечно, подготовил. Царю и была подана челобитная «от всей старшины, сотников, урядников и всего полка рядовых казаков». В ней говорилось так: Гр. Донец «с которым верно и так долго уже служили и служим, хочет жить в Изюме для оберегательства. Нам же без полковника в Харькове быть не мочно», а потому, Милосердный Государь, пожалуй нас, «вели быть у водного (стросвого) полку в Харькове полковником сыну его Костятину»[247].

Разрешение последовало и приказано было: отцу жить в Изюме, но «писаться Харьковским полковником по-прежнему, а сыну – в Харькове[248] с условием во всём ему, Константину, быть послушну отцу своему, а сотников и казаков службою и расправою во всём ведать по их черкасскому обыкновению.

Но Гр. Донец не всё время жил в Изюме. В распоряжении о том произошла перемена. Отец поменялся местожительством с сыном и снова переселился, по приказу всё, в Харьков. 1685 г. застаёт Константина в Изюме, в котором он до конца жизни и остался уже.

Всё это необходимо было проделать для достижения намеченной цели. Гр. Донец старился уже. Константина он наметил изюмским полковником, Фёдора – харьковским. Стараться было из-за чего – это был верный путь к богатству.

Так как тогда не было вакантного места на полковника самостоятельного полка, то таковой нужно было создать. Это можно было сделать только путём разделения Харьковского полка на два. По занимаемой площади самым меньшим был Ахтырский, потом следовал Сумской полк. Большую территорию занимал Острогожский, всегда стоявший как-то в стороне от прочих черкасских полков. Область его тянулась узкой полосой с севера на юг, была вообще пустынна. С Харьковским полком она соприкасалась на севере вёрст на 40, а в остальных частях была отделена Воронежской губ. Земли Харьковского полка начинались скоро за г. Богодуховым и тянулись на юго-восток до впадения в С. Донец р. Красной, составлявшей границу, вёрст так около 250; ширина изменялась: в самой широкой части около 170 вер. Эти размеры приблизительны; на деле, верно, они были больше.

В январе 1685 г. Константин самостоятельно появился в Москве со свитой в 28 человек. С ним приехал полковой обозный И. Петровский, поп, 7 сотников, 3 сотенных хорунжих. Приехал К. Донец «видеть Их Царского Вел. пресветлые очи и бить челом... о полковых и о своих делех»[249].

Константину предстояло сделать для достижения цели самый важный ход, несомненно подготовленный отцом, побывавшим в Москве за несколько месяцев перед этим[250].

Константин принят был очень милостиво. 23 января изюмцы удостоились аудиенции. Когда казаки собрались и были «в передней», Цари пожаловали их, велели спросить о здоровье и службе отца его (Константина) и полку их старшин и казаков и милостиво похваляли». После были введены в палату и «были у руки»[251]. Такого же милостивого приёма изюмцы в тот же день удостоились у соправительницы «у Великой Государыни Царевны Софьи»[252]

[247] Там же, столб. 1017, лл. 23–26 и др.

[248] Там же, столб. 1031, л. 286.

[249] Там же, столб. 1031, л. 287.

[250] Там же, столб. 1031, л. 304.

[251] Там же, л. 316.

[252] Там же, л. 318.

Почёт немалый для наказного полковника и его казаков. Конечно, Цари – дети делали, что им указывали – всё же проделали бояре, задобренные предварительно Гр. Донцом.

Константин подал челобитную; в ней говорил, что в 1682 г. ему было приказано быть полковником «за отцовы и его службы»[253] и жить в Изюме, но что на это полковничество ему не дано было грамоты. Он и просит теперь дать ему таковую «против его братии черкасских полковников». Следов., Константин считал себя равным представителям самостоятельных полков, когда он сам ещё был вице-полковник, подчинённый харьковскому, хотя бы и отцу. Проделал смелый шаг, а смелость города берёт! Далее, он просил ближайшие к Изюму города[254] причислить к его *вновь образуемому самостоятельному полку*. Предрешал, значит, резолюцию! Он писал ещё в челобитной[255], что приехал с разрешения воеводы Шеина (курский областной воевода, которому был подчинён и Белгород) и с ведома своего отца, так как он в просьбе о разделении Харьковского полка «челобитчик же», «потому что живёт в Харькове, а я живу на Изюме и с ведома его в походы… хожу и тамошних мест оберегаю».

Хлопоты шли гладко, на следующий уже день после приёма[256] последовала резолюция, что Вел. Государи и сестра их «слушали сей выписки и пожаловали» – К. Донцу было «велено» быть изюмским полковником (хотя всё-таки «с его отцом Григорием вместе»), а также и приписать к его полку просимые им 13 городов с 2 200 казаками. Наконец, «дать ему на полковничество государскую жалованную грамоту с оттворчатою красною печатью».

Таким образом положено было начало Изюмскому черкасскому казачьему полку, а, следов., и теперешнему его прямому потомку Изюмскому гусарскому. Подлинная грамота была вручена Константину в Москве лично[257]. На нижеприводимой грамоте Гр. Донцу сделана пометка: «такова Вс. Гос. грамота отдана полковнику Констант. Донцу»[258]. Следов., грамоты были тождественны.

«От Царей… черкас. Харьковскому полк. Григорию Донцу. пожаловали Мы, Вел. Гос., сына твоего Константина за твои службы, велели ему у того же Харьк. п. быть полковником с тобою вместе, а для береженья того полку и украинных городов и для скорых сборов и походов жить ему, Конст., в новопос. г. Изюме и в полку у него быть старшине и урядником и казаком изюмским (и т. д.)… всего 13 городов. И на то полковничество дана ему, Конс., из Розряду наша государская жал. грамота за нашей гос. оттворчатою красною печатью, а в Курск к боярину нашему и воеводам к А. С. Шеину с товарищи Наша Вел. Гос. грамота для ведома о том послана же. И как к тебе ся Наша Вел. Гос. грамота придёт, и ты б, видя к себе нашу государскую милость и впредь Нам, Вел. Гос., служил потому ж со всякою верностью и службу свою совершал свыше прежнего и сына своего, Конс., держал во всякой верности и на всякое добро приводил и служить учил и приказывал ему, чтобы он полку своего к старшине и к казакам был ласков и с ними служил Нам, Вел. Гос., верно со всяким прилежным радением и чистым намерением безо всякого сомнения, а о полковых и всяких наших госуд. делах промышлял и новопостроенной черты и тамошних всех мест от приходу неприятельских людей оберегал ты с ним, Конст., вопче.

Писан в Москве лета 7193 (1685) генваря в 30 день». Конст. Донец просил ещё пожаловать его «государским *знаменем*», а также дать литавры и *походные* пушки. Их нет в полку, а «без того быть невозможно». *До этого времени*, прибавлял Конст. Донец, *знамёна и литавры в черкасские полки Царями не бывали жалованы*. К сожалению, неизвестно, была ли просьба исполнена тогда же. На челобитной такая только пометка:

---

[253] Там же, л. 293.

[254] Всех 13: Лиман, Бишкин, Андреевы Лозы, Балаклея, Савинск, Торские озёра (Тор), Маяцк, Цар. – Борисов, Сенков, Острополье, Купное, Двуречье, Каменка.

[255] Белг. ст., столб 1031, л. 295.

[256] Там же.

[257] Там же, л. 299. Приложение II, ст. 225.

[258] Там же, л. 299.

«И по челобитью Харь. наказного пол. Конс. Донца Вел. Государи что укажут» А в докладе: «В годовой сметной росписи нынеш. 193 (1685) г. написано: г. Изюм построен в 189 (1681) г. за р. Северским Донцом с крымской стороны; в том городе жителей черкас 493 чел., детей у них и всяких свойственников 40 чел., по городу наряду 4 пищали, в том числе 2 мед., 2 жел., к ним ко всем 222 ядер (и) 4 пищ. затинных».

«Дело», откуда черпаются все эти сведения, заканчивается след. интересной заметкой:

«Белгородского полку черкасский полк. Гр. Донец служил Вел. Государям многие годы всякие их государские службы и над воин. людьми и над изменниками черкасы промыслы и поиски чинил. Да он же Гр. Донец по Бел. черте сделал многие земл. и дерев. Крепости многие города и слободы построил и людьми населил, и ныне и в те места призывает черкас на житьё, и новой черты и тамошних мест от приходов неприятельских людей оберегает и их государственными всякими делами промышляет с большим раденьем. С ним же Григорием служил сын его Константин наказным полковником и по его Григорьевым посылкам во многих походах за военными людьми полку своего с казаками ходил и языки имал»

Таковая была аттестация Донцов.

На Григория Ерофеевича сыпались и сыпались награды. В прямом смысле он сшил себе шубу из пожалованных соболей, а в переносном – нахватал правдой и неправдой массу земли, составил огромное состояние. Проделки его до Царей ещё пока не доходили. Они его пожаловали даже придворным, почётным званием стольника (конец 1687, или начало 1688 г.).

Итак, несомненно, Изюмский полк, как единица, возник в 1685 г., хотя до смерти Григория Ерофеевича и оставался в зависимости от последнего. Сомнения во всём этом быть не может. Тем не менее Г. Гербель пытается доказать зачем-то, что полк Изюмский возник раньше других черкасских. Он говорит:

«Во всяком случае, по времени поселения Изюмский полк, за исключением Рыбинского, *бесспорно* есть самый старый из всех слободских полков, что свидетельствует Конисский, Маркевич и др.».

В доказательство своего «бесспорно» Гербель приводит «Историю Руссов» (памфлет, так долго вводивший в заблуждение многих историков; автор этой мерзейшей истории неизвестен, долго им считался могилевский епископ Г. Конисский) и «Историю Малороссии» Маркевича. Последний ничего нового не сообщает, а слово за словом перепечатывает, *без указания на источник*, 104 стр. «Истории руссов». Г. Гербель этого не заметил. К сожалению, он не указывает, какие это «и другие» источники, откуда он почерпал свои «бесспорные» сведения.

Полковник Кон. Гр. Донец недолго пережил своего отца. Раненый в сражении, он умер в 1692 году.

Безрезультатные жалобы на полковника Гр. Донца. – Захват мельницы. – Корыстолюбие других черкасских полковников. – Просьба завести смоляной завод. – Отказ. – Запрещение рубить лес. – Просьба казаков Ахтырского полка сменить полковника.

Многолетняя и плодотворная деятельность Гр. Ер. Донца, как воина и колонизатора, создала ему славу. Москва высоко ценила подобного рода людей, так как и сама всеми бывшими в её распоряжении средствами стремилась отодвинуть как можно дальше и закрепить за собой зарубежные окраины. Цель всего этого было смирение Крыма. Потому она ласкала и награждала людей, подобных Гр. Донцу. Будучи неумолима в наказании провинившихся вообще, она тем не менее смотрела сквозь пальцы даже на крупные грехи черкасских полковников. А из последних, кажется, безгрешным был только один Я. Черниговец. Но его устранили, чтобы дать место человеку с более широким размахом.

На Гр. Донца, как и на других полковников, подавались частые жалобы Царям. Хотя им и давался ход, расследование приказывалось делать, но обыкновенно из этого ничего не выходило. По крайней мере, отношение Москвы к Гр. Донцу не изменялось, и он продолжал быть в фаворе и силе. Гр Донец отписывался, воеводы его поддерживали. Это видно из всех челобитных обиженных им, писавших Царю, что он, Григорий, слал «ложные челобитные», «утаивал» и пр. В таких случаях обыкновенно просили они слать свой указ мимо харьковского воеводы, потому что харьковский воевода ему, Григорию, зять». Ведь за этим-то простым указанием и таится вся суть. Здесь кум, там зять! Где этого не было, обделывалось всё нужное с помощью «поминок», «посулов», на которые так жадны были дьяки и повыше.

Несколько человек детей боярских[259] жаловались на Гр. Донца, что он, «промыслом и мочью» завладел их землёй, запись на которую сгорела при разорении деревни во время бунта на Украине. Землёй они владели по отводу долгое время. Лежала она около вотчины Гр. Донца и нужна ему была, должно быть, для округления. Для того, чтобы придать захвату законное основание, Гр. Донец предварительно обратился с просьбой позволить ему занять землю как лежавшую «впусте»; прежние жители-де сошли с неё. Из Белгорода прислали ротмистра Победииского проверить это обстоятельство Последний сделал «обыск» и донёс, что прежние владельцы – кто сведён, кто бежал, кто умер, что земля действительно «впусте», и укрепил её за Гр. Донцом, так как в указе приказано было это сделать, если земля окажется никому непринадлежащей.

После этого Гр. Донец уже «мочью» выгнал владельцев. Тогда-то дети боярские и подали челобитную и в ней по адресу полковника высказывали много нелестного.

На захваченной земле Гр. Донец успел уже, при содействии волокиты, построить «мельницы, хутора, пасеки и рыбные ловли и всякие заводы большие и населить крестьяны». Чем всё

[259] Белгор. стол. столб. 1095, лл. 153–154.

это собственно закончилось, не знаем, но стольник вышел сух из воды и обиженных, верно, посечили в другом месте.

Донской казак Кузьма Сытин купил у харьковского черкаса Цепковского мельницу на р. Уды «со всем строением»; благополучно владел ею уже два года (1688 г.)[260]. Из челобитной Сытина узнаём, что Гр. Донец «купленную мельницу отнял... занапрасно, неведомо по какому указу и с той мельницы... взял размерного хлеба 8 чет. пшена, 8 чет. пшеницы, 5 чет. гречихи, 5 чет. солоду, 20 чет. ржаной муки».

В приведенном первом примере Гр. Донец предварительно обманом заручился позволением якобы на пустую землю, а уже после прибегнул к силе. В данном же случае проявил одну только силу и явный грабёж.

Неизвестен результат и этой жалобы на Гр. Донца.

Нельзя допустить, чтобы эти жалобы не имели твёрдого основания. Не отважились бы простые казаки не только лгать, но даже преувеличивать. В таком случае стольник в союзе с зятем-воеводой показали бы им разные пристрастия. Обе жалобы были поданы в один год (1688) после пожалования Г. Донца почётным званием. Может быть, он, «видя к себе такую неизреченную милость», почувствовал себя сильным и расходился. Верно, таких жалоб было и немало. А сколько таких неблаговидных поступков могло быть и не обжаловано, страха ради перед сильным человеком! Если полк. Донец не боялся применять силу, производить грабежи, то он способен был, есть полное основание это допустить, и на многое иное прочее в том же корыстном духе. Гр. Донец не был исключением. Из жизни Сумского полка известен подобный же случай подачи Царю челобитной о пожаловании двух деревень, будто бы населённых «вольными людьми»[261], оказавшимися на самом деле «казаками городовой службы». По обнаружении обмана (а сколько их не было обнаружено; сколько, таким образом, деревень обращалось в вотчины!), последовал указ о составлении в Сумском, Ахтырском и Харьковском полках «годовых книг», о числе в каждом полку «всяких чинов людей», кроме полковых казаков[262].

Обладая уже очень многими землями, мельницами, хуторами, деревнями, Гр. Донец на другой год после жалобы на него (1689 г.) обратился с просьбой позволить ему на р. Мерефе в лесу «завести смольчужный стан» и делать «для пополнения их, Вел. Государей, службы смольчуг». Для пополнения службы – т. е., чтобы было на что купить коней, оружие и во что одеться и прокормиться с семьёй! Бедный стольник! Воевода дал ему на это указ от себя, позволил. Но Гр. Донцу захотелось не указа, а царской грамоты, да ещё с печатью – «на вечные часы».

О ней он и обратился в Москву. Но для дачи грамоты нужен был доклад Царям. Цари «слушали» эту челобитную во время «своего государского похода в Троицко-Сергиевский монастырь» (30 сентября 1690 г., год начинался с 1 сент.) и приказали «отказать».

Царь Иоанн ни во что не вмешивался по слабости здоровья, Петру же, после события в ночь с 7 на 8 августа 1689 г., обратившего правительницу Софью в монахиню, было не до смольчугов какого-то там казачьего полковника. На этот раз, верно, Гр. Донец не заручился содействием бояр, окружавших трон и часто тогда сменявшихся. И на просьбу Гр. Донца посмотрели довольно сурово, а также и вообще на его, несвойственные воину, занятия. Не только было запрещено «в лесных угодьях смольчуг и поташ делать», а приказано было отобрать и прежний разрешительный указ, чтобы «он тем смольчужным и поташным делам и заводами лесных угодий и крепостей не опустошил..., а нёс бы он службу свою и сам прокормление имел с вотчин и мельниц своих, которые он за собой по их государской милости имеет».

Москва очень дорожила лесом, хорошо понимая важное его значение для края. В 1647 г.[263], на другой год после возникновения Валок, напр., последовал указ, запрещавший рубить лес по Донцу,Ворскле и др. рекам. И действительно, леса при заселении края сыграли первенствую-

---

[260] Там же.

[261] Там же, столб. 1224.

[262] Там же, столб. 1224, л. 229.

[263] Там же, столб. 728, лл. 1–7.

щую роль. Они доставляли строительный материал, что самое важное – они являлись уже сами по себе надёжной защитой для поселенцев. Лес давал возможность легко устраивать засеки – этот древнейший вид укреплений, упоминание о котором восходит ко времени Владимира Св.

Вместе с отказом Гр. Донцу, приказано было расследовать, не проделывается ли того же с лесами, т. е., нет ли таких прибыльных для владельцев и опустошительных для края заводов у ахтырского полк. Перекрестова, а если есть, то по какому указу ему то позволено. По справке оказалось, что «пополнения службы и пожитков» проделывал тоже самое и «Перехрест» в своём «заимочном» лесу. Перед этим он даже просил, чтобы ему было разрешено заниматься этим прибыльным делом даже беспошлинно (не платя 10-й бочки в казну).

У Перекрестова были и стеклянные заводы; он широко вёл коммерческие дела. Предосудительным поведением, поборами и вообще преступностью Ив. Перекрестов довёл своих подчинённых до того, что они (1692 г.) отправили в Москву депутацию в числе 27 чел., жаловаться на своего «Перехреста». Ещё раньше расследования по злоупотреблениям полковника вёл дьяк Тарасов. Депутаты прежде всего просили «не велеть розыску (этого) дьяка поверить». Дьяк, подкупленный Перекрестовым, вёл розыск неправильно. Жалобы свои ахтырцы изложили в 26 пунктах. Обвинения все носят характер жадности, несправедливости, захвата чужого, жестокости и пр., и пр. Словом жид, как на ладони. Ахтырцы просили «выслать из местностей его на житьё в иной город». Просили назначить Романа Кондратьева, сына сумского полковника. Но и за этим кое-что числилось, не совсем был чист на руку[264]. Сына поддержал отец, часто ездивший в Москву. В 1691 г. последовал было уже указ о назначении Романа Кондратьева[265]. Вражда кипела, пошли подкупы в ход, и Перекрестов восторжествовал. Ахтырцы снова выбрали его «повольными голосами»; не пожалел, видно, казны своей полк. Перекрестов.

Ахтырцы так мотивировали непрочность своих убеждений: «а оприч его Ивана Перекрестова промеж нашей братии старшины и казаков такого *прожиточного* и разумного человека в полковниках быть некому»[266]. Неблестящий же подбор был в полку! Перекрестов был человек заведомо порочный, к тому же ие к лицу ему было носить полковничий пернач вообще!

Прошло безнаказанно для Перекрестова и нанесение бесчестия стольнику кн. Волконскому[267].

Много можно было бы привести примеров серьёзных злоупотреблений, к которым причастны были черкасские полковники и пр. старшина. Но чтобы составить понятие, довольно и этого. Гр. Донец, если не был лучше, то уже во всяком случае не хуже других.

Если бы, к сожалению, не это всё, и мы были бы склонны сложить в честь Гр. Е. Донца хвалебную оду; во всяком случае за ним есть много заслуг, и с ними нельзя не считаться.

---

[264] Д. И. Багалей. Матер. 1, докум. № 42.
[265] Белгор. стол, столб. 1023, лл. 590–602.
[266] Д. И. Багалей. Матер. 1, докум. № 43.
[267] Белгор. стол, столб. 1267, лл. 398–405.

Крымские татары. – Вооружение татар. – Внезапность нападений. – Численность нападавших отрядов. – Набег на Балаклею. – Невольничьи рынки. – Участь пленников. – Маяки. – Распространения тревоги. – Нападение на Харьковский полк. – Похвальная грамота Гр. Донцу. – Набег 1680 г. – Царская грамота. – Комета. – Набег 1691 года.

Владения Киевского княжества, стоявшего во главе других русско-славянских, постепенно расширялись.

Под ударами первых князей-витязей начали склоняться и дикие кочевники. Русь постепенно крепла, несмотря даже на внутренние раздоры.

Всему этому положен был предел татарским нашествием. «Три века усилий, попыток цивилизации исчезли в вихре пыли, поднятой копытами ста тысяч коней». И несчастная Русь, склонив в бессилии порабощенную голову, надолго остановилась в росте.

Если погиб один центр, вокруг которого могло сложиться государство, то незаметно стал вырастать другой, поставивший своей целью собрать воедино русские земли и сбросить с Руси позорное иго азиатских пришельцев. Вначале задача была не по силе. Но в могучей Золотой Орде началось разложение, она распалась на царства. На подготовление к завоеванию их ушло три века слишком. Но окончательные счёты наши с татарами завершились спустя ещё два столетия.

В Крыму и по берегам Чёрного и Азовского морей засели остатки орды, сохранившие ещё самостоятельность. Благодаря отдалённости и трудности прохождения необозримых степей, татары долго были неуязвимы. И, пользуясь этим, причиняли неисчислимый вред своими набегами Польше и России. Но крымцы, потомки некогда грозных завоевателей, сильно уже измельчали.

У них была одна цель и стремление – грабить; других целей – «государственных» они не преследовали и обратились в такую «сволочь, о которой в наше время трудно составить и понятие».

Мартын Бельский, современный польский летописец, так изображает крымских (и ногайских) татар XVI в. (перевод наш): «Татары – ничтожнейший народ; едва половина из них имеет луки; панцырей и иного вооружения не имеют, только в сермягах бродят. У кого нет оружия, тот кобылью кость привяжет к палке – вместо оружия – и с тем так и едет. Ничем другим не берут, только быстротою своею, и ещё тем, что могут переносить великие невзгоды, ни голода, ни жажды не боятся, три дня могут обойтись без воды и пищи. Кони их также, поев одной травы с росой, могут в час пробежать несколько миль в большом отряде; каждый из них имеет нескольких лошадей в поводу. Когда конь пристанет, татарин пересядет на другого, а приставшего бросает, а если он сытый – зарежут и разорвут между собою, как собаки».

Из многих свидетельств, вопреки описания Бельского, видно, что татары, кроме луков, были вооружены саблями, копьями[268]. При частых и успешных набегах на Польшу, татары могли постепенно хорошо вооружиться. В Польше, как поет Мицкевич, была убогая домашняя об-

[268] Белгор. стол. столб. 1052, лл. 148–153.

становка, но зато можно было выбрать прекрасные сабли, щиты... Из ведомостей о погромах на Украйне видно также, что татары не упускали случая забирать оружие.

И вот, этот «подлый» народ, сам по себе представлявший ничтожную силу, как войско, приносил России и Польше в течение долгого времени такой вред, который не поддаётся никакому учёту.

Со времени поселения черкас в новых местах они, как непосредственные соседи, хотя и отделённые степями, подвергались безпрестанным нападениям татар. А в промежутках тяготел страх перед ними. Это вечно напряжённое состояние не позволяло заниматься мирным трудом, а всю силу и энергию тратить на постройку укреплений, и на несение разведывательной службы.

Несмотря на это, татары умели так внезапно появляться, что подготовиться к их нападению обыкновенно не было почти возможности. Оружие буквально не выпускалось из рук. Особенными в этом мастерами были ногайцы, нападавшие всегда небольшими партиями. Они осторожно взъезжали на курганы, выглядывали, где паслись стада, где работали люди. Как ветер, налетали. В случае неудачи, быстро исчезали, чтобы попробовать счастья в другом месте.

Тяжёлое положение увеличивалось, когда получалось известие о движении татар большими силами. Распространялась тревога, от города к городу неслись вестовщики. Из Москвы сыпались указы «о крепкой предосторожности» и так часто, что архивы переполнены ими. В 1646 г., например, жители окрестностей Курска и Рыльска, получив предупреждение, но не видя признаков скорого появления татар, не «побежали тотчас» (в города) и все были перебиты, или взяты в плен[269].

Будучи ловкими и дерзкими в деле внезапных нападений, татары вместе с тем были трусливы. Когда казаки успевали выйти им навстречу, они уже переставали быть страшными, если не были сильнее раз в десять; они уклонялись от боя, что сделать им было легко на быстрых и неутомимых конях, и делались неуловимы. Догнать татар было нельзя – кони их были много быстрее казачьих.

Татары избегали делать нападения во время безснежных зим и гололедиц – лошади их кованые на рог, скользили. Но рядом с этим излюбленным временем года для набегов была зима, когда «крепли» реки и болота. Но и летом даже такие широкие реки, как Днепр, не служили для татар преградою. Будучи налегке, без обоза, они легко их переплывали. Если реки служили препятствием, то при обратном шествии, когда награбленную добычу и пленных нельзя было переправлять на тех утлых плотиках из камыша, которые они связывали для своей одежды и оружия.

Если крымцам приходилось иногда вступать в бой в открытом поле, они прибегали к разным ухищрениям, чтобы поставить неприятеля в худшие условия – чтобы ветер и солнце были ему в глаза. Подскакав, они пускали тучу стрел, и разсеивались. Стреляли же из лука очень метко. Татары не любили нападать на укреплённые городки. Жители легко могли отсидеться, но и это обходилось недёшево – татары рыскали по окрестностям и всё предавали огню.

Численность нападавших отрядов была различна. Когда сам хан шёл в поход, с ним была целая орда: но чаще набеги предпринимались сравнительно небольшими шайками – до нескольких сот всадников. Подобравшись к селению, татары делились на две половины, одна служила резервом другой, грабившей. Весь залог успеха лежал во внезапности нападения. В 1690 г., например, татары среди бела дня ворвались в гор. Изюм, хорошо укреплённый и оберегаемый, и принялись грабить, и именно в то время, когда жители мирно выходили из церквей.

Вблизи Балаклеи около «протопоповской гребли» приютилась небольшая деревня. Однажды, когда всё было тихо кругом, на свою мельницу приехал протопоп балаклейский в сопровождении почему-то настоятеля Святогорской обители. Жизнь казаков текла своим обычным порядком. В одной из хат сидело несколько человек. Вдруг послышался какой-то шум, в открытое окно просунулось копьё и им был «сколот» архимандритский «челядник». Около окна показалось свирепое лицо татарина. На мгновение все онемели от полной неожиданности. Но скоро поднялась тревога во всей деревне; казаки повыскакивали из хат. Один из них, полковой казак, Харьковского полка Шпак, удачным выстрелом из «рушницы» положил на месте татарина, ударившего копьём в окно. Татар оказалось немного. Нападение горсти вблизи города, где была целая строевая сотня казаков, к тому же среди бела дня, доказывает, какова была дерзость

---

[269] Там же, столб. 358, лл. 155–159.

татар[270]. Грабители принялись было за свою работу, пытались захватить пленных. Протопоп с архимандритом «едва отбились». Встретив вообще отпор и боясь, конечно, погони из города, татары умчались в степи. Сотня действительно погналась, но, конечно, «не дошла».

Случай этот интересен, как характеристика жизни пограничных поселенцев. Какой переполох поднимался в крае каждый раз после даже такого неудачного и незначительного налёта! Весть о приходе татар понеслась и дошла до Харькова (1684 г.) значительно преувеличенной что-де татар было очень много, что они «выбрали» всю деревню и пр. Получив такое донесение от змиевского сотника, полк. Гр. Донец по «тем вестям» немедленно выступил в поход с бывшими у него под рукой казаками, забирая ещё таковых по дороге. Рядом с этим он разослал приказ всем сотникам, чтобы они «с лучшими с конными казаками» шли за ним наскоро.

Уже по дороге обстоятельства выяснились, и полковник возвратился обратно в Харьков. Но появление татар вызвало переписку по всей черте и во всём полку. Донесено было и в Москву, откуда также прислали воеводам указы «жить с великим бережением» и «проведать», какие это были татары, крымские или азовские.

На деревню около Балаклеи напало немного татар, но они рыскали по Украйне партиями в несколько десятков человек, даже по несколько, а то и в одиночку охотясь на жителей, подстерегая их по дорогам.

По свидетельству Боплана, татары, наметив для нападения слободу, бросались на неё со всех сторон, назначив предварительно четыре караула следить, чтобы ни один из жителей не ускользнул, пользуясь темнотой. А чтобы было светло, зажигались крайние строения или раскладывались костры. Забирали в плен, убивали обороняющихся, грабили всё, что попадало под руку, и складывали на возы, взятые у жителей же. Угоняли весь скот, кроме свиней. Последних, загнав в строение, сжигали – к ним они, магометане, питали отвращение.

Покончив с грабежом, татары спешили уйти поскорее, насколько позволяла добыча, в свои привольные степи, но уже другим направлением.

Углубясь далеко в степи, где чувствовали себя в безопасности, татары останавливались табором на довольно продолжительное время. Здесь делили награбленное, делили пленных. Муж делался достоянием одного, жена – другого. Татары предавались дикой радости, кричали, пели своими отвратительными гортанными голосами. Эти радостные крики сливались с криком отчаяния насилуемых женщин, детей, которых они тут же подвергали мучительной операции обращения христиан в «басурманы». И не поддающуюся воображению картину представлял собою табор этих дикарей. Но иногда, хотя и редко, картина менялась – налетали казаки, беспощадно истребляли татар и разрезывали «лыко» у ликующих пленных, хотя и поруганных уже!

Одним из значительных невольничьих рынков был г. Азов – генуэзская фактория XV в. (Тина). Пленные в Крыму составляли главное богатство, ханы взимали с этого промысла пошлину. Занимался торговлею рабов и г. Козлов (Евпатория): центром же главного торга была Кафа в Малой Азии.

Пленников, уводимых татарами, ждала горькая судьба. Молодые девушки и женщины поступали в наложницы, или из Крыма разсылались по разным невольничьим рынкам; мужчины же и некрасивые женщины несли тяжёлые работы. С ними обходились жестоко.

Сильных пленников ждала особенно горькая судьба – их засаживали на турецкие галеры. По-турецки они назывались кадригой, по-русски – каторгой.

Это было первобытное римское судно без всяких усовершенствований, длинное, узкое, очень низкое, двухмачтовое, шедшее одновременно и на вёслах. Вдоль палубы шёл узкий возвышенный помост, ниже которого справа и слева поперек устроены были скамьи для гребцов. Три или четыре гребца, прикованные к скамье, приводили в движение одно весло, опиравшееся на подставку сверху палубы.

Турки себе преспокойно плыли, а «бедные невольники» делали своё дело, неся по волнам своих тиранов, часто в битву против своих же братьев. Для поощрения невольников били

[270] Там же, столб. 1052, лл. 148–153.

по спине прутьями – «червоной таволги», для чего спины гребцов до пояса были обнажены. Молча, с глубоко затаённой ненавистью, сносили всё это несчастные жертвы варварского века. Отдых был, когда каторга стояла у пристани. Единственным лучом надежды на освобождение была встреча галеры с запорожскими чайками и победа казаков. Казаки для пленников, не могших надеяться на выкуп, являлись единственными спасителями. Нередко они – эти славные рыцари-сечевики-запорожцы – вносили разгром в самый Крым, освобождали пленных, часто подстерегали возвращающихся из набега татар и отбивали яссир. Особенно знаменит был в этом кошевой Ив. Д. Серко, хотя и кратковременно, но бывший полковником харьковским.

Немудрено, что народ чтил казаков, посвятивших себя борьбе с монгольским миром. Память об этих героях живёт до наших дней. «Тяжка неволя турецка», самые цепи – «кайданы» не умерли до сих пор в памяти народной, когда всё это давно ушло в глубь веков. Народная поэзия восхваляет казака-избавителя, а устами невольников посылает горячую молитву: «Ой, вызволь, Господи, нас всех бедных невольников з тяжкой неволи турецкой, с каторги басурманской на тихие воды, на ясные зори, у край весёлый, в мир хрещенный! Выслушай, Боже, в просьбах щирых, в несчастных молитвах нас, бедных невольников!»

Целые десятки тысяч подобных мучеников приводили татары из Польши и Руси.

Некоторым «полонянникам» удавалось иногда убегать ещё с дороги, из Крыма, даже из Царырада. Убегали иногда даже женщины.

Пленные бывали выкупаемы родственниками. Купив фирман (пропуск), пускались они по Крыму и Турции искать своих близких, переходя с одного рынка на другой. В Московском государстве был даже особенный «полонянночный сбор» с народа для выкупа пленных. За человека платилось от 100 до 15 р.[271]

Тяжёлое житьё было на Украйнах. Налетят неожиданно на деревню татары, разграбят, сожгут, уведут в плен. Казак, собираясь в поход, прощался с семьёй, как навсегда. Если он не оставался на поле битвы, не попадался в плен, то, возвратясь, часто находил родную деревню сожжённой, а жену и детей уведёнными в неволю.

Женщины обыкновенно назад уже не возвращались, при недостатке денег выкупали только мужчин, нужных для государевой службы. Татар обыкновенно в плен не брали, а истребляли. Сам татарин предпочитал смерть плену. И размена пленных поэтому почти не бывало.

Правда, пленных нередко отбивали. Казаки бросались за грабителями в погоню; обременённые добычею татары не могли уходить быстро. Было необходимо только, чтобы тревога возможно скорее распространилась по краю. Для этого прибегали к сигнализации – «маякам».

Как именно устраивались они в черкасских полках, нет точных, современных описаний. Но черкасы, переселившись в Придонецкий край, не изменили, по крайней мере скоро, прежнего уклада своей жизни. Запорожцы же и пограничные украинские казаки делали свои сигналы («фигуры») по свидетельству очевидца, Коржа, так: каждую фигуру (маяк) составляли из 20 смоляных бочек: на землю ставили в круг 6 бочек, оставляя в середине пустое место, на них новый круг из 5 и т. д.; на самом верху ставилась одна бочка без дна; приделывался блок, по которому спускался до земли внутрь фигуры засмоленный шнур, другой его конец свешивался снаружи и тоже до земли.

Как только посланные на разведки казаки открывали приближение татар, один из них скакал к ближайшему маяку и зажигал его с помощью упомянутого шнура. Маяк легко и быстро загорался. Заметив этот зловещий сигнал, дежурившие при других маяках зажигали свои. И, таким образом, тревога в один день распространялась по краю на очень большое пространство. Жители готовились к отпору, убегали под защиту крепостей, прятали в укромных уголках имущество, а строевые сотни спешили на встречу врагу.

Маяки приносили известную пользу, когда нападение делалось небольшими отрядами татар.

При нападении же огромными силами ничто уже не могло спасти несчастных жителей от разорения и плена.

Уложение Царя Алекс. Мих., гл. 8, §§ 1-7.

В 1672 г. полковник Гр. Донец разбил татар под Мерефою и взял в плен их предводителя. В следующем году татары приходили под Печенеги, Малиновку, и Андреевы Лозы.

В 1678 г. крымцы совершенно разрушили Савинск и д. Двуречное.

В 1679 г. продолжалась война России с Турцией («чигиринские походы»), хотя она и свелась к оборонительным только действиям. По всей вероятности набег татарской орды летом этого года преследовал цель отвлечь силы русских к юго-восточным границам. Действительно, белгородские полки поэтому остались на своих местах. Но турки почему то этим, благоприятным для них обстоятельством, не воспользовались.

В июле и августе крымские и ногайские татары в числе более 8 тысяч сделали набег на Чугуев, Печенеги, Ольшану, Салтов, Балаклею, Серковку, Соколов и др. Подходили они и под Харьков. Движение орды было, вероятно, замечено вовремя, так как Гр. Донец получил приказание «быть в сходе»[272], стоять «в поле» и оберегать города, «которые за чертой».

Но татары обманули сторожевых казаков – прорвались и захватили пленных. Гр. Донец догнал их, бился с ними «в разных числах и местах», «многих побил, в реках потопил и разогнал по лесам».

Пленные и добыча в этот раз были благополучно отбиты. И взято было в плен, но всего несколько татар.

Гр. Донец рассеял и выгнал главную часть орды. Но татары, переправившись через р. Мож, снова стали собираться с намерением возобновить набег, предполагая, что казаки, отразив удачно нападение, ослабят наблюдение. От полковника это не ускользнуло – он пошёл за ними за р. Мож и гнался до р. Берестовой. Татары спешно уходили, на р. же Орели простояли 7 дней. «Самые же лучшие» из них – тысяча человек – отделились и 4 августа «изгоном» появились под Мурафой, Соколовым и снова захватили пленных (шла уборка хлеба) на полях и отогнали было стада. Но мурафенский сотник весь полон и добычу отбил и много татар истребил на переправах через реки. Преследовать остальных татар послан был сотник Могилка.

В нападениях этого года татары проявили необычное для них упорство; но они, главным образом, преследовали на этот раз цель – отвлечь силы русских.

За успешную борьбу с татарами в этом году Гр. Донец получил от Царя грамоту «с милостивым словом и похвалою»[273], а также соболя и сукно. «От Царя и Вел. Кн. Фёдора Алексеевича.. Харьковского полка Г. Донцу. Писал к нам, Вел. Гос., стол. Наш и воев. кн. Я. Барятинский с товарищи: июля-де и августа в разных числах приходили от Азова крымские и нагайские татаровя 8000 и больше под Чугуев и под Харьков и под иные тамошни города, которые за чертою; и ты-де по их посылке полку своего с казаками с теми татарами в разных числах и местах бились и, дошед их, разбили и разогнали по лесам, и многих побили и в реках потопили, а с русской взятой полон и лошади, и скотину у них отбили. Да на тех же боях в языцях взяли в разных числах 22 чел. татар, и прислал к ним в полк к кн. Якову с товарищи, а они тех взятых татар прислали к Нам, Вел. Гос., полку ж твоего с сотником и казаками, которые с тобою на тех боях были и тех языков имали, а ты к Нам, Вел. Гос., о той своей службе писал же. И Мы, Вел. Гос., за ту твою службу жалуем тебе и полку твоего казаков, милостиво похваляем, да за тож твою службу Нашего гос. жалования послано к тебе с Матвеем Щелковым 5 ар. сукна алого цвету, камки жёлтой 10 ар., гафты алой 5 ар., пара соболей; а присланные с теми языки полку твоего сотник и урядник и казаки за ту службу Нашим гос. жалованием пожалованы же деньгами и сукнами, н тафтами, и соболями и с Москвы отпущены. И как к тебе ся Наша Вел. Гос. грамота придет, и ты б, видя к себе Нашу гос. милость и жалование, и впредь Нам, Вел. Гос., потому ж служил со всяким усердием и, собрав полку своего казаков, сказал им всем, чтоб они потому ж Нам, Вел. Гос., служили, а у Нас, Вел. Гос., служба твоя и полку твоего казаков в забвении никогда не будет»… Писан на Москве лета 1680 сент. 15 день.

Получив эту грамоту 19 окт., Гр. Донец ответил на неё челобитной[274], в которой между прочим писал: «И я, х. т., видя Твою, Вел.Гос., к себе и полку моего, ту Твою, Вел. Гос., милостивую

---

[272] Белгор. стол, столб. 1136, лл. 103-109.

[273] Там же, столб. 1136, лл. 105-106.

грамоту полку своего всем казакам сказал в слух, чтобы они… впредь Тебе, Вел. Гос., служили со всяким усердством».

К 1679 г. относится знаменитый эпизод из истории Запорожской Сечи: крымский хан внезапно ночью, поддержанный отрядом янычар, ворвался в самый кош. Но счастливый случай поднял на ноги беспечно спавших рыцарей. Татары, завалив буквально Сечь своими трупами, едва выбрались из неё. А доблестный Серко с 15 тыс. казаков весною отдал хану визит в Крыму, страшно его опустошил и взял 4 тыс. татар в плен

Прошло всего лишь несколько месяцев после набега, как в январе следующего 1680 г., на многострадальную Украйну обрушилось еще более грозное бедствие – ещё не бывалый разгром.

На этот раз сам хан, что бывало редко, со всей своей ордой, с азовскими татарами, калмыками и черкесами 20 января ночью перешёл вал между Коломаком и Нов. Перекопью и, пройдя Мерчик, остановился кошем[275] с половиною войска, где и простоял до самого ухода. Татары расставили многочисленные заставы для обеспечения отступления. Другая половина разошлась отрядами в стороны для грабежа. Этим и объясняется появление их почти в один день около обречённых городов. И на этот раз орда была выслана в набег Турцией для отвлечения от Киева, на который последняя собиралась напасть.

Много беды причинил этот набег! До нас дошли только отрывки «ведомостей» взятых пленных и пр.

Всего в 18 городах, не считая деревень и хуторов[276] «побито и в поле поймано и во дворах пожжено мужчин и женщин 3014, разграблено 7 церквей; лошадей угнано 1271, рогатого скота 3113, овец и коз 17386; хлеба пожжено и пограблено – молоченного 6984 чет., немолоченного 10385 коп., сена 1571 воз». «Дворов со всеми животы и гумен, и пильников, и мельниц сожжено и разрушено 889, ульев с пчёлами 1273».

Пострадал немало и Гр. Донец: из д. Уды татарами было угнано 74 лошади, 130 голов рогатого скота, 900 овец, сожжено 100 чет. хлеба, взято 30 ульев и пленено 29 человек крестьян.

Из перечневых ведомостей по Харьковскому уезду можно вывести некоторые заключения: казаки жили зажиточно, вели большие хозяйства. Особенно процветало овцеводство. Указания что у многих казаков было угнано по 100, 200, 300 и 500 нередки. Но много было также лошадей и скота. Немало ещё в январе было и немолоченного хлеба; у многих были большие пасеки.

Татары забирали одежду, особенно «зипуны», оружие и пр. Денег взято было немного – казаки, в виду частых набегов, прятали свои «грошенята» и что поценее в несгораемое помещение – в землю. И часто на Украйне и теперь ещё находят «кубышки» и «глечики» с серебряной и золотой монетой, вкладчики которых забирались в плен или были убиваемы в боях.

Нет подробных сведений о нападении на г. Харьков. Показано, что в нём было взято в плен 72 ч. и убито 2; хотя в другом источнике[277] говорится: «по сказке харк. полк. Г. Е. Донец к Харькову и к иным (кроме указанных выше) сёлам и деревням воинские люди не приходили *и ни какого разорения* не учинили» – выходит путаница

Есть интересная царская грамота, присланная Донцу с нарочным гонцом, уже после погрома. Она свидетельствует, помимо другого прочего, о весьма милостивом и ласковом отношении Царя к полковнику. «Ведомо нам учинилось от воеводы Хитрово из Киева… что турецкий султан со своими войсками и крымский хан с ордой готовятся к войне и хотят приходить к Киеву» Далее сообщалось для сведения, что русским войскам приказано собираться у этого города, на белгородской же черте воеводе Шереметеву «со многими нашими ратными с конными и пешими людьми стать им и их полков ратным людям в полку (о различных значениях слова «полк» говорилось выше) в Н. Осколе 9 мая», «а тебе полк. Григорию полку своего со всеми ка-

[274] Там же. столб. 1136, лл. 302–303

[275] Д. И. Багалей. Мат. 1, док. №27.

[276] *По черте*: в Белгороде, Болхове Вольном, Карпове, Хотмыжске; *за чертой*: Золочеве, Ольшане, Сенном, Мурафе, Краснокутске, Коломаке, Харькове, Валках, Богодухове, Городном, Колонтаеве, Ахтырке и Рублёве.

Там же

заками быть под командою Шереметева и к 9 мая собраться в Изюм, ген.-пор. Г. Косагову к тому же числу велено быть в Ц.-Борисове». Далее Гр. Донцу приказывалось пересмотреть всех казаков Харьковского полка и «которые из городовой службы по твоему смотру годятся быть ныне в полковой службе - тех всех написать в полк к себе, чтоб на нынешней нашей службе Харьковского полку городов казаков было пред прошлым 1679 г с большою прибавкою, чтоб в небытность ратей (татары), безвестно пришед, разорения какого не учинили».

«И как к тебе ся Наша грамота придёт, и ты б, полк. Григорий, учинил о всём... как написано... со всяким радением против прежнего, как ты верно служил и наперед сего; а Мы, Вел. Гос., презирая милостиво за прежние твои службы, жалуем тебя милостиво и служба твоя у Нас, Вел. Гос., незабвенна; а на перед сего взыскан Нашего гос. милостью и жалованием многими землями со всякими угодьи. И тебе б... памятовать и непрестанно мыслить о исполнении повеления и ожидать впредь нашего милостивого презрения... устроить (казаков) к полковой службе, как при помощи Божьей воинская должность полководцу надлежит».

Но, как и в прошлом 1679 г., многочисленные войска, охранявшие границы, удержали турок от нападения.

Тяжёлый вообще для Украйны был 1680 год! Была «великая засуха и жары были, от которых повысыхали воды, травы, расплодились черви, выедавшие капусту, бобы, горох, коноплю и гречиху». И это после опустошения, пожаров! Несчастья этого года как бы предсказала комета, незадолго до нашествия татар, появившаяся на небе. И теперь появление этого небесного странника с загадочным хвостом смущает тёмный люд. Он не знает, что эти самые кометы, после своих вечных блужданий в беспредельных пространствах вселенной, в свою очередь разсыпаются в прах. «15 декабря ночью, говорит летописец, появилась на небе большая комета, т. е. по заходе солнца с малой звезды сделался очень великий и ясный столб, который простирался на пол неба и продолжался до той светлости чрез 3 ночи, а после по заходе солнца, чрез многие ночи являлся только не столь светлым».

К 1684 г. относится набег на г. Маяцк, Солёный. Гр. Донец против татар из Изюма выслал своего сына Константина. 29 сентября в урочище Макотиха татары были разбиты, а полон освобождён. И за это последовала похвальная грамота[278], хотя набег был собственно незначительный, заурядный. Если бы в набеге 1680 г. сабля Гр. Донца действительно «плавала в крови поганых», как писали его восхвалители, то, конечно, он получил бы похвальную грамоту, как за более важные дела, но тогда он её не получил.

К 1691 году относится очень опустошительный набег на Харьковский и Изюмский полки. В гг. Змиёве, Бишкине и Лимане взято было в плен и «жжено» 1 915 человек обоего пола; уведено – 4902 головы разного скота, сожжено и разграблено 65 дворов, 1 хутор, 2 пасеки, 2 мельницы. Взято много имущества разного и пр.[279]

[278] Белгор. стол. столб. 1052, лл. 44–46.

[279] Д. И. Багалей. Матер. 1, док. № 41.

Приказ Малой России. – Участие черкасских полков в политической жизни Москвы. – Постепенное подчинение Украйны. – Чигиринские походы. – Награды за него. – Советы Юрия Крыжанича. – Походы в Крым князя В. В. Голицына. – Смерть Гр. Ер. Донца. – Новый полковник Ф. Гр. Донец. – Нападение на Харьковский полк Нуреддина. – Ломка старых порядков.

Со времени образования черкасские полки во внутренней своей жизни предоставлены были самим себе. Зависимость от Москвы выражалась в требовании воинской службы. Наложение пошлин в 1665 г., правда, указывало, что Розряд смотрел на черкас, как на подданных Царя без различия от великорусских. Но, как мы видели, пошлины эти после (1669 г.) были отменены, и этим как бы подчёркивалось, что черкасы в государстве состоят на особом положении. П. Головинский говорит, что Царь, чтобы это ещё более подчеркнуть, велел черкасские полки ведать Посольскому приказу. Хотя круг деятельности этого приказа и был довольно разнообразен, всё же, главным образом, он ведал иностранными делами. Напротив, приводимый ниже «Приказ Великой России»[280] опровергает заявление П.Головинского:

«Октября в 14 день нынешнего 1688 г. по указу Великих Государей Царей Иоанна и Петра Алексеевичей Белгородского полку *черкасских* полков Сумского, Ахтырского, Харьковского полковников и тех полков городы и в их воевод и приказных людей и черкас полковой и городовой службы, а Острогожского полку полковника и полковой службы черкас службою и всякими делы велено ведать в приказ Малой России».

«И по тому Великого Государя указу о черкасских о всяких делах столпы (дела) и разборные книги из Розряду в приказ Великой России отосланы октября в 29 день. И в том числе столп с 1680 г. по 1689 г., а в нём о разборе черкас всех полков за прописью дьяка Ив. Ляпунова».

Из этого видно, что до 1688 г. черкасскими полками ведал Розряд, а не Посольский приказ. И уже только с указанного времени полки передаются в ведение приказа Малой России.

О возникновении этого приказа в точности неизвестно, но приблизительно оно относится ко времени присоединения Малороссии. Приказ ведал дела с запорожским войском, гг. Киевом, Нежином, Переяславлем, Новобогородицком и пр. делами, касавшимися Малороссии, бывшей на особенном положении. Следовательно, поручив этому приказу ведать и черкасские полки, их как бы приравняли к Малороссии, выделили от великорусских подданных. Если взять ещё во внимание свободу черкас от пошлин и указы воеводам не вмешиваться в жизнь полков, подчинение их своему полковому суду, чинившему суд и расправу по черкасским обычаям, то отсюда и вытекает сделанное заключение.

Правда, это только de jure. На деле царские указы часто не считались с таковыми же, выданными раньше.

Если не считать участие черкасских казаков в походах кн. Ромодановского во время усмирения бунтов, то эти черкасские полки исключительно жили своею жизнью, воевали с татарами,

[280] Белгор. стол, стлб. 1095, л. 171.

защищая самих себя, но не принимали участия в политической жизни Москвы. Эта последняя если и допускала всё это в первое время, то только из желания привязать к себе своих новых подданных. В этом можно видеть глубокое соображение и верный расчёт, приняв во внимание, что Москва не имела обыкновения церемониться со своими поддаными. Но такая политика была временная, вызванная обстоятельствами. Предъявив в первый день в 1676 г. требованне черкасским полкам принять участие в Турецкой войне, Москва с того времени всё чаще и чаще начинает давать почувствовать черкасам, что их Украйна не более, как часть государства. Требования свои московское правительство начало предъявлять и вводить реформы постепенно, пока окончательно не сравняло эту Украйну с другими землями, но сделало это тогда, когда Крым перестал быть опасным для России.

Всех «чигиринских походов» было три. Война с Турцией велась из-за Малороссии, которую Турция считала своим вассальным владением.

1676 г. гетманом обеих сторон Днепра был признан Самойлович. Соперник его, Дорошенко, передался Турции. Возгорелась борьба. Первого поддерживали русские, последнего турки. Весною Дорошенко находился в Чигирине, довольно сильно укреплённом. В марте с 7-ю полками двинулся против него Самойлович. Но, повинуясь царскому указу, отступил и повёл переговоры. На этом дело не окончилось; ожидался подход турок. Князь Ромодановский со своими полками, в числе которых были и три черкасских, в это время был в Путивле, а Самойлович в восточной Украйне. На помощь им был двинут ещё и князь Голицын.

Турки не пришли. Ромодановский с Самойловичем по этому пошли на Чигирин. Дорошенко, не видя ниоткуда помощи, исполнил требование Царя – сложил с себя звание гетмана и ушёл за Днепр.

1677 г. Об участии Харьковского и др. черкасских полков в походе этого года нет известий; кажется, они и не были в нём. Турки приходили к Чигирину, но были отбиты и преследованы.

1688 г. Поход этого года окончился сожжением Чигирина. Султан, нуждаясь в войсках для войны с Австрией, стал склоняться к миру (Бахчисарайский 1681 г.). Турция отказалась от своих притязаний на Малороссию. В этом походе были полки Сумской и Ахтырский, полковник последнего Матвеев был убит[281]. Харьковский полк был послан с казною на Дон, почему участия и не принимал.

Первый чигиринский поход был безкровный, тем не менее три черкасские полковника получили награды, которые ещё раз подтверждают, как не скупился Царь, чтобы привязать черкас к себе. Полковники «после чигиринского походу» поехали в Москву[282] и появились в ней с большою помпою, как какие-нибудь победители, с громадною свитою, не более, не менее, как в 117 казаков! Гр. Донец привёз и сына Константина. Приняты казаки были весьма милостиво. Дано им было «корму и питья с дворцов довольно». На каждый полк, кроме того, отпущено было на содержание, на 2 недели по 20 р., а на 3-ю по 15 р. Жили, значит, долго. Казаки видели пресветлые царские очи, были «у руки», сладко ели, «довольно» пили, помимо ещё того, что отпускалось с дворцов. Полковники «с товарищи» получили ещё и подарки при отъезде – неизменные соболя и пр.

В этом же году Гр. Донец получил ещё и отдельное жалованье «за посылку казаков для проведывания в заднепровские города и за бой с воинскими людьми и за взятые языки».

Москва, столько страдавшая от татар, столько тратившая на постройку укреплённых линий, не приносивших к тому же особенной пользы, решилась, наконец, в свою очередь сделать нападение на Крым, куда забирались только для его разгрома отважные запорожцы.

Ещё в царствование Алексея Михайловича серб Юрий Крыжанич, этот первый апостол панславизма, настойчиво советовал Царю оставить войны с соседями и стремление раздвигать границы на запад и восток, а исключительное внимание обратить на Крым, чтобы в союзе с государствами, также от него терпевшими, постараться выгнать оттуда татар.

---

[281] Белгор. стол, столб. 1136, л. 40.

[282] Белгор. стол, столб. 1136, л. 30.

Крыжанич доказывал в своём проекте, что татары у себя дома беззащитны, укреплённых городов у них нет. Умный серб даже советовал перенести столицу в Крым, доказывая всю выгоду этого. Но мысли его не нашли применения в политике Алексея Михайловича, воевавшего с Польшею из-за обладания Малороссией. Впрочем, Царь отчасти был прав, не предпринимая ничего решительного против Крыма и стараясь иными путями сдержать хищнические порывы татар. Он хорошо понимал, что Москва не в состоянии пока удержать за собою Крыма, а что временное его занятие и разорение не привело бы ни к чему. И только страшная месть не преминула бы обрушиться на пограничных жителей. И московские послы, ездившие в Крым в 1680 г. (Тяпкин и Зотов), докладывали, что татары действительно беззащитны, что завоевать их полуостров не трудно, стоит туда лишь только добраться. Но в этом-то и заключалась вся трудность.

Между Польшей, Австрией и Венецией был заключён договор – соединёнными силами напасть на Турцию.

Ради привлечения в союз Москвы, Ян. Собесский, прославившийся знаменитою победою под Веною, не задумался перед жертвою отказаться от Киева. Участие было необходимо, чтобы нападением на Крым лишить Турцию помощи татар. План союзников был очень выгоден и России. Заключён был с Польшею «вечный мир (1686 г.) и союз».

К предстоящему в 1687 г. походу в Крым начались приготовления. В грамоте по этому поводу говорилось: «Русское царство платит басурманам ежегодную дань, за что терпит стыд и укоризны от соседних государей, а границ своих от того данью всё же не охраняет; хан берёт деньги и безчестит русских гонцов, разоряет русские города, храмы Божьи разрушает».

Сборными пунктами стотысячной армии назначены были черкасские города – Ахтырка, Сумы, Красный Кут, а также Хотмыжск. Во главе её поставлен фаворит Царевны Софьи кн. В.В. Голицын, участник чигиринских походов.

Перейдя р. Коломак, армия углубилась в степи, идя в одном каре, равнявшемся по фронту 557 саж., а в глубину – 2 вер. По дороге, на р. Самаре (30 мая), присоединилось ещё с Самойловичем 50 тысяч казаков.

В этот поход с Конст. Донцом пошла и половина Харьковского полка; другая с Гр. Донцом осталась для охраны границ Харьковского и Изюмского полков.

В течение 7 недель, армия Голицына, в которой развевалось знамя, видевшее покорение Казани, прошла всего лишь 300 вер. Приготовлений к походу не было сделано собственно никаких. Кн. Голицын не принял во внимание трудности летнего перехода по, местами, безводным степям, в которых нельзя было собрать и нужного продовольствия. По переправе через р. Конские Воды (13 июня), в двое суток армия прошла 12 верст! Татары зажгли степи. К этому они прибегали нередко. Для выжигания высокой сухой травы, к тому же сгущенной, некошеной от предыдущего года, обыкновенно высылались пограничные казаки, чтобы таким образом, предупредить татар. А они это делали, чтобы остановить погоню, если ветер, гнавший этот грандиозный пожар, бывал для них благоприятный.

Армии пришлось, поэтому, двигаться по выжженной земле; удушливый дым и пыль были настолько сильны, что с трудом можно было различать предметы. Главное же мучение – недостаток воды. Лошади едва двигались от жажды и голода; кормить было уже нечем. А обоз армии – 20 тыс. повозок! Ко всему этому зной, страшно изнурявший непривыкших к нему солдат, жителей более северных мест. До самой р. Карокчакрок дошла армия, не встретив ни одного татарина. Продолжать поход при таких условиях было нельзя, а до Перекопа оставалось ещё 200 верст, Кн. Голицын созвал военный совет (17 июня). Было решено, в виду истощения запасов, вернуться.

Придя к такому решению, армия начала такое быстрое отступление, как будто за нею гнался сильнейший неприятель, даже обоз был брошен. На р. Мерло в армию приехал боярин Шереметев, привёз от Царевны Софьи награды и подарки покорителю Крыма и благодарность за «успешный» поход. Все начальники были награждены. Получили его и старшины черкасских трёх полков «золотыми». Поплатился один гетман Самойлович. Его кн. Голицын, желая

снять с себя ответственность обвинил в сношении с татарами и в том, что он умышленно зажёг степь. И Самойлович был сослан в Сибирь, где и окончил свою жизнь. А он бы со своими 50 тысячами казаков с придачею черкасских с успехом бы мог покончить с Крымом!

Поход этот татар не устранил, конечно. Весною следующего года, как бы мстя черкасам за участие, они выслали в набег Азовскую Орду (5 тыс.), которая много причинила вреда Харьковскому полку[283]. Полковник Гр. Донец разбил орду под Андреевкою; наказный же полковник Ив. Сербин (зять И.Д. Серка) бился с татарами под Валками.

Во втором Крымском походе (1689) армия под начальством того же Голицына добралась до самого Перекопа. Татары были в ужасе и собирались уже бежать за море. Но у Голицына не хватило мужества внести разгром в это разбойничье гнездо, отомстить и освободить томившихся в то время невольников.

Кн. Голицын, полюбовавшись Перекопом издали, к изумлению татар, вступил с ними в переговоры, выговаривая себе безопасное отступление.

Во время этого похода часть Харьковского полка стояла у Ц.-Борисова, остальные казаки оберегали границы. В бою при Чёрной Долине (16 мая) сильно пострадали Сумской и Ахтырский полки; в них осталось всего лишь 150 человек; пушки, знамёна – всё было потеряно[284].

А кн. Голицын получил грамоту: его «милостиво и премилостиво похваляли» за то, что он с такими «славными во всём свете победами возвратился в целости»[285].

Несколько иначе взглянул на это Пётр. После переворота он обвинил кн. Голицына, между прочим, ещё в нерадении во время крымских походов, лишил боярства, всего имущества и послал в ссылку.

В 1691 г. Харьковский полк понёс большую утрату в лице своего полковника Гр. Ер. Донца, умершего на 23-м году своего управления полком. В продолжение этого немалого времени он неусыпно защищал южные границы государства от татарских нападений, проводил укреплённые линии, строил и населял города. Управляя такою громадною территорией, какую представлял собою Харьковский полк, Григорий Ерофеевич доказал свою способность и энергию, по заслугам ценимый Московскими Царями.

Умер Гр. Донец очень богатым человеком, окружённый почётом. Не можем только сказать и любовью подчинённых.

Сын его, Фёдор Григорьевич, боевой товарищ своего отца, из уважения к заслугам последнего и собственным, был избран харьковским полковником.

Фёдор Донец успешно продолжал борьбу с татарами.

Так в 1693 г. ему пришлось уже биться с ними, защищая свой полк. В этом году зять самого султана – Нуреддин – сделал нападение на Харьковский полк с 15 тыс. татар и отрядом янычар. Вместе с Нуреддином был сын султана Шарин-бей и «Петрик» (Пётр Иваненко) с небольшим отрядом казаков. Этот Петрик, бывший войсковой канцелярист, задумал добиться гетманства, для чего ещё в 1692 г. склонял хана на поход в Украину.

Для отражения этого нашествия был поставлен отряд из черкасских полков силой в 2 тыс. казаков с присоединением московских служилых людей и рейтаров в городках, стоящих по р. Самаре. В случае успеха предприятия, Петрик замышлял, что очень понравилось татарам, выселить черкас на правую сторону Днепра; это открывало бы для набегов великорусские города. Поэтому-то татары так охотно и поддерживали претендента на гетманскую булаву[286].

Крымцы сильно опустошили в этот набег города и слободы, набрали по обыкновению множество пленных. Отряды их были в 20 верстах от Харькова в Мерефе. Нападение было внезапное, почему харьковцы приготовлены к нему не были.

---

[283] Белгор. стол, столб. 1905, лл. 202–208.
[284] Преосв. Филарет. Отд. IV. стр. 38.
[285] Соловьёв, том XIV, стр. 62–63.
[286] Н. Костомаров. Мазепа и Мазепинцы, стр. 107, 109, 119.

Наскоро собравши, сколько было можно, своих казаков, полковник напал на неприятеля, нанёс ему поражение, отбил пленных, добычу и взял в плен «четырнадцать важных поганцев»[287].

Если бы план Петрика осуществился, в Украине неминуемо бы возникли большие осложнения, и новая «руина», быть может, надолго воцарилась бы в крае. Силой навязанный «басурманский» гетман, соратник татар в разорении и пленении христиан, вызвал бы, конечно, взрыв негодования и отчаянную борьбу. Поэтому поражение Нуреддина является очень важным.

В награду за этот подвиг полковник Ф. Донец получил похвальную грамоту.

На долю Ф. Г. Донца уже выпало участвовать с полком почти во всех войнах, которые вела тогда Москва. Её требования с этого времени предъявляются к черкасским полкам всё чаще и чаще и начали уже явно показывать о перемене отношений Москвы к черкасам.

К тому же настало в России время ломки старых порядков.

---

[287] Преосв. Филарет. Отд. II, стр. 64.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛОБОДСКИХ КАЗАЧЬИХ ПОЛКОВ.

На рубеже Московского государства, спустя более 3 столетий после нашествия татар, пограничными городами были Мценск, Алатырь, Новгород-Северский, Путивль и др.

К югу от них к самому Чёрному морю шли безбрежные степи, официально даже тогда называвшиеся «дикими полями». В них не было ни одного города, никакой буквально осёдлости.

От прежних грозных татарских полчищ уцелела только в Крыму непокорённая ещё Россией часть орды. И только трудно преодолимые пространства именно этих «диких полей» давали ей возможность долго ещё сохранить самостоятельность. Татары с изумительной быстротой проносились через степи, но в них не жили, и степи оставались пустынными. Открытые, не защищённые природой южные границы государства, внезапность и опустошительность татарских набегов побудили Московское правительство ещё в XVI в. завести трудную сторожевую службу и то только собственно для собирания «татарских и ногайских вестей», для предупреждения порубежных воевод о приближении неприятеля. Никаких же активных действий Москва не предпринимала против Крыма, да и не могла их предпринять по многим причинам. Но всё же Московское государство, отвлекаемое событиями на западных границах, а, главное, очень бедное населением и казной, неуклонно стремилось заселить свои пустынные окраины. Толчком к более энергичному старанию послужил набег хана Кази-Гирея на самое сердце государства Москву (1591 год)

И были построены укреплённые города – Ливны, Кромы, Воронеж, Оскол, Валуйки, Белгород и возобновлён древний Курск.

Граница государства таким образом значительно отодвинулась на юг, отодвинулись и сторожи (пункты, до которых доходило подвижное охранение). В расписании сторожей этого времени упоминаются уже реки и урочища в Придонецком крае, т. е. на территории скоро уже возникшего Харьковского полка. Край этот, прилегавший к русскому рубежу, не принадлежал Москве, не принадлежал он собственно никому, хотя «свободный проход» в него татар делал его скорее татарским.

После постройки «Белгородской черты» Царь Борис Годунов сделал попытку сразу и далеко шагнуть на юг, в 1599 году построен был укреплённый городок Царево-Борисов[1], в 8 верстах от впадения в Северский Донец р. Оскола, в 160 верстах от г. Белгорода.

В Московском государстве между тем надолго водворилась смута. Не до колонизации южных окраин было тогда и выдвинутый далеко вглубь безлюдных степей городок «скоро запустел, и в актах 1644 г. говорится уже «Царево – городище», «Борисово – городище». Вероятно, разграбили его татары, так как он был вполне открыт для нападений и без поддержки устоять не мог.

Смутное время прошло. В России, потрясённой до основания, постепенно стал водворяться порядок под мудрым правлением Царей новой династии, засиявшей над Русью. Сменялись правители, хотя политика относительно окраин оставалась прежняя. Но собственные силы Москвы не позволяли ей самой расширять колонизацию степей.

На помощь явились иные обстоятельства, которыми Москва так умело воспользовалась для этой же цели.

Гонения православной веры и нестерпимый экономический гнёт побуждали Заднепровских казаков – малороссов, бывших во власти поляков в течение многих десятков лет, поднимать одно восстание за другим. Кончались эти восстания обыкновенно разгромом казаков и ещё большим усилением гнета. Стремясь избавиться от преследований, народ отдельными семьями, пока ещё крайне несмело, стал переселяться на левую сторону Днепра, в пределы Московского государства. Порубежные воеводы селили их по черте около городов, в слободах и в самих городах.

---

[1] Архив Мин. юст. Белгор. стол, столб. 3001, связка 3.

После подавления восстания Павлюка в 1638 году, принимавший в нём участие «гетман» Яков Остряница с отрядом казаков силой 1022 человека с разрешения Москвы поселился на Чугуевском городище[2] и, под руководством назначенного воеводы, построил крепость и город Чугуев. Продержались эти выходцы недолго, в 1641 г. казаки взбунтовались, убили своего гетмана и снова бежали «в Литву»[3].

В виду важного стратегического значения Чугуева Москва старательно поддерживала эту крепость и поселила в ней до 200 ратных людей. Но и Чугуев не устоял бы, если бы территория нынешней Харьковской губернии, бывшая до того пустыней, не стала быстро заселяться

К этому времени (1646 г.)[4] Москва собственными силами построила один укреплённый город Валки, заселив его небольшим числом ратных людей; этим и ограничилась русская колонизация южных степей, зато с большим успехом продолжалась малороссийская, казачья.

В Заднепровской Украине вспыхнуло небывалое до тех пор по своей силе восстание. События выдвинули во главу его Богдана Хмельницкого, человека, хотя умного и храброго, но всё же неподготовленного для той роли, которая ему выпала.

Вначале успех восстания превзошёл все ожидания, Хмельницкий одерживал над поляками одну блистательную победу за другой, но не сумел вовремя воспользоваться плодами своих необыкновенных успехов.

В 1651 г. казаки понесли страшное поражение под Берестечком. Потоки пролитой казацкой крови не принесли той пользы, которую могли бы принести стране.

Истощив силы в бесплодной борьбе, приведшей Украину в полное разорение, народ понял, что ему собственными силами не избавиться от гонителей, перестал надеяться на своего гетмана и видел спасение только в переселении, в бегстве

И вот потянулся он целыми толпами искать себе нового отечества, где не было ни панов, ни жидов, ни унии. Это ему легко удалось, так как по соседству лежали незаселенные, привольные земли единоверной и единоплеменной России.

В «Летописи Самовидца» под 1651 годом говорится: «Тогда же Хмельницкий, ожидая удачного к отомщению времени, позволил утесняемому народу от ляхов вольно сходить из городов к Полтавщине и за границу в Великую Россию на житьё. И с того времени начали оседать Харьков, Лебедин, Сумы и иные слободские места аж до реки Дону казацким народом»[5].

Одна из волн этого переселения, направляемая Москвой, докатилась на восток до р. Тихой Сосны. Основан был город Острогожск, и положено начало Острогожскому слободскому казачьему полку, который во 2-й половине XVIII ст. прекратил своё существование

Возникновение Харькова, Ахтырки и Сум летописец относит к 1651 году, но имеющаяся в приведенной выписке фраза «и с того времени стали оседать» даёт основание заключить, что 1651-й год не категорически относится ко всем упомянутым городам. А время постройки этих городов вместе с тем есть и время возникновения одноимённых «черкасских казачьих полков». Название «слободские» является несколько позднее. Партии ушедших из-за Днепра казаков появлялись на местах с более или менее воинской организацией.

Официальное старшинство полков Харьковского, Ахтырского, Сумского и Изюмского отнесено к одному и тому же 1651 году, но правильность этого требует доказательств. Из челобитной воеводы Арсеньева назначенного устроить переселенцев черкас на «Суминном городище», известно, что в 1653 г.[6] город и крепость Сумы были уже построены. Города того времени были весьма небольшие, построить их можно было скоро, наскоро срубленные избы обносились «тыном» (частоколом), да строились небольшие башенки по углам Пользовались при этом валами городищ, т. е. остатками укреплений каких-то стоявших там, неведомых пока ученым, городов.

[2] Арх. Мин. юст. Белгор. стол. столб., 108, лл. 253, 346–348.

[3] Там же, столб. 130, лл. 132-134.

[4] Е. Альбовский. Валки, украинский город Московского государства. Харьков 1905.

[5] Летопись Самовидца. Изд. 1873 г. Киев, стр. 234.

[6] Арх. Мин. юст. Белгор. ст., № 4289.

Постройка такой незатейливой крепости свободно могла быть закончена в течение одного лета. Спешить к тому же было необходимо, так как именно татарские нападения были большей частью зимой, когда болота и реки «крепли». Если воевода Арсеньев доносил, что к 1653г. город построен, то следовательно строить его стали в 1657 г., если только и не в 1653 г.

Город Ахтырка возник в 1642 г.[7] за русским рубежом в пределах Польши. В 1647 г. состоялся приём на «государеву сторону с литовской стороны отдаточных городов» в силу «договорных записей», в числе их была Ахтырка[8]. Жители «литовцы» были из неё выведены, а поселены вместо них русские люди в весьма ограниченном числе. Есть документ, относящий к 1657 г. «список ахтырским сведенцам», уступившим место пришедшим «черкасам»[9]. И это указывает, что черкасы поселились в Ахтырке позднее 1651 и даже 1652 г.

Одновременно по всей территории нынешней Харьковской губ. начали возникать многие города, одни несколько раньше, другие позже. А так как Харьков, равно как и Сумы и др., ничем особенным вначале не отличался, то и основание их прошло незаметным. Ни одному из исследователей пока не удалось точно, документально, определить год их возникновения. Неизвестный автор «Топографического описания Харьковского наместничества», изд. 1788 г., основание Харькова относит к 1653 г., но это утверждение голословно, так как ни на какой документ не опирается. Проф. Д. И. Багалей относит его к 1654 - 55 году[10].

Из одной челобитной[11] видно, что из Москвы последовал указ в 1654 г., запрещавший харьковским казакам прокладывать по уезду дороги, которыми бы могли воспользоваться для набегов татары. А к указанному времени они провели уже дорогу по трудно доступным урочищам на довольно большом протяжении, чтобы удобнее было ездить «на Тор по соль». «И о той дороге я к Тебе, Государь, *напред сего писал*», добавляет воевода. Если харьковские черкасы к 1654 г. проложили уже дорогу, то это свидетельствует, что город-то уже был построен раньше, что жители достаточно в нём поустроились, если у них нашлось время строить дороги. *Следовательно, город в 1652 г. уже был, и на Харьковском городище появились черкасы ещё в 1651 г., когда город, конечно, не мог быть построен окончательно.*

Челобитная белгородского «попа Иванища»[12] Анфимова свидетельствует, что к 1654 г. на Харьковском городище «построились и живут дворами черкасы, которые пришли из черкасских городов», и что меньшая партия черкас – казаков осела на том же городище ещё и преж того», а это уже, сопоставляя данные, очень близко подходит к 1651 году.

Хотя 1-я по времени партия переселенцев была и небольшая, но всё же год-то постройки первых жилищ, следовательно и начало основания города и зарождения полка надо считать со времени 1-го поселения. Численность понятие относительное. Спустя 25 лет население Харькова, не считая семейств, было свыше 7 тысяч казаков, но и это число может почитаться незначительным относительно населения города в более поздние времена.

Белгородский поп жаловался на харьковских черкас в 1657 г. за захват имн земель, данных в 1597 г. церкви св. Николая Ратного вместо «руги» на «свечи и ладан и на кормление» причту. Вотчина простиралась по рр. Уды, Северскому Донцу и по рр. Харькову и Лопани. Эти владения были так обширны, так далеко отстояли от Белгорода и притом совсем незаселённые, что белгородский поп легко мог просмотреть время поселения черкас и спохватился, когда они уже «построились дворами».

К 1685 г. (времени возникновения Изюмского полка) территория Харьковского полка так раскинулась широко, что обнимала собой теперешние уезды: Харьковский, Валковский, Змиевской, Волчанский, Изюмский и часть Купянского. На долю Ахтырского и Сумского полков приходи-

---

[7] Арх. Мин. юст. Белгор. ст., столб. 146, лл. 1–2.

[8] Там же. Белг. ст., столб. 263.

[9] Д. И. Багалей. Материалы. Т. 1.

[10] Энциклоп. словар. Брокгауза, № 78, стр. 112.

[11] Арх. Мин. Юст. Белгор. ст., лл. 149–153.

[12] Там же, столб. 504, лл. 201–203.

дись Ахтырский, Богодуховский, Сумской и Лебединский, по пространству значительно меньшие земли. Острогожский полк расселился в пределах нынешней Воронежской губернии.

Всего управлению Харьковского полка подчинены были 25 городов и местечек и 54 слободы и деревни.

Престарелый харьковский полковник Григорий Ерофеевич Донец стал хлопотать для своего сына Константина Григорьевича самостоятельное полковничество. В 1685 г. последовал царский указ о разделении Харьковского полка на две части. Возник новый Слободской Казачий полк – Изюмский, и выдана была грамота Константину Донцу на «полковничество»[13]. Но всё-таки в ней повелевалось быть Константину Донцу полковником изюмским «с отцом его, Григорием, вместе», «а для сбережения того полку и украинских городов и для скорых сборов и походов жить ему, Константину, в новопостроенном городе Изюме»[14]. Таким образом указ о возникновении Изюмского полка последовал в 1685 г., но самостоятельным Изюмский полк стал со смертью харьковского полковника Григория Донца в 1691 г.

К Изюмскому полку отошли город и слободы, заселившиеся позднее Харькова и составлявшие сотни Харьковского полка.

Из возникших пяти слободских полков три: Харьковский, Ахтырский и Сумской (Острогожский прекратил своё существование, Изюмский образовался позже) могут считаться старшинством, но из всего приведенного вытекает, что преимущество в этом отношении нужно отдать Харьковскому полку. По крайней мере ни один из известных современных документов этому выводу не противоречит, даже его подтверждает. Конечно, это старшинство может мериться каким-либо годом, даже месяцем, но всё-таки оно имеется.

В «Справочной книжке Императорской Главной Квартиры (кавалерия)», изд. 1909 г., старшинство всех четырёх полков, ведущих своё происхождение от Слободских Казачьих, отнесено к 1651 г.: Харьковский с 5 сентября, а Ахтырский, Сумской и Изюмский с 27 июня.

Не говоря про Изюмский полк, который, как было выше доказано, возник из Харьковского в 1685 г., следует разобраться в старшинстве остальных трёх полков. Составители, очевидно, имели какое-либо историческое основание распределить полки по старшинству с указанием их возникновения с точностью до одного дня: Харьковский с 5 сентября, Ахтырский и Сумской с 27 июня, все 1651 г. (по тогдашнему летоисчислению 7159 г.). Но составители упустили из виду, что год-то тогда начинался с 1 сентября (до 1 января 1700 г.), следовательно тогда первым месяцем в году был не январь, а сентябрь, июнь десятым. Уже по одному этому Харьковский полк является старше других, родственных ему, на 10 месяцев, что и соответствует выше нами изложенному.

В Московском государстве XVII ст кроме немногих полков иноземного строя не было постоянного войска. В царствование Царя Алексея Михайловича таковыми явились слободские казачьи полки, созданные стараниями Москвы на принадлежащей ей земле, в защиту южных её пределов от набегов крымских и ногайских татар.

Среди всей русской армии старейшим является 13-й Лейбгренадёрский Эриванский царя Михаила Фёдоровича полк. За ним, моложе всего на два года, идут: Харьковский, Ахтырский, Сумской, отнесённые по старшинству к 1651 г.

К 1655 г. относится дошедший до нас «Список харьковским черкасам»[15]. Из него видно, что во главе Харьковского полка в 1655 г. стоял атаман Иван Кривошлык (полковника пока нет), что все харьковские казаки разделены были на 6 сотен, во главе каждой поставлен сотник, что сотни разделены были на десятки, что всего харьковских черкас было, считая атамана и сотников, 587 человек. Вполне правильная воинская организация. В архиве Министерства Юстиции за этот год имеются такие же списки Острогожских и Ахтырских черкас. Сумских нет[16].

[13] Арх. Мин. Юст. Белгор. ст., столб. 1031, л.л. 299. Е. Альбовский. Харьковские казаки. СПб., 1914

[14] Е. Альбовский. Харьковские казаки. Приложение II. СПб., 1914.

[15] Е. Альбовский. Харьковские казаки. Приложение IV. СПб., 1914, стр. 237

[16] Арх. Мин. юст. Белгор. ст., столб. 392, л.л. 205–214.

Выше упомянуто было, что территория Харьковского полка значительно превосходила таковую же Ахтырского и Сумского. Разросся же так полк исключительно благодаря энергичной колонизационной деятельности своих полковников, которых Московские Государи очень ценили, щедро и милостиво награждали[17].

Харьковский полк по своему положению, одиноко выдвинутый далеко вглубь степей, на своих плечах выносил тягость нападений крымских и ногайских татар. Эти нападения были почти беспрерывны и так внезапны, что жизнь полка обращалась в сплошную тревогу. И так тянулось многие десятки лет. Харьковцы своей грудью заслоняли как севернее его лежащие земли полков Ахтырского и Сумского, так и великорусские порубежные города. Харьковские казаки с большим успехом не только отбивались от татар, но и сами гонялись за ними по степям. Множество архивных документов свидетельствует об этой плодотворной их деятельности. Население Ахтырского и Сумского полков тоже, конечно, много страдало от набегов татар, но всё же жило оно в сравнительно большей безопасности, чем население Харьковского полка. Особенно Сумской полк, находясь севернее Харькова вёрст на 180, находился в более благоприятных условиях, и потому жизнь в нём текла спокойно.

Делу колонизации «диких полей» порадел исключительно Харьковский полк. Казаки этого полка понастроили много укреплённых городов, провели несколько укреплённых линий на весьма значительном протяжении. Исключительно благодаря стараниям харьковцев далеко на юг расширились русские пределы. Полк построил две самые сильные крепости в Слободской Украине и создал два самых многолюдных города: Харьков и Изюм. На пользу и славу Государям и родине потрудились и другие слободские казачьи полки, но всё же их деятельность не может равняться с проявленноё Харьковским полком. Народившийся в более благоприятных условиях город Сумы в первое время развивался быстрее города Харькова и стремился было занять первенствующее положение, но первенство это скоро бесповоротно перешло к Харькову. Он быстро пошёл по пути развития, сделался сначала центром Слободской Украины, а после и всего нашего Юга по торговле и просветительной деятельности.

Возникновением своим и развитием он исключительно обязан харьковским казакам.

Сыграв назначенную им историческую роль, когда татары ослабели и прекратили свои набеги, слободское казачество также прекратило своё существование. Прежние территориальные слободские казачьи полки – Харьковский, Ахтырский, Сумской и Изюмский переформированы в регулярные гусарские полки (1765 г.).

---

[17] Е. Альбовский. Харьковские казаки. СПб., 1914.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ГРАМОТА

23 сентября 7167 (1659) года Харьковским Черкассам.

От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великие и Малые и Белые России Самодержца, в Харьков, к Нашим, Великого Государя, служилым и всяким жилецким людям, именно Черкасам. Ведомо нам, Великому Государю, учинилось, что Гетман Иван Выговский, забыв Бога и по святой Господней евангельской заповеди, к Нам, Великому Государю, своё обещание злохитростью своим изменил и, сложась с крымскими людьми, идёт на Наши, Великого Государя, Украинские городы; и как к вам ся Наша, Великого Государя, грамота придёт, и вы бы, помятуя Бога и Пречистую Его Богоматерь и православную христианскую веру, и к Нам, Великому Государю, своё обещание по святой евангельской непорочной заповеди, и Наше, Великого Государя, к себе жалование, Нам, Великому Государю, служили со всяким усердством без всякого сомнения и к Нашему бы изменнику, к Ивану Выговскому, не приставали; а буде изменник Иван Выговский или его единомышленники под Харьков придут, и вы б, прося у Всещедрого Бога милости и у Пречистой Его Богоматери и у всех святых заступления, чинили над ними промыслы, сколько вам Милосердный Бог помощи подаст; а Мы, Великий Государь, за вашу службу и за соединение истинной православной христианской веры пожалуем от того изменника заступити велим и Наши, Великого Государя, воеводы с Нашими ратными многими людьми для обороны вашей посланы и Наше, Великого Государя, жалование за вашу службу вам будет и вы б онос лично, памятуя Бога и Пречистую Его Богоматерь и истинную православную христианскую веру, Нам, Великому Государю, служили вседушно и к изменникам не приставали, и совсту, и сыску с ними не чинили, а писать б вам к друзьям своим и советникам и их наговаривать, чтоб они от изменника Нашего отстали и соединились бы с Нашими, Великого Государя, московскими ратными людьми, с вами за одно и татар побивали и всякий поиск чинили, сколько Милосердный Бог помощи подаст.

Писано на Москве лета 7167 сентября в 23.

У подлинной грамоте на обороте написано тако: Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея Великие и Малые и Белые России Самодержец. У подлинной грамоте Его Царского Величества красная печать[18].

ГРАМОТА

жителям города Салтова 7176 (1668) года, 19 февраля.

Божией милостью Мы от Великого Государя и великого Князя всея Великие и Малые и Белые России Самодержца, и многих государств и земель восточных и западных и северных отчича и дедича, и наследника, И Государя, и обладателя, Нашего Царского Величества города Салтова всем тутошним жителям всякого чина и возраста от Нас, Великого Государя, милостивое слово:

Ведомо Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, ныне учинилося по отпискам от Наших, Великого Государя, украинских и малороссийских воевод и приказных людей, что Ивашко Бруховецкий с единомышленники свои, с полковники и сотники, забыв Господа Бога и своё обещание пред св. Евангелием, Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, изменили и разослали от себя во все малороссийские городы и жителям всякого чина воровские прелестные листы, а в них писали, что Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, с братом Нашим, найяснейшим Великим Государем с Яном Казимиром, с Королём Польским и Ве-

[18] В. В. Гуров. Сборник судебных решений. Харьков. 81 г. 469–470.

иким Князем Литовским, учинили перемирие на урочные годы, а на посольстве будто Наши, Великого Государя, великие и полномочные послы с польскими и литовскими комиссары прошлого году постановили и присягали на том, чтобы жителей украинских мужского полу и женска и малых детей выгубить и Украину на дикое поле обратить, а иных жителей и детей сослать в Сибирь, и призвав он, изменник Ивашко Бруховецкий из-за днепровских городов и из-за порогов изменников же черкас, что бы малороссийские города сей стороны Днепра и в них всякого чину жителей взбунтовать и кровь христианскую проливать неповинно; и те изменники заднепровские и запорожские, перешед на здешнюю сторону Днепра, в городах жителей всякого чина людей взбунтовали и на всякое злое дело их привели. А он, изменник Ивашко Бруховецкий, в Гадяче воеводу Евсегнея Огарёва и Наших Государевых ратных людей, которые посланы были, велел побить и христианской крови разлитие учинить безвинно, а в городах малороссийских в Глухове, в Батурине и в Полтаве по его же изменничью воровскому умыслу и письму изменники же заднепровские и запорожские черкасы воевод и начальных и разных людей из малых городков взяли за веродо обманом, а иных приступом и отдали за приставы, а ратных людей побили многих безвинно, а по Нашему, Великого Государя, указу те воеводы и ратные люди в малороссийские городы посланы были для оберегания от неприятельского прихода, а не для разорения.

А Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, Государь Христианский, свидетельствуемся Господом Богом, что у Нас и у мысли того не было, как изменник Ивашко Бруховецкий и его сотники, изменники ж, в прелестных своих изменничьих письмах в малороссийские городы ко всяким жителям писали на смуту. И желали Мы, Великий Государь, и ныне желаем малороссийских городов жителям всякого чина и возраста покоя и тишины и благоденствия, а не разлития христианской крови.

А на польских съездах Наши, Великого Государя, великие и полномочные послы брата Нашего Его Королевского Величества с комиссары и послы перемирие учинили на урочные годы на тринадцать лет и на шесть месяцев и записями в том укрепились и с тех записей к изменнику, Ивашке Бруховецкому, послан список. И изволили Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, послать Нашей, Великого Государя, денежной казны к брату Нашему, к Королевскому Величеству, двести тысяч за (те), которые шляхта имела маетности свои в малороссийских городах и по договору, и по укреплению Наших, Царского Величества, великих и полномочных послов и Королевского Величества комиссаров и от шляхты за те деньги в малороссийские городы в маетности свои не въезжать и разорений им не чинить.

И вам бы, города Салтова старшинам и всем жителям старейшим и юнейшим всякого чина и возраста, помятуя Господа Бога и своё обещание пред св. Евангелием, на Нашу Государеву милость быть надёжным и сей Нашей, Великого Государя, милостивой грамоте верить, от изменников и от всяких шатостей отстать и быть у Нас, Великого Государя, Нашего Царского Величества, под Нашею, Великого Государя, самодержавною высокою рукою в вечном подданстве по прежнему своему обещанию, а изменника Ивашка Бруховецкого и его советников не слушать и на прелестные их письма не прельщаться; а Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, по своему Государскому милосердию вас держать в Нашем, Великого Государя, милостивом жаловании и в призрении свыше прежнего; и вам бы оной конечно сей Нашей, Великого Государя, милостивой грамоте верить.

Писан в Нашем царствующем граде Москве лета от создания мира 7176, девятнадцатого февраля дня.

В подлинной грамоте написано тако:

Божией милостью Великий Государь и Великий Князь Алексей Михайлович всея Великие и Малые и Белые России Самодержец.

С подлинной списал канцелярист (подпись неразборчива)[19].

[19] Копия этой грамоты находится в Харьковском историческом Музее. Отд.1, № дела 300.

ГРАМОТА

7177 (1669) года 5 мая Харьковскому полковнику Григорию Донцу.

Божией милостью Мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Великие и Малые и Белые России Самодержец и многих государств и земель восточных, и западных, и северных отчича и дедича, и наследник, и Государь, и обладатель, пожаловали есмы Белгородскому полку Харьковского полковника Григория Донца и его полку старшину и всё посполыство за их к Нам, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству, прежние и нынешние службы и за разорение, что им учинилось от изменников черкас и от крымских и ногайских татар после измены Ивашка Бруховецкого и за осадное сидение, велели им вместо Нашего Государева годового денежного жалования отдати оброки, которые на них довелось взять с промыслов их с котлов винных и с пивных, и с шииков по белгородскому окладу 173 (1665) году на нынешний на 177 (1669) год восемьсот сорок девять рублёв, да с доимки за прошлые годы, по нынешний, по 177 год – тысячу триста семьдесят шесть рублёв с полтиною; и всего на нынешний 177 год и на прошлые годы две тысячи двести двадцать пять рублёв с полтиной; а в иных городах того же Харьковского полку с таких же промыслов оброки и по се время были не положены, а теми промыслы тех городов жители промышляли безоброчно и по се время; и впредь для Нашей, Великого Государя, полковые службы пожаловали Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, велели им вместо нашего Государева годового денежного жалования такими промыслы в городах Харьковского полку промышлять безоброчно и что б им было с чего Наша, Великого Государя, полковая служба служить, и им Харьковскому полковнику Григорию Донцу и всей старшине, и черкасам того Харьковского полку, которые ныне и впредь в том полку будут, видя к себе Нашу, Великого Государя, Нашего Царского Величества, премногую и превысокую милость и жалование, Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству и Нашим Государским благородным детям благовериому Царевичу и Великому Князю Алексею Алексеевичу, всея Великие и Малые и Белые России, и благоверному Царевичу и Великому Князю Феодору Алексеевичу, всея Великие и Малые и Белые России, и благоверному Царевичу и Великому Князю Симеону Алексеевичу, всея Великие и Малые и Белые России, и благоверному Царевичу и Великому Князю Ивану Алексеевичу, всея Великие и Малые и Белые России, и нашим Государским наследникам и впредь служить верно и над изменниками черкасы и над татары промыслы и поиски чинить со всяким усердством и раднением, и в полки и в городы к боярам Нашим и воеводам про неприятельские замыслы и приходы и про всё чинить ведомости подлинные, и во всём Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, и Нашим Государским благоверным детям и наследникам всякого добра хотеть и искать лучшего и службу свою совершать свыше прежнего, а служба их у Нас, Великого Государя, Нашего Царского Величества, забвена не будет.

Писан в Нашем Царствующем великом граде Москве лета от создания мира 7177, месяца мая 5 дня[20].

ГРАМОТА

7190 (1682) года февраля 17 дня Харьковскому полковнику Григорию Донцу.

Февраля 17 дня Великого Государя, Царя и Великого Князя Фёодора Алексеевича, всея Великие и Малые и Белые России Самодержца, Харьковскому Полковнику Григорию Донцу.

По указу Великого Государя и по челобитью его велено ему, Полковнику, жить в новопостроенном городе Изюме и писаться по-прежнему Харьковским Полковником, и в тот город и в урочищи, которые к тому городу смежны, в Спеваковку и на Пришиб, призывать на вечное

[20] Полное Собрание Законов. Т. I, № 449.

житьё Белгородского Разряду из Черкасских Сумского, Харьковского и Ахтырского полков и городов неслужилых Черкасс; а в Спеваковке и на Пришибе тем Черкасам города строить и селиться в тех городах собою, а пашенные земли пахать и всякие угодьи владеть по отводу генерала и воеводы Григория Косагова по их казачьим обыкностям, а льготы им давать во всяких податях по рассмотрению лет на десять и на пятиадцать, смотря по имуществу людей; во льготные годы в тех городах торговать им, Черкассам, всякими товарами беспошлинно, и держать шинки по своим обыкностям безоброчно, и дальние полковые службы в те годы не служить же, и податей и оброков никаких не платить, кроме того, что строить им те города и селиться дворами, и пашенные свои земли распахивать и оберегать от Крымской и Ногайской стороны от приходу воинских людей; а после тех льготных лет старшине и которые казаки учнут служить полковую службу, винокурни и шинки держать по-прежнему безоброчно, и во всём пришлых Черкас обнадёживать[21].

ГРАМОТА

19 февраля 7192 (1684) года Черкасскому Харьковскому Полковнику Григорию Донцу.

От Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великие и Малые и Белые России Самодержцев Черкасскому Полковнику Григорию Донцу.

В прошлом 7190 году февраля во 17 числе, по указу брата Нашего, блаженной памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всея Великие и Малые и Белые России Самодержца, послана к тебе грамота: велено тебе по твоему челобитью житии в новопостроенном городе Изюме и в тот город и в урочища, которые к тому городу смежны, в Спеваковке и на Пришибе, призывать на вечное житьё Белгородского полку из черкасских Сумского и Ахтырского и своего Харьковского полку из городов неслужилых черкас, а в Спеваковке и на Пришибе тем черкасам городы строить и селиться собою, пашенные земли пахать и всякими угодьи владеть по отводу Генерала Нашего и воеводы Григория Ивановича Косагова, а промеж собою по разделу по их черкасским обыкностям, а льготы им делать во всяких податях, смотря по людем лет на десять, а бедным и одиноким и на пятнадцать, а воеводам и приказным людям в тех городах в те льготные годы у них не быть, а ведать их тебе и полку твоего урядникам, и в те же льготные годы в тех городах торговать им, черкасы, всякими товары беспошлинно и держать шинки, по своим прежним обыкностям, безоброчно, и дальние полковые службы в те годы не служить и податей и оброков никаких не платить, кроме то, что строить им те городы и селиться дворами и пашенные свои земли распахивать и бережье держать от Крымской и Ногайской Сторон, от приходу воинских людей, а после тех льготных лет тебе и старшине и сотникам, и которые казаки учнут держать полковую службу, винные варницы и шинки велено держать по-прежнему безоброчно, и во всём в том тебе пришлых черкас Нашею Государскою милостью обнадёживать, а в малороссийские городы для признания черкас послать и русских беглых служилых людей и боярских холопей, и крестьян, також и черкас, которые в городах в службах написаны, принимать не велено отнюдь никакими делы. А буде у тебя, в тех городах, такие русские и черкасы, и беглые холопи, и крестьяне объявятся, и тех всех переймав, отсылать в те города; кто из которых прибудет, и отдавать воеводам и приказным людям с расписками. И как к тебе ся Наша, Великих Государей, грамота придёт, и тебе в новопостроенном городе Изюме жить и в тот город и в урочища, в Спеваков и в иные места по той черте Сумского и Ахтырского и своего Харьковского полку черкас на житьё призывать и Нашею Государскою милостью обнадёживать их и о всём чинить по прежнему Нашему, Великих Государей, указу как писано выше всего и в том во всём Нам, Великим Государям, показать свою радетельную службу, а в Малороссийские городы для призывания черкас не посылать и русских беглых служилых людей, и боярских холопей, и крестьян, также и черкас, которые в городах в службах написаны не принимать отнюдь никоторыми делы, а буде у тебя в тех городах такие русские люди и черкасы, и беглые холопи, и крестьяне

---

[21] Топографическое описание Харьковского наместничества. Харьков. 1888 г., стр. 16–17.

объявятся, и тех всех, переймав, отсылать в те города, кто из которых придёт, и велеть отдавать воеводам и приказным людям с расписками. А в которых годах и месяцах, и числах и с которых городов и кто именно черкасы придут, и где по новой черте на вечное житье устроены будут и каковы города и сёла построят, и то всё велеть писать в книги подлинно порознь, да о том в Курск к боярину Нашему и воеводам Алексею Семёновичу Шеину с товарищи писать и книги за рукой посылать. Писан в Москве лета 7192 февраля в 19 день[22].

ГРАМОТА

7192 (1684) года 5 мая Харьковскому Полковнику Григорию Донцу.

От Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великие и Малые и Белые России Самодержцев, в Харьков, Харьковскому Полковнику Григорию Донцу.

В нынешнем 192 году во апреля...[23] в приказ большой казны: в Нашем, Великих Государей, указе из разряду, за пропиской дьяка Нашего Перфилия Олевсиникова, написано: в нынешнем 192 году, февраля 19-го пожаловали Мы, Великие Государи, Харькова города и Харьковского полку всех городов урядников и старшину, и полковые службы казаков за их службы и для их иноземства, велели им в тех городах всякими товары торговать беспошлинно, и для того в Харькове в таможне верным головам и целовальникам русским быть не велели, а велели тое Харьковскую таможню отдать им, старшине и полковой службы казакам, и таможенную пошлину с русских со всяких чинов людей, а с приезжих русских и черкас самым по уставной грамоте, а лишнего не имать, а с пошлинных денег с той таможни платить им, по окладу против сбору 190 году. по двести по тринадцать рублев по две алтыны на год в Белгород на все годы без недобору сполна, а в тую Харьковскую таможню для сбору тех пошлин выбрать им, старшине и казакам, кого-нибудь меж себя. И апреля...[24] день Мы, Великие Государи, и сестра Наша, Великая Государыня, благоверная Царевна и Великая Княжна София Алексеевна, слушав о том докладной выписки в комнате, указали тое Харьковскую таможню отдать Харьковским старшинам и полковой службы казакам и таможенную пошлину с русских со всяких чинов людей и с приезжих русских же и черкас со всяких их продажных товаров, впредь со 193 году сентября 30 числа собирать им, черкасам самим, кого они меж себя и к тому сбору выберут по уставной грамоте и по новому торговому уставу, а лишнего против уставной грамоты и торгового устава не имать, что бы от той таможни иных городов таможенным сборам порухи и недоборов не было, а с таможенных сборов и с тое Харьковские таможни платить им, старшине и казакам, по окладу против сбору 190 году по двести по тринадцать Рублев по два алтына с деньгой, в Белгороде по все годы по недобору сполна, а из Белгорода те деньги прислать к Нам, Великим Государям, к Москве в приказ большой казны, а русским людям в головах, в целовальниках у того таможенного сбору не быть и о том в Курске к бояршну Нашему и воеводе, к Алексею Семёновичу Шеину с товарищи, и к тебе Полковнику Григорию Донцу послать Наши, Великих Государей, грамоты; и как к тебе ся Наша, Великих Государей, грамота придёт, и ты о сборе и платеже Харьковских таможных пошлин учини впредь со 193 году по Нашему, Великих Государей, указу, как о том писано в сей Нашей, Великих Государей, грамоте выше сего.

Писана на Москве лета 7192 мая в 5 день.

У подлинной Великих Государей грамоте припись дьяка Артемия Лобкова, справа подьячего Авт. Телицына. Подана в Харькове 192 году августа в 5 день. Великих Государей грамоту подал мещанин В. Сухаревский зять. В должности полкового писаря канцелярист Ив. Пащенков, читал канцелярист Сидоренко[25].

---

[22] В. В. Гуров. Сборник судебных решений. Харьков. 1884 год, стр. 473–474.

[23] Число написано неразборчиво.

[24] Число написано неразборчиво.

[25] П. Чижевский. Старозаимочные земли. Харьков. 1883г. ст. V.

ГРАМОТА

Харьковскому Полковнику Константину Григорьевичу Донцу
января 31 дня 7193 (1685) года.

Пожаловали Мы, Великие Государи, Белгородского разряду Черкасского Харьковского Наказного Полковника Константина, Григорьева сына, Донца, за многие службы отца его, Харьковского же Полковника, Григория Донца, велели ему у того же полку быть Полковником с отцом его, Григорием, вместе; а для бережения того полку и украинских городов и для скорых сборов и походов жить ему, Константину, в новопостроенном городе Изюме, а в полку у него быть старшине и урядникам, и казакам: Изюмским, Остропольским, Двуречанским, Новой Перекопи, Булыклейским, Андреевых Лоз, Бышкинским, Лимановским, Савинским, Царевоборисовским, Сенковским, Купецким, Калинским, итого тринадцать городов. И на то полковничество дать ему сию Нашу, Царского Величества, жалованную грамоту, за Нашею Государскою отворчатою красного воску печатью. А Полковнику Константину Донцу, видя к себе Нашего Царского Величества премногую и высокую милость и жалование, Нам, Великим Государям, и Нашим Царского Величества наследникам служить верно и всякого добра хотеть со всяким раденисм; и над неприятельскими людьми промыслы и поиски чинить со всяким желательным хотением, и в полки и в городы к боярам Нашим и воеводам про неприятельские замыслы и про приходы и про всё чинить ведомство скорые и подлинные, и службу свою совершать со всякой верностью, без всякой хитрости, так же, как и отец его, Григорий, и ныне Белгородского полку черкасские полковники служат, а отцу своему, Григорию, быть во всём послушну, а полку своего старшине и урядникам и всему поспольству в судах и во всяких делах чинить в правду, по старым своим казацким обыкновениям, и держать к ним ласку и привет, что бы они в Харьковском полку в новопостроенных городах множились и строились, а своевольников и ослушников унимать и держать их в крепости, что бы в полку было всё стройно и бережно.

Писана Государствия Нашего во Дворе, в Царствующем великом граде Москве, лета от сотворения мира 7193, месяца января 31 дня[26].

ГРАМОТА

10 июня 7194 (1686) года Харьковским Полковникам Григорию и Константину Донцам.

От Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича и Великой Государыни Благоверной Царевны и Великой Княжны Софьи Алексеевны, Всея Великие и Малые и Белые России Самодержцев, Черкасским Харьковским Полковникам Григорию да Константину Донцам.

В прошлом 172 году у Отца Нашего, Великих Государей, блаженной и вечнодостойной памяти у Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великих и Малых и Белых России Самодержца, учинено было с Польским Яном – Казимиром Королём перемирие на тринадцать лет и шесть месяцев, а потом у Брата Нашего, Великого Государя, блаженной же памяти у Великого Государя, Царя и Великого Князя Фёодора Алексеевича, всея Великие и Малые и Белые России Самодержца, учинено было с Польским Яном Третьим Королём перемирие на тринадцать лет и на шесть месяцев и в те перемирные лета уступили они, Великие Государи, Их Царские Величества, в сторону Короля Польского и Речи Посполитой города: Полоцк, Витебск, Динаборию, Лютень, Резяцу, Велижневель, Себер со всеми уездами и землями, да с теми городами дано в польскую сторону в два перемирия денежной казны четыреста тысяч рублей, а Смоленск с пригородки и черкасские городы оставлены были в стороне Нашего Царского Вели-

[26] Преосв. Филарет «Историко статистическое описание Харьковской епархии». Москва, 1857 г. Отд. V. 18

чества только на те же перемирные лета, на время також и город Киев по первому перемирию удержан был в державе Нашего Царского Величества только на два года, а по выхождению двух лет договорились его отдать Королю же Польскому и Речи Посполитой. И на том Отец Наш, Великих Государей, блаженной памяти Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Великие и Малые и Белые России Самодержец, пред Святым Евангелием трижды Своё Царское обещание учинили, что Киев отдать Королю Польскому и те перемирные лета ныне выходили. А что в ту прошедшую войну с Королевством Польским и Княжеством Литовским Наши, Великих Государей, будучи в Польше и Литве ратные люди, поймали в полон и вывезли в Российское Государство Польского и Литовского народу, мужеского и женского полу, шляхетского и служилого чину, и мещан, и пашенных крестьян, многие сот тысячи, также и костёльных всяких утварей и украшений, и колоколов из городов и на боях пушек и всяких воинских орудий в те времена взяли и то всё, по тем вышепомянутым перемирным договорам, оставлено было в стороне Нашего Царского Величества только на те перемирные лета, а по выхождении перемирных лет, то всё отдать было в сторону Короля же Польского и Речи Посполитой. И в нынешнем 194 году милостью Всемогущего в Троице Славимого бога и предстательством надежды христианской Пресвятой Богородицы и всех святых молитвами, с Нашим, Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и Великой Государыни и Благоверной Царевны и Великой Княжны Софьи Алексеевны, всея Великие и Малые и Белые Россни Самодержцев, и всего Нашего Государского дому счастьем, будучи при Нашем, Великих Государей, Нашего Царского Величества дворе, в Царствующем великом граде Москве, Польского Короля великие и полномочные послы, Христтов Гримуштавский, воевода Познанский и Казимир Великого Княжества Литовского, Князь Марциан Огинский с товарищи с Нашими Царского Величества ближними бояры царственные большие печати и государственных великих посольских дел с оберегателем, с ближним боярином и наместником Новгородским, с Князем Василием Васильевичем Голицыным, с ближним боярином и наместником Вятским с Борисом Петровичем Шереметевым, с ближним боярином и наместником Суздальским Иваном Васильевичем Бутурлиным, с ближним окольничим и наместником Шацким с Петром Дмитриевичем Скуратовым, с ближним окольничим и наместником Муромским с Иваном Ивановичем Чаадаевым, да с думным дьяком, с Емилианом Игнатиевичем сыном Украинцевым с товарищи и, будучи в советах о вечном мире и святом покое, имели многие разговоры и трудности и на тех разговорах о вечном мире и о святом покое согласно договорили и постановили и утвердили, что между Нами, Великими Государями, Нашим Царским Величеством, и Королевским Величеством вечному миру и покою христианскому и объявленной и постоянной и утверждённой дружбе и доброй верности быть на веки ненарушимо. И по тому договору уступили и написали Нам, Великим Государям, Нашему Царскому Величеству, многие прибыльные, славные у всех христианских Государей титла, т. е., Нас, Великих Государей, писать в титлах пресветлейшими и державнейшими Великими Государями, вечно Киевскими, и Черниговскими, и Смоленскими Великими Государями, да по тем же договорам быть вечно Королевскому Величеству Святым церквям Божьим и Епископиям Луцкой, Галицкой, Перемышльской, Львовской, Белороссийской и при монастырям, архимандриям Виленской, Минской, Полоцкой, Оршанской и иным игуменствам, братствам, в которых обреталось и ныне обретается во всей коруне Польской и Великом Княжестве Литовском в потреблении благочестивой Грекороссийской веры всем живущим людям никакого утеснения в вере римской и к иной принуждение не чинить и чинить не велеть, но по данным правам во всяких свободах и вольностях церковных блюсти, а благословение и рукоположение и постановление всех духовных принимать, которые не есть в Польше и в Литве во благочестии в богоспасаемом граде Киеве от преосвященного Киевского Митрополита по духовному их чину и обыкновению без всякого препинания и вредительства Да Королевское же Величество Польское и вся Речь Посполитая тем вечным миром в сторону Нашего Царского Величества Российскому Царствию вечно уступили и отдали города: Смоленск, Дорогобуж, Белую Рославль с уездами и со всеми к тем городам принадлежащими землями и угодьи, как прошедшие перемирные лета те города и земли в стороне Нашего Царского Величества во владении и в державе были, так же с другой стороны в Нашу Царского Величества сторону

ГРАМОТА

**Харьковскому Полковнику Константину Григорьевичу Донцу
января 31 дня 7193 (1685) года.**

Пожаловали Мы, Великие Государи, Белгородского разряду Черкасского Харьковского Наказного Полковника Константина, Григорьева сына, Донца, за многие службы отца его, Харьковского же Полковника, Григория Донца, велели ему у того же полку быть Полковником с отцом его, Григорием, вместе; а для бережения того полку и украинских городов и для скорых сборов и походов жить ему, Константину, в новопостроенном городе Изюме, а в полку у него быть старшине и урядникам, и казакам: Изюмским, Острогольским, Двуречанским, Новой Перекопи, Булыклейским, Андреевых Лоз, Бишкинским, Лиманским, Савинским, Царевоборисовским, Сенковским, Купецким, Калинским, итого тринадцать городов. И на то полковничество дать ему сию Нашу, Царского Величества, жалованную грамоту, за Нашею Государскою отворчатою красного воску печатью. А Полковнику Константину Донцу, видя к себе Нашего Царского Величества премногую и высокую милость и жалование, Нам, Великим Государям, и Нашим Царского Величества наследникам служить верно и всякого добра хотеть со всяким радением; и над неприятельскими людьми промыслы и поиски чинить со всяким желательным хотением, и в полки и в городы к боярам Нашим и воеводам про неприятельские замыслы и про приходы и про всё чинить ведомство скорые и подлинные, и службу свою совершать со всякой верностью, без всякой хитрости, так же, как и отец его, Григорий, и ныне Белгородского полку черкасские полковники служат. а отцу своему, Григорию, быть во всём послушну, а полку своего старшине и урядникам и всему поспольству в судах и во всяких делах чинить в правду, по старым своим казацким обыкновениям, и держать к ним ласку и привет, что бы они в Харьковском полку в новопостроенных городах множились и строились, а своевольников и ослушников унимать и держать их в крепости, что бы в полку было всё стройно и бережно.

Писана Государствия Нашего во Дворе, в Царствующем великом граде Москве, лета от сотворения мира 7193, месяца января 31 дня[26].

ГРАМОТА

10 июня 7194 (1686) года Харьковским Полковникам Григорию и Константину Донцам.

От Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича и Великой Государыни Благоверной Царевны и Великой Княжны Софьи Алексеевны, Всея Великие и Малые и Белые России Самодержцев, Черкасским Харьковским Полковникам Григорию да Константину Донцам.

В прошлом 172 году у Отца Нашего, Великих Государей, блажсиной и вечнодостойной памяти у Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великих и Малых и Белых России Самодержца, учинено было с Польским Яном – Казимиром Королём перемирие на тринадцать лет и шесть месяцев, а потом у Брата Нашего, Великого Государя, блаженной же памяти у Великого Государя, Царя и Великого Князя Фёодора Алексеевича, всея Великие и Малые и Белые России Самодержца, учинено было с Польским Яном Третьим Королём перемирие на тринадцать лет и на шесть месяцев и в те перемирные лета уступили они, Великие Государи, Их Царские Величества, в сторону Короля Польского и Речи Посполитой города: Полоцк, Витебск, Динаборию, Лютень, Резяцу, Велижневель, Себер со всеми уездами и землями, да с теми городами дано в польскую сторону в два перемирия денежной казны четыреста тысяч рублей, а Смоленск с пригородки и черкасские городы оставлены были в стороне Нашего Царского Вели-

[26] Преосв. Филарет «Историко-статистическое описание Харьковской епархии». Москва, 1857 г. Отд. V. 18

чества только на те же перемирные лета, на время також и город Киев по первому перемирию удержан был в державе Нашего Царского Величества только на два года, а по выхождению двух лет договорились его отдать Королю же Польскому и Речи Посполитой. И на том Отец Наш, Великих Государей, блаженной памяти Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Великие и Малые и Белые России Самодержец, пред Святым Евангелием трижды Своё Царское обещание учинили, что Киев отдать Королю Польскому и те перемирные лета ныне выходили. А что в ту прошедшую войну с Королевством Польским и Княжеством Литовским Наши, Великих Государей, будучи в Польше и Литве ратные люди, поймали в полон и вывезли в Российское Государство Польского и Литовского народу, мужеского и женского полу, шляхетского и служилого чину, и мещан, и пашенных крестьян, многие сот тысячи, также и костёльных всяких утварей и украшений, и колоколов из городов и на боях пушек и всяких воинских орудий в те времена взяли и то все, по тем вышепомянутым перемирным договорам, оставлено было в стороне Нашего Царского Величества только на те перемирные лета, а по выхождении перемирных лет, то всё отдать было в сторону Короля же Польского и Речи Посполитой. И в нынешнем 194 году милостью Всемогущего в Троице Славимого бога и предстательством надежды христианской Пресвятой Богородицы и всех святых молитвами, с Нашим, Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и Великой Государыни и Благоверной Царевны и Великой Княжны Софьи Алексеевны, всея Великие и Малые и Белые России Самодержцев, и всего Нашего Государского дому счастьем, будучи при Нашем, Великих Государей, Нашего Царского Величества дворе, в Царствующем великом граде Москве, Польского Короля великие и полномочные послы, Криштов Гримуштавский, воевода Познанский и Казимир Великого Княжества Литовского. Князь Марциан Огинский с товарищи с Нашими Царского Величества ближними бояры царственные большие печати и государственных великих посольских дел с оберегателем, с ближним боярином и наместником Новгородским, с Князем Василием Васильевичем Голицыным, с ближним боярином и наместником Вятским с Борисом Петровичем Шереметевым, с ближним боярином и наместником Суздальским Иваном Васильевичем Бутурлиным, с ближним окольничим и наместником Шацким с Петром Дмитриевичем Скуратовым, с ближним окольничим и наместником Муромским с Иваном Ивановичем Чаадаевым, да с думным дьяком, с Емилианом Игнатиевичем сыном Украинцевым с товарищи и, будучи в советах о вечном мире и святом покое, имели многие разговоры и трудности и на тех разговорах о вечном мире и о святом покое согласно договорили и постановили и утвердили, что между Нами, Великими Государями, Нашим Царским Величеством, и Королевским Величеством вечному миру и покою христианскому и объявленной и постоянной и утверждённой дружбе и доброй верности быть на веки ненарушимо. И по тому договору уступили и написали Нам, Великим Государям, Нашему Царскому Величеству, многие прибыльные, славные у всех христианских Государей титла, т. е., Нас, Великих Государей, писать в титлах пресветлейшими и державнейшими Великими Государями, вечно Киевскими, и Черниговскими, и Смоленскими Великими Государями, да по тем же договорам быть вечно Королевскому Величеству Святым церквям Божьим и Епископиям Луцкой, Галицкой, Перемышльской, Львовской, Белороссийской и при монастырям, архимандриям Виленской, Минской, Полоцкой, Оршанской и иным игуменствам, братствам, в которых обреталось и ныне обретается во всей коруне Польской и Великом Княжестве Литовском в потреблении благочестивой Грекороссийской веры всем живущим людям никакого утеснения в вере римской и к иной принуждение не чинить и чинить не велеть, но по данным правам во всяких свободах и вольностях церковных блюсти, а благословение и рукоположение и постановление всех духовных принимать, которые не есть в Польше и в Литве во благочестии в богоспасаемом граде Киеве от преосвященного Киевского Митрополита по духовному их чину и обыкновению без всякого препинания и вредительства. Да Королевское же Величество Польское и вся Речь Посполитая тем вечным миром в сторону Нашего Царского Величества Российскому Царствию вечно уступили и отдали города: Смоленск, Дорогобуж, Белую Рославль с уездами и со всеми к тем городам принадлежащими землями и угодьи, как прошедшие перемирные лета те города и земли в стороне Нашего Царского Величества во владении и в державе были, так же с другой стороны в Нашу Царского Величества сторону

и Российскому Царствию отдали Королевское Величество и Речь Посполитая города же вечно: Чернигов, Стародуб, Почеп, Новгородок Северский, Глухов, Батурин, Нежин, Переяславль, Гадяч, Полтаву и к ним принадлежащие города и всю Малую Россию с войском Запорожским и со всем служилым и купеческим и пашенным народом. И по той стороне реки Днепра богоспасаемый град Киев с городами и с Сталками и Трипольем, с Васильковым, с Вышгородом и с местечком Демидовкой всякого чина людьми и со всем к ним принадлежащими землями и угодьи, так же и вниз рекою Днепром от Киева до Кодана и тот город Кодан и запорожский кош город Сечь и даже до чёрного леса и Чёрного моря со всеми землями и речками и со всеми принадлежащими угодьи, чем владели запорожцы, которые все те вышеписанные города и земли и войско запорожское и весь малороссийский народ в Нашу Царского Величества преславную и преименитую державу вечно оставаться быть имеет неподвижно. А что в прошедшую войну Нашего Царского Величества всяких чинов ратные люди польского и литовского народа шляхты, и войсковых всякого чина людей, и мещан и пашенных крестьян пленом поймали и в Российское Наше, Великих Государей, Государство вывезли и костёльных утварей, и украшений, и колоколов, и пушек и всяких воинских припасов взял и тому всему вышепомянутому полону мужеска и женска полу шляхте и мещанам, и пашенным крестьянам, которые ныне у бояр Наших и у окольничих, и у думных ближних людей, и у всяких чинов ратных людей в поместьях, и в вотчинах поселены в крестьяне и в задворные люди, и во дворах в холопстве, сим вечным мирным договором поставлено и укреплено остаться в Нашем Царского Величества Российском Царствии вечно же и впредь тому всему быть забвенну и непамятну. И теми договорными записьми Нашего Царского Величества ближние бояры и думные люди с теми Королевского Величества и Речи Посполитой с великими и полномочными послы разменялись и мая в третьем числе Мы, Великие Государи, Наше Царское Величество, от той всемирной радости с отцом Нашим Государевым и богомольцем, с великим господином Святейшим Иоакимом, Патриархом Московским и всея России, и с митрополиты и со всем священным собором в Нашем Царствующем великом граде Москве молебствовали и Мы, Великие Государи, Цари и Великие Князья Иоанн Алексеевич, Пётр Алексеевич и Великая Государыня, благоверная царевна и Великая Княжна София Алексеевна, всея Великие и Малые и Белые России Самодержцы, для постановления того вечного миру, пожаловали вас полковников и старшину, которые по Нашему, Великих Государей, указу, пожалованы вотчинами и иными землями и всякими угодьи и промыслами, за службу дедов и отцов ваших и за ваши которые службы и ратоборство и мужественное ополчение и храбрость показали, и крови и смерти в прошедшую войну в коруне Польской и в княжестве Литовском, не щадя голов своих, принимали, велели для того святого покоя тем всем вышеописанном владеть вам по прежнему вечно, да вас же полковников и полку вашего урядников и казаков за вашу верную службу жалуем и милостиво похваляем. И как к вам ся Наша, Великих Государей, грамота придёт, и вы бы, видя к себе, Нашу, Великих Государей, милость, и впредь Нам, Великим Государям, служили и Наше, Великих Государей, повеление во всём исполняли со всяким усердием и протопопу, и священникам, и всем церковникам, и причетникам, и полку своего урядникам, и казакам, и харьковским гражданским служилым, и жилецким всяких чинов людям велели быть в соборную церковь и в соборной и по приходским церквам и в монастырях о Нашем, Великих Государей, многолетнем здравии и о мире, и о покое, и о тишине, и о благоденствии петь молебное пение со звоном, а после молебного пения полку своего урядников и казаков и градских и всяких чинов ратных и жилецких людей велели собрать и сказали им, что Мы, Великие Государи, жалуя их, велели им о том вечном мире сказать, чтоб им всем то было ведомо и за вышеписанные их ратных чинов людей и храбрые, и явные, и отменные службы, и крепкое, и мужественное в коруне Польской и в княжестве Литовском промыслы и поиски храбростью своею и мужеством чинили и Нашему, Великих Государей, имени и чести, и всему Московскому Государству на хвалу по всем окрестным государствам славно показали, жалуем их и милостиво похваляем, и они б все, видя такое милосердие Божье, что Его Святою милостью христианская кровь утолилась и учинился нынешним вечным миром покой; и вы б, видя к себе Нашу, Великих Государей, милость и жалование, воздали хвалу и благодарение Богу и Его Матери Пречистой Богородице и Угодникам Его Святым и Нам, Великим Государям, и впредь служи-

ни со всяким усердием и за те свои службы, и за усердное радение ожидали к себе Нашей, Великих Государей, милость и жалованья свыше прежнего, да о том к Нам, Великим Государям, писали и отписку велели подать разряд, думному Нашему дьяку Василию Григорьевичу Семёнову с товарищи. А сею Нашею, Великих Государей, милостивою грамотою послан к вам Иван Еремеев сын Домнин.

Писан на Москве лета 7194 июня в 10 день.

В подлинной Великих Государей грамоте припись дьяка Ивана Ляпуиова справа Ивана Наукова[27].

ПАМЯТЬ

4 ноября 7194 (1686) года Харьковским Полковникам Григорию Ерофеевичу и Константину Григорьевичу Донцам.

Лета семь тысяч сто девяносто четвёртого года ноябрь в 4 день, по указу Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великие и Малые и Белые России Самодержцев, Харьковским Полковникам Григорию Ерофеевичу, Константину Григорьевичу Донцам.

Ноября в 4 день Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великие и Малые и Белые России Самодержцев, в грамоте из разряду, в Курск, к боярину и воеводе Князю Андрею Михайловичу Голицыну с товарищи, за приписью дьяка Перфила Олавенникова, написано: в прошлом 191 году в Их, Великих Государей, грамотах к нему, боярину и воеводам и Белгородского полку городы, которые землями ведомы в разряде к воеводы и приказным людям написано: впредь в тех городах служилым и никаким людям в поместья диких поль и никаких порожних земель и выморочных поместий и всяких угодий без Их Государских указных грамот из разряду давать по заимкам, и по поступкам, и по закладным никому владеть не велено. И ныне ведомо Им, Великим Государям, учинилось, что в Сумской, Изюмского и иных черкасских полков городах приказные люди вам, черкасским полковникам, и полков ваших урядникам и казакам и помещикам, прежними вашими землями, заимками и пасеками, и хуторами, и сенными покосы, и всякими угодьи владеть не велят и говорят вам, будто земли и всякие угодьи велено мерить, а Их, Великих Государей, указу о том к ним из разряду не послано, а по Их, Великих Государей, указу в украинских старых городах земель давать по вышеписанным статьям не велено для того, что в тех городах велено быть писцам и по Их, Великих Государей, указу. Белгородского полку, вам, полковникам черкасским и полков ваших урядникам и казакам и мещанам, в тех городах и уездах, и кто где живёт, землями и пасеками, и сенными покосы и всякими угодьи, которые вы заняли себе по своим заимкам, велено владеть по-прежнему по вашим черкасским обыкностям и о том к вам полковникам, велено боярину и воеводе Князю Андрею Михайловичу от себя писать, что бы вы о том на Их Государскую милость и впредь были надежны без всякого сумления, а воеводам и приказным людям того делать и в такие дела вступиться отнюдь не велено. И как к вам ся память придёт, и полку вашему урядникам, казакам и мещанам в тех городах и уездах, где кто живёт, землями и пасеками и сенными покосы и всякими угодьи, которые вы заняли себе по своим заимкам, владеть по-прежнему, по своим черкасским обыкностям, и в том на Их Государскую милость быть и впредь надежны без всякого сумнения.

В подлинной памяти на обороте припись дьяка Клима Судейкина, справа подъячего Архипа Моисеева[28].

---

[27] В. В. Гуров. Сборник судебных решений. Харьков. 1884 г., 475–480.

[28] В. В. Гуров. Сборник судебных решений. Харьков. 84 г. 430–431.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

ВОЕВОДЫ ГОРОДА ХАРЬКОВА.

(С 1656 года по 1690 год).

1. С 1656 по 1658 год Воин Селифонтов.
2. » 1658 » 1660 » Иван Офросимов.
3. » 1660 » 1662 » Василий Сухотин.
4. » 1662 » 1664 » Еремей Сибилев.
5. » 1664 » 1668 » Василий Тарбеев.

По челобитью жителей г. Харькова Тарбеев оставлен был воеводой на второе двухлетие (Белг. ст., столб. 471, л. 53).

6. » 1668 » 1670 » Лев Сытин
7. » 1670 » 1674 » Григорий Грецов.

По челобитью жителей г. Харькова Грецов оставлен был воеводой на второе двухлетие (там же, столб. 783, лл. 309-313).

8. » 1674 » 1676 » Андрей Щербачёв
9. » 1676 » 1678 » Осип Корсаков.
10. » 1678 » 1680 » Иван Маслов.
11. » 1680 » 1682 » Леонтий Шеншин.
12. » 1682 » 1684 » ?
13. 1685 г. Фотий Салов

Из челобития жителей г. Харькова (там же, столб. 1175, лл. 436–439) видно, что в указанном году Салов был воеводой, но по жалобе «русских людей» был смещён. Харьковские черкасы просили Царя оставить его, доказывая, что возводимые на него обвинения ложны. Просьба исполнена не была. Приказано было назначить временного из Курска.

14. » 1686 » 1688 » Мих. Суслов (умер на воеводстве).
15. » 1688 » 1690 » Иван Кобяков.

В упоминаемой в тексте инструкции (от 19 ноября 1688 г.) приказывается С. Дурново принять воеводство г. Харькова от Суслова. Принятие почему-то не состоялось. Между тем Суслов умер (там же, столб. 1290, лл. 56-60) и воеводой после него был Кобяков; видно это из отписки самого Дурново: «во 198 (1690) в марте месяце... велено мне, холопу вашему, быть...; в Харькове на Иваново место Кобякова воеводою, а переменить его Ивана в том городе мне, холопу вашему, *бессрочно*... (Матер .т. 1, докум. № 34).

16. » 1690 » ? » Семён Дурново

Примечание: В приведенных годах принятия Харьковскими воеводами должности, может быть, и есть незначительные ошибки, в силу многих причин; к тому же в одном, напр., документе принятие должности показано в 1688 г.,

в другом в 1689; разницу составляет, конечно, не целый год, а всего лишь несколько месяцев; год же тогда начинался с сентября, а летосчисление от сотворения мира, полагая, что от этой эры до Р. Х. прошло 5508 лет. Поэтому *при переводе* на теперешнее летосчисление (от Р. Х.) нужно иметь в виду, что тогдашний год как бы состоял из двух половин Напр., с 1 сент. по 31 декабря 7196 г. будет1 сент. 31 дек 1688 года, а 1 янв. - 31 авг. 7196 г. будет уже 1 янв 31 авг 1689 г. При невнимательном переводе допетровского летосчисления на наше возможны и ошибки, если напр. просто взять 7196 год и вычесть из него 5508 лет: тогда, положим, 1 февраля 7196 г. выйдет 1 февраля 1688 г., тогда как, на самом деле, это будет 1 февраля 1689 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

«СПИСОК ХАРЬКОВСКИМ ЧЕРКАСАМ» 1655 ГОДА

(Архив Министерства Юстиции, Белгородский стол, столбец 392-й, листы 205–214)

АТАМАН

Иван Васильевич Кривошлык.

Первая сотня.

Сотник Тимош Лавринов,
Мартын Поруля, Миско Иваненко,
Илья Иванов, Миско Соиченко,
Степан Суровченко, Клим Стриха,
Остап Слипченко, Юско Баранников,
Миско Кодатьцкий;
Десятник Грицко Лавренко, Феско Мотыленко,
Ивашка Камышанец, Куиаш Шеметов,
Тимко Жук, Савва Гавриленко,
Феско Валенко, Василий Афонасенко,
Роман Даниленко, Матвей Кременчуской;
Десятник Кондрат Волошин, Роман Грищенко,
Василий Тимошенко, Степан Якименко,
Алекса Даниленко, Алекса Швец,
Семён Якименко, Тимко Ткач,
Кузьма Ессаул, Грицко Могильник;
Десятник Авдей Иваненко, Андрей Швец,
Иван Осипенко, Иван Швец,
Кузьма Ященко, Роман Клименко,
Пётр Мартыненко, Захар Иваненко,
Иван Журавель, Прот Резник;
Десятник Афонасий Кравец, Андрей Хмель,

Прот Мартыненко, Пётр Гавриленко,
Юско Селишин, Левко Зенковский,
Грицко Иваненко, Степан Кондратенко,
Данило Устивицкий, Ерема Кременчуский;
Десятник Курило Павленко, Павел Петренко,
Семён Михаленко, Фёдор Исаенко,
Максим Онофренко, Алфёр Дурасенко,
Василий Кременчуский, Фёдор Романенко,
Грицко Дехтяренко, Остап Ивашенко;
Десятник Иван Коваль, Фёдор Слипенко,
Лукьян Левченко, Кузьма Сатин,
Иван Шабун, Бориско Фоменко,
Фёдор Ерёменко, Василий Ломако,
Андрей Лукьяненко, Василий Грипеш;
Десятник Иван Афонасенко, Харитон Федоренко,
Григорий Черавков, Григорий Семёнов,
Юско Шимченко, Пётр Малышенко,
Юско Погребный, Яков Шарков-зять,
Степан Дементенко, Григорий Мендель;
Десятник Кондрат Пущенко, Юско Денисенко,
Сила Семёнов, Савва Яковленко,
Григорий Циркуненко, Григорий Кременчуский,
Корней Мотыленко, Абрам Тетренко,
Харитон Иваненко, Андрей Цыркун;
Десятник Тимофей Слепченко, Захар Беседа,
Григорий Омельяненко, Матвей Кондратенко,
Данило Савченко, Савва Тимошенко,
Климко Старин-брат, Василий Фоманенко,
Василий Калиненко, Василий Беседенко,
Тимофей Даниленко.

Вторая сотня.

Сотник Логин Ященко
Феска Кравец, Яков Каркачёв,
Андрей Петров, Андрей Ященко,
Фёдор Швец, Михайло Близниченко,
Семён Колесников, Григорий Клейник,
Василий Жижденко;
Десятник Яков Максименко, Юско Коваль,
Семён Бутко, Иван Покуфеченко,
Стенько Масленко, Семён Гордеенко,
Кондрат Иваненко, Семён Мосеев,
Мосей Семёнов, Гаврилко Иваненко;
Десятник Прокоп Евфименко, Тимош Ценковский
Матвей Семёнов, Яков Иваненко,
Аким Стасенко, Яков Светличный,
Роман Наливайченко, Паско Алейниченко,
Юско Хороший, Остап Жученко;
Десятник Мартын Михаленко, Степан Павленко,
Юско Кривый, Иван Даниленко,

Михайло Нещенко, Данило Михненко,
Павел Иваненко, Миско Чёрный,
Лазарь Василенко, Демко Жученко;
Десятник Мартын Кушнер, Тимофей Волосенко,
Мартын Валеватый, Василий Коваль,
Яков Корнеенко, Иван Гребенников,
Алексей Теперь, Семён Дурной,
Миско Гунко, Иван Овчаренко;
Десятник Левко Калашник, Кондрат Мартыненко,
Демка Романов, Ефрем Рогатинка,
Прокофий Усатин, Яков Лазаренко,
Степан Горобец, Юско Юрченко,
Василий Тимченко, Давид Степаненко;
Десятник Савелий Чваненко, Василий Остродиненко,
Мирко Воробенко, Фома Лисенко,
Андрей Захарченко, Юско Иваненко,
Степан Дерлишенко, Фетко Якименко,
Абрам Гридченко, Кондрат Гурченко;
Десятник Никифор Пасюченко, Кузьма Токарь,
Андрей Пляш, Ермолай Долбня,
Яцко Захарченко, Миско Кубрак,
Грицко Калениковский, Грицко Даниленко,
Степан Тихоненко, Грицко Калинковский;
Десятник Иван Сходовова-зять, Иван Дубовиченко,
Потап Сидоренко, Иван Дубовик,
Василий Перевозник, Михайло Солодкий,
Семён Сторож, Иван Тихой,
Гаврило Панченко, Марко Андреенко;
Десятник Михайло Ситник, Данило Щупищин-зять,
Гаврило Иванов, Матвей Микуленко,
Юско Донченко, Савелий Подорожной,
Демьян Щупенко, Иван Жехно,
Мосей Игнатенко, Яков Андреенко.

Третья сотня.

Сотник Малей Федоренко,
Степан Гончар, Иващка Григорьев,
Костя Гриценко, Иван Белоус,
Иван Михненко, Андрей Сергеенко,
Сопрон Иевленко, Семён Мартыненко,
Андрей Колашников;
Десятник Остап Луценко, Савва Калинниченко,
Иван Лащенко, Иван Степаненко,
Василий Шкарупа, Тарас Кривошея,
Евтух Иванченко, Герасим Стадник,
Сопрон Жученко, Степан Борисенко;
Десятник Марко Столяр, Калинник Швец,
Трофим Сабынинский, Пётр Рудый,
Степан Римар, Василий Кодацково,
Трофим Федоренко, Михайло Пасюченко,

Данило Матвеев, Феско Федоренко;
Десятник Яков Ледыга, Миско Герасименко,
Лаврин Яковенко, Борис Исаенко,
Семён Кравец, Захар Трегубченко,
Григорий Галденко, Иван Ромах,
Семён Гридченко, Максим Гриненко,
Десятник Юско Гурба, Еремей Андреенко,
Фёдор Заяц, Дмитрий Иваненко,
Степан Василенко, Данило Денисенко,
Григорий Максименко, Григорий Дубник,
Григорий Козацкий. Афонасей Дмитреенко;
Десятник Демко Мельник, Клим Посюдцкий,
Семён Гриченко, Иван Мартыненко,
Фёдор Гавриленко, Андрей Чалой,
Матвей Семененко, Матвей Михайленко,
Яким Гуренко, Микита Корнюсенко;
Десятник Максим Павленко, Василий Федоренко,
Денис Черной, Андрей Погребный,
Андрей Михалченко, Иван Гаврилов,
Марко Катонко, Григорий Кондратенко,
Иван Погребненко, Иван Драбезго;
Десятник Василий Рукавченко, Ефим Мартыненко,
Иван Степаненко, Максим Иваненко,
Степан Кулиник, Родион Мартыненко,
Онофрий Недбаенко, Данило Карпенко,
Савва Дмитренко, Яско Ященко;
Десятник Онисим Кондратенко, Парфён Проценко,
Иван Лысой, Василий Гриненко,
Матвей Иваненко, Миско Дубка,
Феско Стативченко, Кузьма Лищенко,
Роман Федоренко, Василий Бреус;
Десятник Фёдор Василенко, Якимко Омеляненко,
Фёдор Иваненко, Василий Лазаренко,
Лукий Павленко, Демко Лютенский,
Матвей Погребный, Григорий Максименко,
Фёдор Юдченко, Андрей Яковенко.

Четвёртая сотия.

Сотник Семён Песоцкий,
Парфён Прохоров, Фёдор Алейников,
Мартын Филиппенко, Василий Иваненко,
Василий Скиблицково-зять, Грицко Булюкаленко,
Василий Иваненко, Иван Иваненко,
Иска Иваненко;
Десятник Семён Андреенко, Иван Юленко,
Иван Андреев, Емельян Ващенко,
Михайло Савеленко, Иван Васильев,
Герасим Василенко, Иван Заровной,
Михайло Лесщенко, Иван Гриценко;
Десятник Иван Сухой, Мосей Ставитцкий,

Левон Калиниченко, Терентий Иваненко,
Иван Фёдоров, Дмитро Иваненко,
Микула Иваненко, Семен Панченко,
Василий Череда, Василий Растенко,
Десятник Григорий Безкишки, Левко Мишенко,
Герасим Яценко, Степан Филипенко,
Иван Федоренко, Григорий Яценко,
Матвей Кондратенко, Семён Иваненко,
Федор Тимошенко, Дмитрий Гриценко;
Десятник Лазарь Котляр, Фёдор Афонасенко,
Потап Масленко, Степан Долбня,
Григорий Юсщенко, Михайло Солодкий,
Кондрат Емченко Иван Емченкенко,
Клим Серик, Миско Киприч;
Десятник Василий Мартынко, Аксенко Шпиль,
Миргородцкий, Иван Яковенко,
Сидор Мыслицкий, Яцко Ворошенко,
Гаврил Иваненко, Остап Иваненко,
Пётр Прокопенко, Павел Олференко;
Десятник Марко Лукашенко, Тимофей Миронченко,
Иван Гайдук, Антон Лазаренко,
Мартын Литвинко, Василий Байдаков-зять,
Василий Корытин, Лазарь Чёрной,
Данило Шульга, Савелий Слюсарь;
Десятник Максим Величенко, Степан Андреенко,
Андрей Кондратенко, Иван Хондыбенко,
Яким Иваненко, Иван Удов,
Филипп Андреенко, Иван Алексеенко,
Гапон Пасешник, Грицко Камышенец;
Десятник Иван Москаль, Васка Хмель,
Датцко Максименко, Савва Прокопенко,
Стенька Ткач, Семён Морозенко,
Левко Бут, Василь Клименко,
Семён Алейниченко, Василий Евфимов;
Десятник Конон Фёдоров, Миско Кравец,
Савелий Анисченко, Тимофей Фесщенко,
Семён Иваненко, Иванка Киреенко,
Андрей Василенко, Пётр Бут,
Илко Тупальсково-зять, Игнат Якименко,
Степан Юренко.

Пятая сотня.

Сотник Калинник Кушнерь,
Тимофей Костенко, Савелий Забуженко,
Харитон Иваненко, Василий Лысенко,
Семён Косовенко, Иван Гридченко,
Клим Иващенко, Логтин Костырин,
Васка Гридченко;
Десятник Дмитрий Антоненко, Феско Ходощенко,

Андрей Стрижка, Григорий Ващенко,
Филипп Гирченко, Фёдор Вал,
Иван Ахматов, Василий Белоус,
Тимофей Василенко, Василий Грамаденко;
Десятник Илько Яценко, Данило Карпенко,
Грицко Степаненко, Иван Гасай,
Иван Селипенко, Илько Дехтярь,
Василий Курилков-зять, Илько Матвеенко,
Евфимко Мищенко, Онисим Макаренко;
Десятник Лукашка Мищенко, Лукашка Михайленко,
Данил Плотавский, Самойло Даниленко,
Андрей Моксенко, Яким Мищенко,
Степан Дюженко, Мирон Лавриненко,
Исадан Иленко, Иван Сыроежко;
Десятник Савелий Каротченко, Петрушка Вал,
Иван Афонасьев, Феско Петренко,
Данило Иляшенко, Степан Майдуренко,
Лукашка Иваненко, Маско Максименко,
Феско Иваненко, Григорий Ермоленко;
Десятник Иван Хмель, Иван Гавриленко,
Роман Решетниченко, Кондрат Гридченко,
Фёдор Тимошенко, Дмитро Грищенко,
Левон Иваненко, Мартын Мартыненко,
Марко Тимофеев, Степан Мартыненко;
Десятник Фёдор Андреенко, Матвей Андреенко,
Микифор Колесенко, Луцын Макаренко,
Микита Подострожной, Дмитрейко Постолов,
Костя Данилов, Дементий Абакуленко,
Лазарь Гурбенко, Павел Лощенко;
Десятник Феско Василенко, Данило Иваненко,
Иван Яценко, Грицко Радченко,
Иван Дробязга, Фёдор Марченко,
Амельян Савченко, Онуфрий Алексеенко,
Левко Куриченко, Иван Гавриленко;
Десятник Матвей Даниленко, Матвей Клинешенко,
Фёдор Кузменко, Грицко Бондырь,
Михайло Самсоненко, Игнат Василенко,
Курилко Демченко, Павел Кондыбенко,
Михайло Скребец, Харитон Грунский;
Десятник Фёдор Иваненко, Иев Гридченко,
Данило Гридченко, Фома Петренко,
Степан Иваненко, Логин Крамарь,
Илько Романенко, Леско Детина,
Иван Василенко, Григорий Василенко,
Степан Кареденко.

Шестая сотня.

Сотник Костя Слюсарь,
Дорофей Скрыпка, Василец Пасешник,
Клим Федоренко, Степан Яковленко,

Миско Хайдоженко, Пётр Куреленко,
Мартын Куреленко, Андрей Анисченко,
Омелько Мищенко;
Десятник Михайло Андрющенко, Фома Фёдоров,
Григорий Яковленко, Иван Винодсенко,
Максим Терещенко, Иван Зозуленко,
Иван Гавриленко, Курило Макушенко,
Иван Гулен, Калина Марченко;
Десятник Симон Яценко. Миско Иваненко,
Василий Чекмез, Ерема Андреенко,
Иван Барщенко, Демко Бондырь,
Васка Мищенко, Калинка Ятченко,
Герасим Ерёменко, Семён Швец;
Десятник Савелий Пятченко, Иван Тупальково-зять.
Курило Иваненко, Матвей Плешенко,
Алексей Павленко, Юско Дмитренко,
Семён Анисченко, Андрей Максименко,
Василий Власенко, Ерема Алексеенко;
Десятник Кондрат Алещенко, Исадан Власенко,
Илья Асеенко, Дмитрий Тупальский,
Иван Веприцкий, Иван Чепела,
Лазарь Ерёменко, Афонасий Гавриленко.
Данило Буславченко, Семён Шигальченко;
Десятник Иван Рудый, Константин Барщик.
Иван Резник, Данило Михаленко,
Тихон Гребененко, Конон Андреев,
Яков Барщенко, Григорий Барщенко,
Фёдор Барщенко, Клим Кондратцкий,
Десятник Василий Гриценко, Фёдор Демченко,
Михайло Панченко, Лукьян Швец,
Герасим Паливайченко, Миско Тимошенко,
Конон Романенко. Пронка Семененко,
Калина Иваненко, Фёдор Резник;
Десятник Грицко Хрисков, Гаврила Зинковский,
Иван Плотавский, Иван Ермоленко,
Хриско Василенко, Иван Василенко,
Пётр Андреенко, Филипп Немчинин,
Андрей Иваненко, Криско Мартыненко,
Микула Войченко, Яков Даниленко,
Василий Гридченко.

«Всего харьковских черкас 587 чел. Да Харьковского-же уезду была слобода Хорошевское городище – черкас 50 чел. приписалось к Змиёву».

УДК 94 (477.54)
ББК 63.3 (4 Укр. – 4 Хар.) 46
ISBN 966–8246–22–5

ХАРЬКОВСКИЕ КАЗАКИ

Е. Альбовский

Редактор *А. Ф. Парамонов*
Корректор *А. В. Писаренко*
Компьютерная верстка *А. В. Павлов*
Оператор набора *С. В. Мирошниченко*

Подписано к печати 1.11.2005 г. Формат 84×108 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. листов 16,625.
Тираж 500 экз.

Харьковский частный музей городской усадьбы
ул. Квитки-Основьяненка, 4/6, г. Харьков, 61166, Украина,
тел.: (057) 757-36-05, 719-52-88
http://ysadba.rider.com.ua/
E-mail: paf69@mail.ru

Отпечатано в типографии ЧП Билетченко В.В.
(057) 758-35-98

Е. АЛЬБОВСКИЙ
ХАРЬКОВСКИЕ
КАЗАКИ
КНИГА 1 ТОМ 1

ОТКУДА
РОДОМ
ХАРЬКОВСКИЙ
ЧАСТНЫЙ
МУЗЕЙ
ГОРОДСКОЙ
УСАДЬБЫ